

1 ' 2013
(44)

ЯКУТСКИЙ

АРХИВ

ISSN 2307-9231

НАУЧНЫЙ И ИСТОРИКО-ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит 2 раза в год

Учредители:

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Департамент по архивному делу Республики Саха (Якутия)

Главный редактор

В.Н. Иванов

Заместители главного редактора:

А.Н. Алексеев,
А.А. Захарова

Ответственный секретарь

Е.П. Антонов

Редакционная коллегия:

Е.П. Антонов, А.А. Борисов,
С.И. Боякова, А.А. Калашников,
Н.Р. Константинов, Н.Н. Малышева,
Е.Ф. Молотков, М.М. Степанова,
Н.С. Степанова, П.П. Петров,
Д.А. Ширина

Ответственные за выпуск:

Е.П. Антонов, А.А. Захарова

Редактор

Е.Ф. Молотков

Обложка и макет

В.Н. Игнатъев

Коллаж

А.И. Харитонов

Компьютерная верстка

А.А. Строева

Адрес редакции:
677000, г. Якутск,
ул. Петровского, 1,
тел. 35-43-40

© ИГИиПМНС СО РАН, 2013
© ДАД РС(Я), 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ПИШЕМ ИСТОРИЮ ЯКУТИИ

- Иванова Л.Т., Степанова С.В.*
Традиции и новации современного исторического познания 3
- Борисов А.А., Петров П.П.*
Некоторые теоретико-методологические аспекты второго тома «Истории Якутии» 8

СТАТЬИ

- Старостина М.И.* Помощь колымских якутов экспедициям Академии наук и Русского географического общества (XVIII — начало XX в.) ... 16
- Иванов В.Н.* «Иногородцы» Якутской области в системе губернского управления (конец XIX — начало XX в.) 25
- Степанова Л.Б.* Вклад политссыльных в развитие музейного дела Якутии 31
- А.А. Павлов* Школьное образование в Верхоянском округе до 1917 года 36
- Корякин П.И.* Голова Намского улуса Иван Андреевич Сивцев 39
- Бурнашева Н.И.* Местное кустарное производство Якутии в условиях политических перемен (1917—1921 гг.)..... 41
- Ханды Н.А., А.Н. Маслова* — бессменный научный редактор «Библиография Якутии» Н.Н. Грибановского 47
- Попова Л.С.* Картина «Моление о чаше»: кто автор и где находится оригинал? 51

ПУБЛИКАЦИЯ И ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ

- «Мною исследована история развития якутского языка до наших дней» (К 120-летию П.А. Ойунского) (Публикация подготовлена В.Г. Бухертом)..... 56
- Березовский мамонт (Публикация подготовлена Е.В. Саввиной) 66
- «Благоприятный момент наступил только теперь» (Письмо Е.Д. Стрелова из Якутска 1916 г.) (Публикация подготовлена А.С. Смирновым) 74
- Письма М.В. Серошевской (1882—1964) отцу Вацлаву Серошевскому (Публикация подготовлена К.Р. Такасаевой) 80
- Винокурова Л.Е.* Обзор документов Санкт-Петербургского филиала архива РАН по Верхоянскому округу Якутской области 102

СВИДЕТЕЛЬСТВА, ВОСПОМИНАНИЯ

- Федоров В.И.* Размышления о прожитом 104

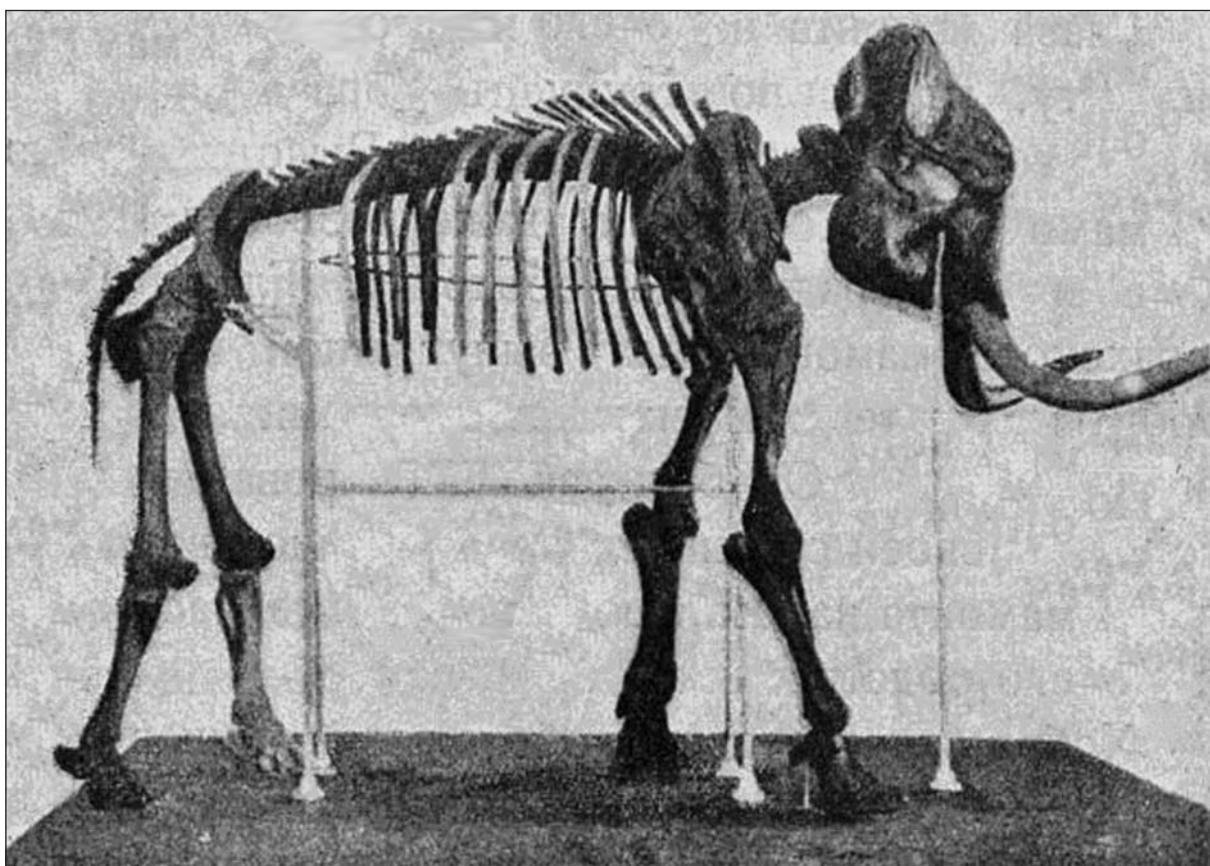
ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

- Антонов Ю.К.* От первых метеорологических наблюдений — к научным исследованиям (Метеостанции в Якутске — 125 лет) 109

НАШ КАЛЕНДАРЬ

- Ширина Д.А.* Иван Ефимович Негенбля (К 75-летию со дня рождения) 119

При использовании материалов журнала ссылка на него обязательна.

*Скелет берёзовского мамонта в Зоологическом музее,
г. Санкт-Петербург (см. текст на с. 66–73)*

Традиции и новации современного исторического познания

Л.Т. Иванова

С.В. Степанова

Людмила Тимофеевна
Иванова,

д.и.н., профессор СВФУ
им. М. Аммосова.

Сахайя Васильевна
Степанова,

к.и.н., доцент СВФУ
им. М. Аммосова.

Профессиональные историки всегда понимали, что писать историю — дело чрезвычайно трудное. Никогда не знаешь наверное, как всё происходило, и чем больше документов, тем больше затруднений для историка¹. Трудно было всегда, но особенно сложным стало историческое познание в современных условиях методологической революции и постмодернистского вызова. Историки признают, что наступивший затяжной эпистемиологический кризис поставил под сомнение саму веру в неизменность и доступность прошлого². Более того, поставлены под сомнение по-

знавательные возможности и даже само существование исторической науки.

Тем не менее, несмотря на все шатания и метания, историческая наука остаётся непоколебимой, поскольку неистребима рефлексия человека к познанию и самопознанию. Недаром история считается одной из самых древнейших наук. Еще в древности собиранием и накоплением документальных свидетельств о тех или иных событиях занимались античные авторы. В V в. до н.э. Геродот, Полибий и др. стремились собрать, накопить исторические свидетельства и на их основе

© Л.Т. Иванова, С.В. Степанова

объяснить исторические факты и события.

Безусловно, история пишется по документам. Нет документов — нет и истории. Факты — основа истории. Так считали позитивисты Л.Ранке, И. Дройзен, Ш. Сеньобос, Ф. Куладж и др. Они подняли значение фактографии до её фетишизации. «Письменные источники — это всё» — утверждали историки-позитивисты. Несомненно, позитивисты внесли весомый вклад в источниковедение: тщательно разработали принципы и приемы критического анализа источников, разработали основные методы исторического познания, ввели в научный оборот огромные пласты архивных материалов. Считалось, что если документы не фальсифицированы и подлинные, то им можно доверять. В подобной ситуации историческая наука становилась повествовательной, нарративной, а историки становились рабами источников.

Однако мир менялся. В XIX — нач. XX в. величайшие трансформации в мире, в обществе, науке породили новое миропонимание. В новых условиях старая позитивистская историческая наука перестала соответствовать усложнившимся реалиям жизни и стала подвергаться критике.

Первыми заговорили об очередном кризисе исторической науки во Франции историки знаменитой школы «Анналов». Старая историческая наука со своим тяжелым невы-

разительным языком, устаревшим исследовательским инструментарием нуждалась в обновлении, в перемене предмета истории, в новых методах, подходах и принципах³.

В процессе обновления предмет истории переместился с окружающих человека обстоятельств на самого человека в конкретно-исторических условиях. М.Блок — глава школы «Анналов» сформировал новое понимание, определил историю как науку о людях во времени. Историческая наука обрела человеческое содержание.

Новая историческая наука должна была изучать, понимать и объяснять всю сложность и противоречивость человека и его истории. Мир предстал перед историками более многообразным, многомерным и многополярным. Наука обогатилась новыми междисциплинарными методами, в том числе количественными, математическими, психоаналитическими и т.д.⁴.

Историческая наука получила возможность изучать не только макропроцессы, но и микроисторию. Обогатили историческое познание новые теории и принципы. Одна из них теория повседневности, когда одно событие, один день, быт, привычный уклад и образ жизни создавали особый колорит эпохи, способствовали восприятию истории в живых многоцветных красках, расширяли в целом познание истории. В исторической науке утвердился принцип мультipersпективно-

сти, который позволял изучить событие или факт с разных позиций, с разных точек зрения. Введение этого принципа позволяет преодолеть односторонность в познании истории.

В новой исторической науке историки-анналисты заговорили об активной роли историка в познании. Историк перестал быть рабом источника. Активная роль исследователя проявлялась прежде всего в том, что историк сам формулирует тему. Например, жизнь и деятельность Н.И. Бухарина может рассматриваться с разных позиций: Н.И. Бухарин — автор теории военного коммунизма, Н.И. Бухарин — жертва сталинизма. Кроме того в постановочной части исследования историк определяет структуру и проблематику работы, также исходя из собственного понимания темы.

Историк самостоятельно формирует источниковую базу: выявляет документы, читает, извлекает информацию, оценивает её. Именно историк возводит документы в статус источника. Следовательно, без активной работы историка с текстом, без вопрошающего историка — нет исторического источника.

Далее, историк самостоятельно обобщает полученную информацию, формирует репрезентативную систему фактов. Затем, на основе источникового и внеисточникового знания создает собственную конструкцию изучаемой темы. В итоге на этом этапе факты-

сообщения становятся историко-ографическими (научными) фактами.

Кроме того, работая с источниками, анналисты считали, что исследователь обязан глубоко вникнуть в т.н. социокультурный или, по-другому, в «исторический контекст», т.е. понять изучаемую эпоху, культуру, менталитет, специфику языка изучаемого времени⁵.

Иными словами устанавливался диалог между историком и творцами источников. Только при их взаимопонимании источники способны дать объективный ответ, в том числе сообщить много дополнительной информации. При этом важно учитывать особенности исторической эпохи, например, при изучении официальных документов советской эпохи необходимо помнить, что все они пронизаны синдромом тоталитарного мышления, марксистской идеологией. Нельзя забывать при этом и о методологическом принципе партийности, который довлел над принципом научной объективности.

Тоталитарное мышление авторов советско-партийных источников создавало множество спекулятивных рассуждений, обобщений и оценок, далеких от реалий жизни. К ним относятся лжетеории о развитии социализма, партийные доктрины об укреплении социалистической системы внутри страны и за рубежом. Все они являются дезориентирующими и спекулятивными факто-

рами в источниках советской эпохи.

Современная, антропологически ориентированная историческая наука проявляет особый интерес к духовной составляющей истории. Этот интерес вызывает потребность изучать поступки, поведение, характер, ментальность, индивидуальные личностные черты характера исторических деятелей, т.е. то, о чем говорил А.С. Лаппо-Данилевский — признание «чужой одушевленности», т.е. духовного мира человека, его души. Подобные задачи решаются, как правило, с помощью психоаналитических методов (теории амбивалентности, сверхкомпенсации, самоидентификации, маргинальности и т.д.).

В связи с этим в источниковедении изменилось отношение исследователя к расстановке приоритетов между «историческими остатками» и «историческими традициями». Весьма востребованными стали источники личного происхождения — мемуары, переписка, дневники, семейные альбомы, фотографии и т.д. На этой основе возникла новая отрасль исторического знания — психоистория. С её появлением при изучении исторического процесса стали выделять его субъективную сторону в ущерб объективной.

Это обстоятельство — одна из причин постмодернистского взрыва или вызова. Исторические источники стали казаться сугубо субъективными, более

того, иллюзорными. На этой основе возник релятивизм в историческом познании. Появилась известная формула: сколько историков, столько историй.

Постмодернисты К. Поппер, Ф. Фукуяма, Ж. Лиотар, Д. Том, Н. Хэнсон и др. заговорили о «нищете историцизма», т.е. исторической науки. К. Поппер утверждал, что исторические знания кумулятивно растут, нагромождаются друг на друга, создают противоречивые теории и концепции, в результате стало невозможным определять их объективную ценность. При этом историческая наука лишалась основных функций — научно-познавательной, воспитательной, прогнозирующей. Более того, постмодернисты не признавали ни законов, ни закономерностей истории, поскольку считали, что история — это цепь случайностей. По этой причине история лишалась смысла, а раз нет смысла, отпадала необходимость в самой науке. Появилась очередная постмодернистская теория Ф. Фукуямы о конце истории. На чем основываются постмодернисты? Нам представляется, что одним из теоретических посылов является синергетический подход к истории.

Синергетика выступает как общая методологическая основа постнеклассической философии истории, постмодернизма. Она исходит из открытия нобелевских лауреатов И. Пригожина и М. Хакена о наличии

в физике высокоорганизованных и равновесных структур. Далее оказалось, что синергетика вполне применима и в гуманитарной сфере. Человек, общество, этнос, а также все сферы человеческого общества представляют собой совокупность высокоорганизованных, динамичных, равновесных структур. Они способны к спонтанному саморазвитию, самоусовершенствованию, переходу в более высокое и сложное состояние. Для этого достаточно любого случайного, даже незначительного фактора, толчка, и развитие человека и общественных явлений пойдет по другой траектории. Точка ответвления называется бифуркацией. Получается, что случайность не отклонение, а норма. История — непредсказуемый, случайный, многовариантный и нелинейный процесс.

Безусловно, несмотря на наличие определенной полемики в гуманитарном познании, постмодернистские теории и синергетический подход расширили аналитический механизм изучения истории как многоуровневой и неравновесной системы. Синергетический «взгляд сверху» позволяет увидеть более четко социальную трансформацию нелинейной человеческой истории.

Сегодня в историческом познании допускаются три уровня влияния синергетики — концептуальный, категориальный и методический. На первом из них речь идет о проникновении в науку междисци-

плинарных методов, феномена самоорганизации в природе и обществе. На категориальном — синергетика расширила понятийно-категориальный аппарат, а методический аспект с помощью компьютерных технологий дал ключ к пониманию количественных и качественных изменений в историческом процессе⁶.

Таким образом, сегодня на ниве исторической науки происходят научные революции, звучат цивилизационные, в том числе постмодернистские вызовы, бушуют страсти между традициями и новациями. На их основе меняются методологические ориентиры, утверждаются новые стандарты. Всё это признаки роста, развития и обновления исторической науки. Эти новации означают, что историческая наука сохраняется и развивается. Она обновляется не только из-за инстинкта самосохранения, а вследствие того, что в обществе никогда не иссякнет спрос на историческое знание, а у людей — историческая рефлексия о своем прошлом.

В это сложное переходное время, время обновления самое главное — нужны новые профессиональные историки, достаточно теоретически подготовленные и компетентные, соответствующие требованиям времени, новым стандартам и парадигмам исторической науки.

Новая историческая наука предполагает новую концепцию научного познания, способную воспроизвести не толь-

ко событийную историю, но и провести объективный анализ экономических, социальных и ментальных структур истории. Это тем более актуально в связи с готовящимся новым трудом по истории Якутии, древнейшего и самобытного региона России, прошедшего четыре века совместного исторического пути.

Хотелось бы, чтобы авторы проекта четко разбирались в теоретико-методологических проблемах истории, поскольку без теории нет исторической науки. Неудобно читать о некоем «формационно-цивилизационном подходе», постоянно оперировать только геродотовскими методами в познании.

Необходимо понять и признать справедливым упрек, прозвучавший на одной известной конференции в Петербурге: «В сегодняшнем российском научно-историческом сообществе сложилась парадоксальная ситуация: о кризисе истории как науки знают те, кто читает современную литературу. Для остальных его как бы не существует. Огромная масса историков желает знать только традиционные каноны исторического познания, а все новации воспринимаются как ересь, про которую не хочет и слышать. Практически ни в одном российском вузе, исключая, пожалуй, два-три учебных заведения в Москве и Петербурге, программы обучения истории не учитывают современного состояния теории истории»⁷.

Не вдаваясь в конкретную проблематику готовящегося проекта, хотелось бы пожелать авторам выработать единый теоретический статус, единую концепцию истории Якутии, основанную на современных теоретико-методологических теориях, принципах и подходах, т.е. должна быть выработана единая и системная концептуальная основа исследования. Эмпирическая база, в том числе архивные источники, «ждут» нового прочтения и ввода в научный оборот новых пластов документов, выявленных современными методами с более широкими познавательными возможностями.

Эффективность новых принципов и подходов познания также очевидна. В качестве примера отметим полезность принципа мультиперспективности, позволяющего преодолеть одностороннее освещение исторических событий, например, по истории Гражданской войны в Якутии. В якутской историографии подробно изучена только борьба советской власти с белобандитизмом. Противоборствующая сторона, за исключением «пепеляевщины», остается в забвении, появился лишь термин «повстанчество». Возникает вопрос, а была ли гражданская война,

т.е. противостояние одной части населения другой.

Не менее сложным, но necessarily необходимыми представляется изучение других узловых проблем якутской истории, прежде всего общественно-политической истории, решения аграрного вопроса — коллективизации, культурно-духовной сферы, истории военного и послевоенного времени и т.д.

Не будем забывать, что современный историк — не раб источника, а по-современному мыслящий исследователь истории.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Коломийцев В.Ф. Методология истории. — М., 2001. — С. 3.

² Филюшкин А.И. Произошла ли методологическая революция в современной российской науке? // Историческая наука и методология истории в России XX в. — СПб, 2003. — С. 59.

³ Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. — № 11–12. — С. 21–35.

⁴ Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». — М., 1996. — № 19. — 240 с.; Математическая история и клиодинамика:

теории, модели // Российская история. — 2010. — № 3. — С. 219–220.

⁵ Гуревич А.Я. Указ. соч. — С. 27–28.

⁶ Бородкин Л.И. Методологические аспекты исследования цивилизационной динамики: синергетический подход // Социальные трансформации в российской истории. — Екатеринбург. 2004 — С. 26; Иванова Л.Т. Проблемы теории и методологии истории. — Якутск. 2008. — С. 29.

⁷ Историческая наука и методология истории в России XX в. К 140-летию со дня рождения А.С. Лаппо-Данилевского. — СПб. 2003. — С. 66.

Некоторые теоретико-методологические аспекты второго тома «Истории Якутии»

А.А. Борисов

П.П. Петров

Андриан Афанасьевич
Борисов,

д.и.н., г.н.с. отдела истории
Якутии ИГиИПМНС
СО РАН.

Пантелеймон Пантелеймонович
Петров,

к.и.н., завмузеем
академической науки Якутии
им. Г.П. Башарина ИГиИПМНС
СО РАН.

Очевидно, что при написании истории XVII–XIX вв. оценки и акценты должны быть иными. Нужен подход, который бы максимально устранил недостатки предыдущего издания середины XX в. Поэтому сначала укажем на эти недостатки, носившие объективный характер, ибо они проистекали из особенностей развития историографии и соответствовали господствовавшей идеологии.

Итак, *во-первых*, доминировала установка на показ прошлой истории как предвостройки страны, которая строила новое светлое будущее. Следовательно, развитие общества представлялось как линейное восхождение от примитивного

и реакционного прошлого к развитому и прогрессивному. Ясно, что при таком отношении невозможно было писать об успехах хозяйства или пусть скромных, но достижениях социальной политики царского правительства. Как можно было оценить уровень развития народов, посматривая «свысока» на их традиционный быт и культуру, которым отводилась роль реликтов и отмирающих форм. *Во-вторых*, классовый и, особенно, партийный подход подразумевали одностороннюю критику существовавшего до 1917 г. строя и политику правящего режима. При такой направленности предавались забвению не только важные собы-

тия, но и имена людей, хотя и имевших заслуги, но попадавших в разряд классово и идеологически чуждых элементов. Сюжеты о государственном управлении регионом, поскольку они возглавлялись не иначе как «царскими сатрапами», получали предвзятую оценку или вовсе не освещались. Благодаря современным исследованиям¹ мы знаем, что среди них были выдающиеся администраторы и политики. *В-третьих*, поскольку, это было продиктовано закономерностями развития науки, неразработанными оставались целые направления исторического процесса. Например, не освещались вопросы исторической демографии и географии — научных дисциплин, находившихся под подозрением правившего режима, особенно, в 1920–1940-х гг. как наследие буржуазной науки. Таким образом, такие сюжеты как народонаселение, уровень и качество жизни, региональная экономика оставались вне поля зрения историков. *В-четвертых*, Якутия рассматривалась однозначно как отсталая колониальная окраина и «тюрьма без решеток», и таким образом принижалась ее роль и значение как субъекта истории Азиатской России. Между тем, вспомним, что Якутск был форпостом России вплоть до середины XVIII в., и, даже в гораздо более позднее время, пока она не встала крепко на дальневосточных рубежах. Сюда на государеву службу просились воеводами высокопоставлен-

ные царедворцы и сановники. Отсюда шли знаменитые русские экспедиции в Приморье и на Камчатку, вплоть до Аляски в Северной Америке. И даже позднее Якутия сохраняла роль торгового центра на северо-востоке страны. *В-пятых*, над якутскими историками долгое время довлел груз обвинений в национализме. Вспомним, трагическую судьбу первого поколения якутских ученых (Г.А. Попов, Г.В. Ксенофонтов и др.), которые пытались работать над историей своего родного края, опираясь на методологию уходящей эпохи.

XVII — переломный для исторических судеб народов Якутии век. Пространственное расширение Российского государства на северо-восток привело к присоединению огромного массива территории, заселенной разными народами, находящимися на разных ступенях социально-экономического развития. Известно, что открытие новых земель и морей на северо-востоке было прочно связано с социально-экономической историей российского общества, обусловлено ею, сопровождалось многообразными вариативными закономерностями и имело непреходящее в географическом отношении мировое значение.

Освоение Якутии русскими, начиная с походов первых отрядов казаков, носило мобилизационный характер. Оно, как правило, инициировалось государством, происходило по его заданию и согласию, хотя

здесь не следует забывать и вольный характер миграции промышленников и торговых людей. Государство в процессе колонизации региона применяло преимущественно мобилизационные меры для решения своих проблем. Соответственно определялись цели и механизмы продвижения, рассматривались вопросы обеспечения ресурсами и т.п. На протяжении столетий менялись причины и следствия колонизационных процессов, а также средства и способы достижения целей, направления деятельности общества и власти по их реализации, но в то же время проявлялись некоторые общие закономерности, как позитивные, так и негативные².

Ранее в абсолютном большинстве исследований в центре внимания находились русские участники событий — служилые люди, местные управленцы разного уровня (что объективно объяснялось происхождением и содержанием источников), теперь следует с равной степенью обстоятельности изучать также социальное положение, политические ориентации, взгляды, стереотипы и ментальные установки и другой стороны, участвовавшей в процессе присоединения, — коренных народов Якутии. Между тем, русские, установив новый порядок объясачивания и построив остроги, нарушили сложившийся к тому времени хозяйственный и пространственный

баланс. Кроме того, пошатнулся баланс между потребностями людей и возможностями природы. Пришельцы стали изымать в свою пользу часть ресурсов, взяли под контроль значительную часть охотничьих угодий, богатых соболиным промыслом, места речных переправ диких оленей, вынудили местных жителей охотиться на дальних для них местах. Тяжелый ясачный гнет, новый неведомый для местных народов порядок администрирования и судопроизводства, насилия и вымогательства казачков заставляли их браться за оружие, подступаться к русским укреплениям.

Среди нерешенных проблем генезиса, исторической динамики и функционирования ранних форм социальной организации одной из самых актуальных по-прежнему является проблема родовой организации. Необходим ли кардинальный пересмотр теории родового строя или разное толкование содержания самого понятия «род» — от полного отказа от термина «род» или попыток заменить его каким-либо термином-аналогом до весьма широкой трактовки понятия род, авторы данного тома должны уяснить и сформулировать его как отражающее из важных социальных институтов у коренных народов Якутии.

Другой не менее важной проблемой остаются попытки преодолеть ставшее классическим заблуждение об отсутствии элементов государствен-

ности в раннеякутском обществе. Какого уровня развития достигли раннеякутские улусы ко времени прихода русских? Такой вопрос неизменно вставал перед исследователями, когда они приступали к изучению социальной организации северных nomadов. Применение положений теории «вождества» как промежуточного звена между общиной и государством, как своеобразной формой социополитической организации с наследственной клановой иерархией вождей теократического характера и знать, где существовало социальное и имущественное неравенство, думается, более предпочтительно для нас. Такая социально организованная клановая структура, тем не менее, не имела формального и тем более легального репрессивного и принудительного аппарата управления³. Причем, однолинейная модель социальной эволюции типа *локальная группа — община — вождество*, траектория развития которой непременно шла по пути к складыванию раннего государства, вполне подходит к нашим построениям по выяснению социальной организации якутов. Можно также отстаивать тезис о самостоятельном пути эволюции северных nomadов — якутов, связанной с попыткой Тыгына по объединению крупных якутских улусов и достижению васалитета их наиболее влиятельных вождей.

Пространственное расширение российского государства происходило как мирным, так

и немирным путем. Сосуществование тактики обхождения «лаской, а не жесточью» или суровое наказание «изменников» в политике центральных и воеводских органов власти имели место. Тем не менее стержнем правительственной политики в Якутии являлось не уничтожение, а наоборот, сохранение и увеличение числа коренных народов — главных поставщиков ценной пушнины, мамонтовой кости и моржового клыка. Следует обратить внимание на институт аманатства, установленного служилыми людьми для обеспечения исправного взимания ясака с сородичей, его эволюцию и ликвидацию. Общая закономерность и особенности обычного права у народов Якутии тоже ждут дальнейшего изучения.

В чем должен состоять **новый методологический подход** к рассмотрению истории Якутии в современных условиях? Сейчас модно говорить о *цивилизационном* и *историко-антропологическом* подходах (М. Вебер, А. Тойнби, О. Шпенглер, Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, П.А. Соколин). Предлагаются новые концептуальные положения в духе *теории модернизации*⁴ или с позиций школы *социальной истории* и истории *повседневности*⁵, давно успешно применяющихся в западной исторической науке. Между тем, говоря о региональной истории, какой является история Якутии, важно сохранять баланс между

взглядом на закономерности ее развития как части истории России, начиная с XVII в. и, одновременно, как части истории Северо-Восточной Азии. Распространяя на интерпретацию исторических событий и явлений Якутии методики и практики, применяемые для рассмотрения истории России XVII–XIX вв., важно показать особенности проявления общих тенденций развития политики, социальных отношений, экономики, культуры в местных условиях. В любом случае, любые веяния общероссийского масштаба: реформы государственного управления, зарождение и эволюция рыночных отношений, экономические преобразования находили свое специфическое продолжение и видоизменение в условиях Якутии — хотя и отдаленной окраины, но чутко реагировавшей на них. При этом важно рассматривать историческое прошлое края в сравнении с историей других регионов страны.

Преодолевая пагубный взгляд на историю прошлого как эволюцию от примитивных форм к высшим, важно охарактеризовать существенные, системообразующие параметры общества и потестарных институтов народов, проживавших в Якутии к приходу русских. Не менее важно проследить, как происходила их интеграция в российское общество и систему управления. Если вопросы, связанные со взаимодействием культур, заметно лучше освещены,

но с идеологическим грузом деления культуры по классовому признаку, то процесс «встраивания» социальных и политических структур местных сообществ в государственную и законодательную систему Русского государства не был объективно рассмотрен в полной мере. Современный этап развития историографии характеризуется появлением целого научного направления — империологии⁶. Зарубежный опыт исследований⁷ стал применяться и в отечественной историографии путем совместных издательских проектов⁸. Напомним, что имперский контекст если и присутствовал в советской историографии, то в иной интерпретации. Понятие «империя» рассматривалось больше в негативном оценочном плане. Благодаря названным исследованиям в отечественную историографию вернулся данный контекст, рассматривающий империю в разнообразии исследовательских подходов как надгосударственную систему управления или как «мир-систему». В последние годы в изучении истории имперского управления окраинами появился ряд крупных исследований сибирских исследователей, реализующих названные подходы на местном материале⁹.

А.В. Ремнев писал: «Представляется важным отойти от узкого толкования термина — регион, только как административно-территориального субъекта империи. Регион есть

историко-географическое пространство, естественное образование, в рамках которого осуществляется хозяйственная и социокультурная деятельность территориально идентифицируемого населения. В этом виде региональная идентификация выступает как сверхэтническая и даже внегосударственная, обладающая своей локальной социальностью и тенденцией к территориальной солидарности. При этом следует, видимо, отказаться от единого набора характеристик и признать, что применительно к каждому региону этот набор будет иметь свою специфику, разную их иерархию со своей регионообразующей доминантой. Но, несмотря на динамичность административных и экономических границ, региональное сообщество имеет достаточно прочную устойчивость и долгую историческую инерцию в осознании своего единства»¹⁰. Действительно, столь обширный и имеющий внутреннюю связь регион, как Якутия, представляет большой практический и методологический исследовательский интерес.

Заметным событием современной историографии стала заочная международная дискуссия по различным проблемам истории управления и самоуправления в регионах Поволжья, Русского Севера, Западной Сибири и Казахстана, опубликованная в специальном издании¹¹. Материалы ее дают хорошую методологическую и

практическую основу к написанию разделов, посвященных истории управления и самоуправления.

Господствовавший классовый подход затушевывал **особенности региональной политики** правительства, искавшего оптимальные пути решения самых разных проблем правового, управленческого, хозяйственного, социокультурного характера. Вместе с тем «не стоит подменять историю регионов историей народов, в них проживающих, а постараться взглянуть на регион как на целостную социокультурную, экономическую и политико-административную систему»¹², — писал А.В. Ремнев.

Также очень важно преодолеть образ отсталой и забитой окраины, находившейся на задворках цивилизации. Подобный имидж создавал и создает трудности для адекватного восприятия истории региона и его места в российском и мировом историческом процессе. Великий русский ученый М.В. Ломоносов не зря пророчествовал, что могущество России будет прирастать Сибирью, а Якутия здесь занимает значительное место.

В.Н. Иванов, кроме упомянутой выше проблемы управления регионом (региональной политики), выделил еще три историографические проблемы истории Якутии XVII–XIX вв., на его взгляд, являющиеся актуальными и требующими пристального внимания и специального изучения: 1) экономи-

ческий регионализм; 2) взаимодействие культур как фактор интеграционных процессов; 3) конфессиональная ситуация в крае: синтез традиционных верований и православия¹³.

Действительно, советская историография была лишена возможности даже ставить такие проблемы по идеологическим соображениям. Все эти проблемы должны быть так или иначе отражены в академической «Истории Якутии».

В прежней «Истории Якутии» слабо видна **роль городов** в истории края, хотя их и было мало на таком большом пространстве. Между тем, «значительную роль в региональных процессах играл город, который выступал в качестве регионообразующего фактора, стягивая регион не только административно (как это было преимущественно в ранние периоды), но и экономически»¹⁴.

Упомянутый выше концептуальный аспект **истории повседневности**, при котором раскрываются особенности жизни и быта различных социальных групп и сословий, несомненно, должен присутствовать и при написании истории Якутии. Это заметно обогащает умозрительное и эмоциональное восприятие истории. Тем более что для успешного исполнения предложенного аспекта имеются как источники, так и наработки прежней историографии.

Хронологический принцип изложения исторического материала наиболее приемлем в

современной ситуации. Он принят и при написании истории России в целом и истории других регионов и краев страны¹⁵. Внутри вековой периодизации допустимо выделить периоды, оставившие яркий след и оказавшие заметное воздействие на последующее историческое развитие. Так, очевидна роль эпохи Петра I, положившая начало научному освоению края и определившая губернскую систему административного управления на долгие годы. Отчетливо видна и выделяется эпоха, связанная с сибирской реформой М.М. Сперанского.

В преддверии написания «Истории Якутии» очень важно условиться о **категориальных дефинициях** разного уровня. Например, в какой мере можно применять такие социальные конструкции как «класс» или «сословие» к характеристике общественных отношений у якутов или юкагиров? Вопрос о том, что уже в самый ранний период среди как якутов, так и малочисленных народов Севера имела место имущественная дифференциация, были распространены различные формы эксплуатации, была собственность отдельных семей на скот и на некоторые сельскохозяйственные угодья, выделилась малая семья и т.д. давно не вызывает споров. Но как характеризовать такое общество — это другой вопрос. Представляется, что на данном этапе нет смысла делать акцент на конкрет-

ных оценках и формулировать какие-либо определения. Важно представить существенные характеристики названных сообществ в терминах и дефинициях наиболее адекватно отражающих конкретные связи и явления.

Следует особо обратить внимание на такой важный методологический посыл, как **роль географического и природно-климатического факторов**. Несомненно, что в таких экстремальных условиях, какие всегда были в Якутии, имели место особенности существования тех или иных социальных и правовых институтов, способов и форм хозяйства, бытовых элементов и т.д. В социальном кризисе якутского общества в первой половине XIX в. немаловажную роль сыграл природно-климатический фактор, а именно — затяжной период неурожайных, засушливых годов на рубеже XVIII–XIX вв. Так, в Сибири он пришелся на период с 1782 по 1804 г. и был одним из самых затяжных¹⁶. Напомним, что в конце 1780-х гг. был отмечен массовый падеж скота на Вилюе из-за засухи и

нехватки кормов¹⁷. Имеются косвенные свидетельства о бедствиях в этот период северных народов — юкагиров и тунгусов. Из-за голода они были вынуждены прикочевать поближе к якутским и русским селениям.

Особо следует сказать об исторической демографии Якутии. Многие вопросы истории становятся ясными при обращении к народонаселению. Работа над соответствующими разделами тома облегчается, так как в свое время вышли фундаментальные работы В.М. Кабузана, В. Воробьева¹⁸.

Те стороны исторического процесса, которые отличали Якутию, такие, как история ссылки и научного изучения, требуют в нынешних условиях нового осмысления в плане раскрытия ранее не освещавшихся аспектов. В частности, в прежней редакции «Истории Якутии» выпячивалась роль политической ссылки в ущерб другим видам ссылки — религиозной и уголовной. По-видимому, настало время представить историю научного изучения региона как историю его

научного освоения и как культурный феномен, сыгравший свою миссию в общественном и культурном развитии края.

Таким образом, подытоживая вышеизложенное, следует отметить, что работа над вторым томом «Истории Якутии» должна строиться на новых методологических основаниях, таких, как преодоление узости прежних подходов: классовости, линейного восприятия исторического процесса, центризма и т.д. Важно использовать достижения зарубежной и отечественной историографии последних лет в изучении социальной истории, имперского контекста, который охватывает почти двухвековой отрезок исторического времени, исторической регионалистики. Перед авторским коллективом стоит задача — преодолеть стереотип об отсталой и отдаленной национальной окраине. Также важным представляется показать место Якутии в системе имперского управления, геополитического расклада соответственных эпох, сущностные черты данного региона в составе России.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Кустуров Д.В. Сэһэн Ардьакыап «Сахалар тустарынан былана». — Якутск, 2001; *Якуты*: легендарные и исторические личности / Отв. ред. В.Н. Иванов. — Якутск, 2005; *Борисов А.А.* Якутский реформатор Николай Рыкунов // Якутский архив. — 2006. № 2. — С. 42–45. В этом году в НКИ «Бичик» ожидается выход в свет книги, посвященной выдаю-

щимся историческим и государственным личностям Якутии: Тыгыну, П. Бекетову, М. Бозекову, С. Сыранову, Н. Мягкову, И. Мигалкину и др.

² Алексеев В.В. Общественный потенциал истории. — Екатеринбург, 2004. — С. 231–232.

³ Крадин Н.Н. Имперская конфедерация хунну: социальная организация суперсложного вождества // Ран-

ние формы социальной организации: генезис, функционирование, историческая динамика. — СПб., 2000. — С. 195.

⁴ Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М., 1990; Ахиезер А. Россия: критика исторического опыта. Т. I, II, III. М., 1991; Парсонс Т. Система современных обществ. — М. 1997; Поляков Л. Методология исследования российской модернизации // Полис. — 1997. — № 3; Опыт российских модернизаций XVIII–XX век. — М., 2000; Алексеев В.В., Нефедов С.А., Побережников И.В. Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии // Уральский исторический вестник. 2000. № 5–6; Сибирское общество в контексте модернизации: Сборник материалов конференции / Под ред. чл.-кор. РАН В.А. Ламина. — Новосибирск, 2003; Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. — М., 2003; Хантингтон Э. Политический порядок в меняющемся обществе. — М., 2004; Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике (XVI–XX вв.). — М., 2004.

⁵ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. — М., 1972; Блок М. Апология истории или ремесло историка. — М., 1986; Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII веках. Т. 1. Структуры повседневности. — М., 1986; Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М.: Искусство, 1990. Февр Л. Бои за историю. — М., 1991; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. — СПб., 1999. Т. 1, 2; Репина Л.П. Новая историческая наука и социальная история. — М., 2009; Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. — М., 2010.

⁶ Канеллер А. Россия — многонациональная империя. — М., 1997.

⁷ Raeff M. Siberia and the reforms of 1822. Seattle, 1956; Lantzeff G.V. Siberia in the seventeenth century. A study of Colonial Administration. New York: Octagon books, 1972; Siberia: problems and prospects for regional development. Edited by Alan Wood. London—New York—Sydney: Croom Helm, 1987 и др.

⁸ См., например, научный журнал *Ib Imperio*, издаваемый в г.Казани уже около десяти лет. Имеется электронный аналог.

⁹ Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX — начало XX в.). — Иркутск, 1986; Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. — М., 1997; Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика первой половины XIX в. — Омск, 1995; Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX — начала XX вв. — Омск, 1997; Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX в. — Новосибирск, 1998; Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XX вв. — Новосибирск, 1998; Реформы самоуправления якутов в 1760–1830-е гг.: люди и идеи // Азиатская Россия: люди и структуры империи. — Омск, 2005.

¹⁰ Ремнев А.В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX — начале XX веков. Некоторые итоги и перспективы изучения // Сибирская заимка. URL: <http://www.zaimka.ru/power/remnev3.shtml>. (Дата обращения 11.05.12 г.).

¹¹ Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность / Под общей редакцией А.Е. Загребина, С.В. Любичанковского. — Екатеринбург-Ижевск, 2010.

¹² Ремнев А.В. Указ. соч.

¹³ Иванов В.Н. К вопросу о комплексном изучении вхождения Якутии в состав русского государства // Россия и Якутия: сквозь призму истории. — Якутск, 2007. — С. 3–8.

¹⁴ Ремнев А.В. Указ. соч.

¹⁵ *История России с древнейших времен до конца XVII века* / Отв. ред. А.Н. Сахаров, А.П. Новосельцев. — М., 1998; *История России с начала XVIII до конца XIX века* / Отв. ред. А.Н. Сахаров. — М., 1998; *История России. XX век* / Отв. ред. В.П. Дмитриенко. — М., 1998; *История Хакасии с древнейших времен* / Отв. ред. Л.П. Кызласов. — М., 1998; *История Коми. В 2-х т.* / Отв. ред. А.Ф. Сметанин. — Сыктывкар, 2005; *История Коми. В 2-х т.* / Отв. ред. А.Ф. Сметанин. 2-е изд. — Сыктывкар, 2010; *История Алтая. В 2-х т.* — Горно-Алтайск, 2001, 2008; *История Тувы. В 3-х т.* — Новосибирск, 2009.

¹⁶ *Леви К.Г., Язев С.А., Задонина Н.В.* Глобальные природно-климатические изменения в истории Земли — исторический мониторинг природных аномалий в Сибири и возможности

их прогноза // Современная геодинамика и опасные природные процессы в Центральной Азии. Вып.1. — Иркутск, 2004. — С. 43.

¹⁷ *Иванов В.Ф.* Социально-экономические отношения в Якутии (конец XVII — середина XIX вв.). — Новосибирск, 1992.

¹⁸ *Воробьев В.В.* Формирование населения Восточной Сибири. — Новосибирск, 1975; *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. — М., 1963; *Его же.* Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII — начале XX в. (1795–1917) // История СССР. 1979. № 3; *Его же.* Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. — М., 1990; *Его же.* О достоверности учета населения России (1857–1917) // Источниковедение отечественной истории. — М., 1981 и др.

Помощь колымских якутов экспедициям Академии наук и Русского географического общества (XVIII – начало XX в.)

М.И. Старостина

С XVIII до начала XX в. местные народы помогали многим экспедициям Императорской академии наук и Русского географического общества (РГО), изучающим Крайний Север и Северный Ледовитый океан. Здесь я остановлюсь лишь на помощи колымских якутов.

К сожалению, многие руководители и члены экспедиций почему-то не считали нужным включать имена якутов-проводников, сопровождавших их по трудным дорогам северных земель, а также ценных информаторов-знатоков в свои известные книги. Поэтому их имена не остались в истории исследований Севера. Однако трудолюбивые, терпеливые, уме-

лые колымские якуты, хорошо знающие особенности своего края, оказали большую помощь научным экспедициям в достижении их целей.

В 1733–1745 гг. под руководством В.И. Беринга работала 2-я Камчатская экспедиция. Включение крупных рек, озер и зимовий Колымского края в «Атлас Российской...», изданный Императорской академией наук в 1745 г.¹, а также факт принятия якутами при крещении фамилии участника 2-й Камчатской экспедиции Д.Я. Лаптева свидетельствуют о тесном контакте их с членами данной экспедиции. Поездка экспедиции по зимовьям не могла осуществиться без помощи якутов.

Мария Ивановна
Старостина,

к.и.н., ветеран труда.

© М.И. Старостина

В своей известной книге исследователь Ф.П. Врангель описывает встречу в 1821 г. со старым якутом, крестником лейтенанта Лаптева². Звали крестника Лаптевым Игнатием Матвеевым (1743–1825). Лейтенант Дмитрий Лаптев на обратном пути в Якутск стал «восприимным» отцом младенца Игнатия из Мятюжской волости. Есть предположение, что отец Игнатия, Лаптев Матвей Дмитриев, и князец Мятюжской волости Петр Лаптев-Жепок Илягин также были крещены при проезде исследователя Д.Я. Лаптева. Игнатий Лаптев овладел русской грамотой. Автор этих строк обнаружил документ, написанный им еще в 1773 г. Примерно в 1804–1807 гг. Игнатий стал первым грамотным головой Среднеколымского улуса. У него было много детей, и ныне живет множество потомков. Родоначальник Игнатий Лаптев способствовал, чтоб и другие якуты Колымы при крещении приняли фамилию Лаптев³. Таким образом, якут Игнатий Лаптев увековечил фамилию известного исследователя Арктики Дмитрия Лаптева.

В 1785 г. указом Екатерины II была направлена на изучение северо-восточной части Сибири экспедиция Биллингса — Сарычева, которая руководствовалась планом научных исследований и инструкциями из Академии наук⁴. Руководителем данной географической и астрономической морской экспедиции, в составе которой был 141 чел., назначили англичанина И.И. Бил-

лингса. Зимой 1786/87 гг. в Верхнеколымске члены экспедиции строили суда «Паллас» и «Ясашна» для плавания по морю в Тихий океан. 25 мая 1787 г. суда снялись с якоря и поплыли вниз по Колыме. 24 июня они вышли в открытое море, но 26 июля из-за тяжелых льдов вернулись обратно. 5 августа суда были оставлены в Нижнеколымске. Далее экспедиция через два колымских и Алазейский острог держала путь на Якутск⁵.

Для помощи данной экспедиции активно привлекались якуты. Требовалось много продуктов питания и лошадей для сухопутного переезда многолюдной экспедиции. В результате этого верхнеколымские якуты, около которых зимовала экспедиция, остались без скота⁶. Кроме того, для строящихся судов местные якуты собирали серу с лиственниц⁷.

В организации помощи данной экспедиции отличился князец Мятюжской волости Верхнеколымской части Болчуяр. «За отличные от прочих к Отечеству в отправлении бывшей... морской экспедиции ево труды» он был награжден руководителем экспедиции капитаном Биллингсом серебряной медалью с изображением «божественного Ея Императорского Величества лица»⁸. Князец Болчуяр Куннясев, в крещении Лев Баннеров (1733 г.р.), во время работы экспедиции Биллингса на Колыме предположительно был улусным головой Среднеколымского улуса⁹. Ныне

один из его многочисленных потомков — известный корифей якутского языкознания, академик АН РС(Я) П.А. Слепцов.

В 1820 г. «Государь Император» направил экспедицию для описи северных берегов Сибири под руководством Ф.П. Врангеля и П.Ф. Анжу. Экспедиция работала в 1820–1824 гг. Начальником Колымского отряда был назначен Врангель, а Усть-янского — Анжу. Колымский отряд должен был обследовать северные земли от устья р. Колымы к востоку¹⁰. Поводом для организации экспедиции послужила, в частности, записка члена-корреспондента Академии наук Е.И. Паррота на имя ректора Дерптского университета. Экспедиция руководствовалась «Планом» Г.А. Сарычева и внимательно изучала материалы предыдущих научных экспедиций¹¹.

В данной экспедиции якуты работали проводниками, обеспечивали ее большим количеством лошадей и продуктами питания. Не получив в первое время ожидаемой помощи от комиссара округа, Ф.П. Врангель обратился с нижней Колымы напрямую к якутам, живущим около Среднеколымска, и жителям Среднеколымска и Верхнеколымска. Он взял «у них значительное количество рыбы и велел перевести оную в Н[ижне] К[олымск]»¹².

Было также время, когда «юколы и юхолы привозили из Средне- и Верхнеколымска на расстоянии 800 верст». Опись

берегов моря производилась на лошадях якутов Колымского улуса. Ф.П. Врангель об этом писал так: «Станным покажется, что мы решились описать берегов Ледовитого моря производить на лошадях, но олени, хотя самые обыкновенные домашние животные тунгусов, так слабы, что летом не могут выдерживать больших переездов... С другой стороны, мели, на многие версты... препятствуют описывать на лодке... Таким образом, ближайшее соображение местных обстоятельств заставило нас предпринять путешествие на лошадях, которых, а равно и проводников, подрядились нам доставить среднеколымские якуты». В путешествии по тундре летом 1822 г. к востоку от Колымы группу заместителя начальника экспедиции мичмана Ф.Ф. Матюшкина из шести человек сопровождали три якута. Экспедиция продвигалась на 16 верховых и выючных лошадях¹³.

В 1822 г. нижнеколымские якуты выделили экспедиции Ф.П. Врангеля 46 собак. В последний год работы (1823 г.) экспедиция активно выдавала деньги населению за оказанную помощь. Так, 16 февраля начальник экспедиции отправил деньги улусному голове Колесову за обслуживание проездов экспедиционных чиновников. 24 июля доктор Кибер и мичман Матюшкин, выехавшие в Верхнеколымск, просили Врангеля выслать деньги за неоплаченные прогоны 112 руб. 50 коп. и за убитую на мясо ко-

рову 80 руб. 29 июля Врангель отправил 1246 руб. 15 коп. исправнику «на удовлетворение разных людей за получением от них в экспедицию припасов». Исправник решил посоветоваться с улусным головой о том, кому и сколько денег следует выдавать. Отсюда видно, что указанная большая сумма денег предназначалась якутам Колымского улуса. 20 октября от Врангеля поступило для среднеколымских якутов 278 руб. 25 коп. В декабре улусный голова Колесов рапортовал, что его «родник», бывший голова И. Тырылгин, за перевозку экспедиционной рыбы «прогонами удовлетворен». 23 ноября, перед отъездом экспедиции с Колымы, Ф.П. Врангель изъяснил благодарность колымскому исправнику «за оказанные для экспедиции великие пользы и деятельности»¹⁴. Эти примеры говорят о значительной помощи местных якутов упомянутой экспедиции.

Начальник экспедиции Ф.П. Врангель высоко оценил умение проводников-якутов: «Должность проводников претрудная: она требует особой сноровки и умения, потому что в гористых местах лошади часто сбрасывают с себя ношу и отвязываются, а в болотах вязнут. ... От долговременного навыка проводники якуты приобретают проворство и сметливость в столь высокой степени, что одного опытного из них достаточно бывает для управления выючным караваном в 20 лошадей и содержания его в

совершенном порядке, несмотря на то, что в таком случае он принужден бывает идти большей частью пешком...»¹⁵.

Колымские якуты были проводниками и Устьянского отряда экспедиции. Так, в начале 1823 г. поступило им 120 руб. за перевозку в 1822 г. начальника экспедиции П.Ф. Анжу¹⁶.

Чукотская экспедиция (руководитель — барон Г.Л. Майдель) в 1868–1870 гг. изучала Северо-Восток Сибири и налаживала отношения между чукчами и местной администрацией. Ее организовал Сибирский отдел РГО¹⁷. Книга барона «Путешествия по северо-восточной части Якутской области в 1868–70 годах» издана в России в 1894 г.

Экспедиция Г.Л. Майделя, до этого служившего исправником Колымского округа, доехала до названного округа в конце 1868 г. Голова улуса, живший недалеко от станции Бержигестях, 25 декабря пригласил начальника экспедиции в свою юрту, тем самым дал ему возможность поближе разузнать положение в улусе. Он обеспечил от Бержигестях до Среднеколымска благополучный путь экспедиции. «Лошади и проводники повсюду были наготове, а дороги приведены в порядок, что особенно важно на этой части пути, ведущей через цепь больших озер», — отметил исследователь. О голове улуса Г.Л. Майдель пишет: «Человек, который в то время занимал этот пост..., был весьма дельный и отлично понимал

свое дело»¹⁸. Упомянутым головой Колымского улуса был Никита Третьяков (1818 г.р.), много лет служивший в этой должности (1863–1869 гг.) и старостой I Кангаласского наслега (с 1877 г.), прапрадед автора этих строк¹⁹.

В 1870 г. на обратном пути в Якутск с Чукотки Г.Л. Майдель запланировал посетить место, где нашли останки мамонта. В конце июля из Среднеколымска до Алазеи его сопровождал голова Колымского улуса. По пути они посетили местожительство головы (урочище Талас), озера Унарба и Сень-Кюель. У последнего озера они встретили охотников на линяющих уток, что необычайно заинтересовало исследователя. Он описал эту встречу в своей книге. Однако лов не был особенно удачным, было поймано только 2300 линялых уток. Добыча была разделена на сто паев, из которых 46 уток (два пая) были предназначены Майделю²⁰.

Сопровождал исследователя голова Колымского улуса Николай Винокуров (1825 г.р.), служивший много лет в этой должности (1869–1881 гг.) и старостой III Мятюжского наслега (1860–1872 гг.). Позже (1883–1886 гг.) он стал первым почетным блюстителем Среднеколымского народного училища, награжден серебряными медалями «За усердие» на Станиславской и Аннинской лентах (1873 г. и 1879 г.). Н. Винокуров также является прапрадедом автора этих строк²¹.

Якут Яков информировал Г.Л. Майделя о местонахождении останков мамонта и, оказывая помощь исследователям, нашел кусок шкуры, череп мамонта²². Часть трупа мамонта была найдена на речке Алшиги — Хомос Юрях, западном притоке р. Ковшечьей, стекающей в море к западу от устья р. Алазеи. Кроме того, по информации «туземцев», в 40 верстах западнее от Ковшечьей и в 100 верстах от океана на р. Шандроне (Блудная) были найдены две ступни мамонта. Эти останки древних обитателей названы позже «мамонтами Майделя»²³.

Экспедиция И.Д. Черского, организованная Академией наук, работала на Колыме в 1891–1892 гг. «И.Д. Черский выехал из Петербурга 1 февраля 1891 г. вместе с женой Маврой Павловной и двенадцатилетним сыном Александром, выполнявшим обязанности коллектора. ...Во время зимовки [в Верхнеколымске. — М.С.] И.Д. Черский успел произвести комплексное геолого-географическое описание пути от Якутска до Верхнеколымска, составил карту верхнего течения рек Индигирки и Колымы, а также Индигирско-Алданского водораздела»²⁴. В результате этой экспедиции «И.Д. Черским совершено важное географическое открытие горной страны, потом названной его именем...»²⁵.

Хотя это было второстепенной задачей экспедиции, «совершенно особняком стоят этнографические и фольклорные

материалы его последнего путешествия. ...Черский решил обратить самое пристальное внимание и на изучение местного населения». Он записывал материалы к познанию всех сторон жизни населения Колымы. Сын Черских, Александр, быстро научился разговаривать на якутском языке. Из записей И.Д. Черского видно, что он и сам мог изъясняться на этом языке²⁶. В этом ему оказали немалую помощь местные якуты, в том числе молодой Анисим Слепцов. Он жил в доме исследователя. Как оценил его Черский: «...умственным способностям которого и сил того интереса, какой предъясняется им к науке и вообще отвлеченным вопросам, могут позавидовать и многие европейцы»²⁷.

И.Д. Черского сильно интересовали местные якутские песни. Он записывал песни у двух певцов. Три песни им записаны «от якута Филиппа Табагры'ра (более 30 лет), живущего в 100 верстах ниже Верхнеколымска в местности, называемой, Салгы'тыр» [Вероятно, Сылгы Ытыр. — М.С.]. И.Д. Черский отметил: «Человек этот известен как лучший импровизатор и записанные три песни он сочинил тут же». Исследователь «транскрибировал» русскими буквами слова всех песен Филиппа и привел перевод текстов на русский язык, а также записал ноты мелодий двух песен.

Про другого певца И.Д. Черский писал: «Мальчик 12-летний (якут) кривой на правый

глаз и глуховатый — Николай (Никуш) сын Петра Хопто (чайка) из Максимкиной (верстах в трех выше Верхнеколымска, в виду его на прав. берегу р. Ясачной) отличается замечательною (для его возраста) способностью импровизировать и петь, что он перенял от своей тетки. Посетив мою квартиру, он согласился петь и пел долго, импровизируя именно на мой счет. Он пел, сидя на скамье, около окна, прислонив правый висок к окну и задумчиво устремив свой единственный глаз в верхнюю часть окошка». Тексты записей песен Филиппа Табагрыр'а и мальчика Николая (Никуш'а) хранились в архиве АН СССР. Переводы песен на русский язык, нотные записи мелодий включены в книгу «И.Д. Черский. Неопубликованные статьи, письма и дневники. Статья о И.Д. Черском и А.И. Черском» (1956 г.)²⁸.

Певец-импровизатор Бандеров Филипп Феодоров-Табыгрыр (1854 г.р.) был из рода (*аба ууһа*) Халынхай IV Мятюжского наслега. Позже (1902–1905 гг.) служил старостой наслега²⁹. Прозвище Хопто было у Дьячкова Петра Матвеева (43 года в 1896 г.) из рода (*аба ууһа*) Дабык I Байдунского наслега, у которого был сын Николай (15 лет)³⁰. Певец-импровизатор Н.П. Дьячков-Никуш родился примерно в 1880 г.

И.Д. Черский из Верхнеколымска (крепости) специально приезжал и долго гостил в 1892 г. у якута И.Н. Бандерова. Как пишет краевед П.А. Слепцов,

«ученый сильно болел легкими и в Арылахе, живя у И.Н. Бандерова, лечился народными средствами (в том числе желчью ворона). Черский был очень благодарен и признателен Илье Николаевичу. На прощанье подарил ему пистолет и теплые сапоги. И то, и другое в те далекие времена были редкостью»³¹. И.Н. Бандеров-Торахан (1851 г.р.), двоюродный брат певца Бандерова Филиппа Табыгрыра, служил старостой IV Мятюжского наслега (с 1888 г. до 1891 г., с июля 1894 г. до июля 1897 г.)³². Несомненно, грамотный и хорошо знающий свой край Илья Бандеров давал руководителю экспедиции много ценной информации о местной природе и этнографии якутов.

1 июня 1892 г. И.Д. Черский упоминает в своем дневнике об одном карбасе, безвозмездно отданном его экспедиции якутом Бандеровым Ильей Николаевым³³. Незадолго до этого И.Д. Черский с членами своей экспедиции отправился из Верхнеколымска вниз по р. Колыме. В Среднеколымск он прибыл 11 июня сильно больным, и не смог выйти из лодки на берег в квартиру. Пробыв двое суток в Среднеколымске, экспедиция выехала вниз по р. Колыме для ее исследования³⁴.

Во время плавания экспедиции И.Д. Черского в 1892 г. «по Колыме от Среднеколымска до Нижнеколымска и обратно в качестве рабочих и лоцманов участвовали 18 колымчан: Филипп Прокопьев, Михаил Дьяконов,

Анисим Слепцов, Иннокентий Винокуров, Иннокентий Бережнов, Софрон Попов, Николай Антипин, Петр Волков и другие»³⁵. Судя по фамилиям и именам, они — в основном верхнеколымские якуты. Поскольку во время этого плавания И.Д. Черский умер от тяжелой болезни, упомянутые лица и проводили его в последний путь.

После смерти И.Д. Черского экспедицию возглавила М.П. Черская. В 1893 г. в своем отчете она просила Академию наук ходатайствовать о награждении местных жителей, служивших в экспедиции и оказавших помощь. Среди них были якут Анисим Слепцов (лоцман?), рабочий Филипп Прокопьев и Михаил (фамилию его М. Черская забыла)³⁶. Вероятно, это был Михаил Дьяконов.

«В 1894–1896 гг. работала Якутская экспедиция, принятая Восточно-Сибирским отделом Русского географического общества (ВСОРО) на средства золотопромышленника-мецената И.М. Сибирикова». По предложению мецената, решено было охватить экспедицией Колымский, Якутский и Олекминский округа. ... В Колымском округе этнографическими исследованиями занимались В.И. Иохельсон и В.Г. Богораз³⁷. Данные исследователи-политссылные оставили ценные труды о народах Северо-Востока. Много якутов помогало в работе и поездке членам Сибириковской экспедиции по Колымскому округу.

Перепись населения I Байдунского, Отдельного II Байдунского, III Мятюжского, IV Мятюжского и Эгинского наследов, проведенная В.И. Иохельсоном, не проходила без активной помощи глав семей, старост и старшин данных наследов и головы улуса³⁸.

С 13 по 19 июня 1895 г. из Олбута III Мятюжского наслега [местожительство головы. — М.С.] до Среднеколымска В.И. Иохельсона сопровождал голова улуса в начале на лошадях, затем на ветках с двумя волоками. По дороге В.И. Иохельсон с помощью головы и других местных жителей исследовал большие рыбные озера, такие, как Унарба, Быталах, Балаганах, Олбут Келя, Ачичей и др. Во время путешествия В.И. Иохельсона в Верхнеколымской части одним из информаторов по некоторым вопросам был бывший староста наслега Конон Попов, живший в Казачьем³⁹. Попов Конон Алексеев (1836 г.р.) служил старостой I Байдунского наслега с 1887 г. до 1890 г.⁴⁰ Старосте IV Мятюжского наслега Илье Бандерову было поручено организовать к 5 июля 1896 г. доставку карбаса и стружка из Верхнеколымска до Среднеколымска для исследователя⁴¹.

Сопровождал В.И. Иохельсона по сложной летней дороге примерно на 230 верст голова Колымского улуса Винокуров Алексей Николаев (1853 г.р.). Потомственный родоначальник служил головой улуса с 1887 г. до 1896 г. и с 1897 до 1899 г., а старостой III Мятюжского на-

слега — с 1881 г. до 1887 г. Голова улуса дважды был представлен инородной управой к награде за свою деятельную службу. Он — прадед автора этих строк⁴².

В 1898 г. в Москве вышла статья В.И. Иохельсона «Некоторые данные о рыбах Колымского края». Безусловно, в сборе материалов для статьи исследователю пригодилась информация сопровождающего по озерному краю А.Н. Винокурова.

В Олбута В.И. Иохельсон, предположительно, жил в семье головы А.Н. Винокурова. В 1895 г. исследователь в своем дневнике, ныне хранящемся в Архиве востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, так описывает женскую одежду жены улусного головы и ее родственницы: «Саннайях жены головы состоит из тарбаганьего меха с бобровой опушкой. Между опушкой и мехом на поясе очень красивый орнамент, вышитый разноцветными шелками. Орнамент хорошо вышел на фотографии. Бэргэс сиводушечий с бобровой опушкой. У родственницы головихи саннайях жеребчий белой шерсти с опушкой тоже жеребчией, но черного цвета. Этот саннайях последняя одевает часто, т.к. он не считается важным»⁴³.

Упомянутой «головихой» была Пелагея Николаевна из III Мятюжского наслега, жена улусного головы А.Н. Винокурова, прабабушка автора этих

строк. Примечательно, что до сих пор вышитый отрезок этого сангыяха (шубы) сохранился в семье потомков.

В 1897 г. распоряжением ВСОРГО были награждены различными вещами местные жители Колымы, оказавшие помощь исследователю В.И. Иохельсону. Большинство из них были юкагиры. Среди награжденных был якут Сахачан из I Байдунского наслега. Он получил ружейный замок и платок⁴⁴. Якутским именем Сахачан звали Кудрина Петра Герасимова (26 лет в 1897 г.) из рода Мыкыр⁴⁵.

В 1900-х гг. на территории России работала Северо-Тихоокеанская (Джугеповская) американская экспедиция. «План работ в арктической части Сибири был детально разработан с помощью Императорской академии наук в Санкт-Петербурге»⁴⁶. Исследователя В.И. Иохельсона, теперь уже участника американской Джугеповской экспедиции, в 1901 г. из Гижиги до Колымы сопровождал колымский купец-якут Слепцов (владелец лошадей) с тунгусом Машкой и юкагиром А. Долгановым⁴⁷. Предположительно, Слепцов был из IV Мятюжского наслега (верхняя Колыма).

Многие экспонаты с Колымы, собранные В.И. Иохельсоном, ныне хранятся в Американском музее естественной истории в Нью-Йорке. Среди экспонатов есть женские шубы «хотойдоох сон» из Верхнеколымска⁴⁸.

При крещении церковь строго запретила православным якутам носить сангях с рисунком орла («хотой кэтөр ойуулаах сон») ⁴⁹ из-за того, что сангях «хотойдоох сон» был связан с языческой верой, ныне в Якутии он сохранился только в двух краеведческих музеях Среднеколымского улуса.

Известный якутский шаман Айыы Колымского улуса Винокуров Софрон Петров-Чапыан родился в 1858 г. По переписи 1927 г., оленевод Софрон (Чапен) вел кочевой образ жизни в III Байдунском наслеге ⁵⁰. По Ю.Г. Курилову, шаманский костюм и бубен Чапыан'а в 1902 г. были куплены В.И. Иохельсоном. Ныне они находятся в Нью-Йоркском музее естественной истории ⁵¹.

В 1900 г. эвен Уеганского рода Колымского округа Семен Тарабукин в долине Березовки, притока р. Колымы, нашел целую тушу мамонта. О находке весть дошла до Академии наук. Из Петербурга на Колыму выехала научная экспедиция под руководством зоолога О.Ф. Герца. «Когда раскопали мамонта, то оказалось, что его высота достигала трех метров, длина — четырех метров. ...Труп березовского мамонта... в мае 1902 г. благополучно доставили в Петербург. Общий вес вывезенных костей, мяса, шкуры и внутренностей достигал двух тонн» ⁵².

Приезд научной экспедиции и доставка огромной туши мамонта в Петербург не обошлись без якутов и их лошадей. Об этом свидетельствует

приказ окружного управления от 14 августа 1901 г. выборному инородной управы Егору Робеку и казаку Колымской команды Митрофану Котельникову: «Поручается вам немедленно выехать из г. Среднеколымска по Якутскому тракту до границы Колымского округа и принять энергичные меры, чтобы на каждой станции было приготовлено по 15 лошадей под проезд ожидаемой ныне из Якутска сюда особой экспедиции. Вместе с сим поручается принять самые строгие меры, чтобы на переправах по тракту... были приведены в должный порядок мосты и перевозки, также чтобы были исправлены поварни. Для исполнения сего обязывается вызывать инородцев и наблюдать за ними» ⁵³.

Активность американцев на Севере создавала «политическую нестабильность и опасность отторжения края». Они настолько сильно повлияли на жителей Севера, что еще в конце XIX в. по побережью Ледовитого океана были чукчи, говорящие по-английски. России необходимо было наладить постоянное водное сообщение от Петропавловска-на-Камчатке до Нижнеколымска. Для изучения гидрологического режима, движения льдов океана и обследования дельты Колымы была направлена экспедиция. Обязанностью восточной части данной экспедиции была опись побережья Северо-Востока от Колымы до Берингова пролива. Ее возгла-

вил сотрудник Геологического музея Академии наук И.П. Толмачев ⁵⁴.

Жители Колымского улуса активно помогали экспедиции И.П. Толмачева. Так, 26 марта 1909 г. староста III Мятюжского наслега Алексей Лаптев получил задание перевезти груз экспедиции, предназначенный до Чауны, от урочища Сылгы Ыытар до станции Омогон. До этого груз экспедиции (чай, табак, баранки, сухари и масло) до Сылгы Ыытара довели якуты III Мятюжского наслега Алексей Бурнашов, Василий Оконешников, Федор Слепцов, Михаил Третьяков и Иннокентий Бекренев. Дальше до Нижнеколымска перевезли груз якуты I Мятюжского наслега Митрофан Ребров и Афанасий Татаринов. Через несколько дней выборные Митрофан Слепцов, Стефан Слепцов и староста II Кангаласского наслега Василий Слепцов получают задание «принять энергичные меры к заготовке трех пар лошадей или оленей» дополнительно к имеющимся на станциях двум парам для проезда экспедиции, следующей к Берингову проливу от Сыгына до Среднеколымска ⁵⁵.

В конце ноября или начале декабря 1909 г. ожидалось возвращение экспедиции Толмачева с Берингова пролива. Инородной управе было поручено обеспечить быстрый и организованный проезд экспедиции, приготовить до девяти нарт на каждой станции от Ачичея до границы округа. Особое зада-

ние получил староста III Мя-
тужского наслега насчет обе-
спечения Сылгы Ытарской и
Крестовской станций. Подводы
должны были быть наготове
день и ночь, а скорость езды —
15 верст в час. Более часа экс-

педицию не разрешалось за-
держивать на станции. Прави-
тельство, губернатор, исправ-
ник и якуты — все были заин-
тересованы в быстром возвра-
щении экспедиции в Петер-
бург⁵⁶.

Таким образом, колымские
якуты, оказывая посильную
помощь научным экспедициям
Академии наук и РГО, внесли
большой вклад в укрепление
Российского государства.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- ¹ *Атлас* Российской, состоящей из
девятнадцати специальных карт,
представляющих Всероссийскую им-
перию с пограничными землями, со-
чиненной по правилам Географиче-
ским и новейшим обсервациям, с
приложенною притом Генеральною
картою Великия сея империи, стара-
нием и трудами Императорской
Академии наук. — СПб., 1745. —
Карты № 16, 18.
- ² *Врангель Ф.П.* Путешествие по
Северным берегам Сибири и по
Ледовитому морю (1820—1824). — М.:
Изд-во Главсевморпути, 1948. — С. 212.
- ³ *Старостина М.И.* Колымские яку-
ты в середине XVII — начале XX вв.:
по материалам генеалогии. — Якутск:
Бичик, 2009. — С. 34, 58—59, 63, 250,
329—331, 386.
- ⁴ *Ширина Д.А.* Россия: Научное
исследование Арктики. XVIII в. —
1917 г. — Новосибирск: Наука, 2001. —
С. 37—39.
- ⁵ *Сарычев Г.А.* Путешествие по се-
веро-восточной части Сибири, Ледо-
витому морю и Восточному океану. —
М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1952. —
С. 5—9, 36—37, 70—89.
- ⁶ *НА РС(Я).* Ф. 161-и. Оп. 1. Д. 1.
Л. 51—52.
- ⁷ *Сарычев Г.А.* Указ. соч. — С. 67.
- ⁸ *РГИА.* Ф. 1374. Оп. 3. Д. 2422.
Л. 1 е, 1 е об.
- ⁹ *Старостина М.И.* Указ. соч. —
С. 63, 239, 364.
- ¹⁰ *Энциклопедия Якутии.* / Главный
ред. Ф.Г. Сафронов. — М., 2000. —
Т. 1. — С. 203; *НА РС(Я).* Ф. 51-и.
Оп. 1. Д. 85. Л. 3.
- ¹¹ *Ширина Д.А.* Указ. соч. — С. 75—77.
- ¹² *Пасецкий В.М.* Фердинанд Пет-
рович Врангель (1796—1870). — М.:
Наука, 1975. — С. 48.
- ¹³ *Врангель Ф.П.* Указ. соч. — С. 154,
207, 275.
- ¹⁴ *НА РС(Я).* Ф. 10-и. Оп. 1. Д. 162.
Л. 14 об., 93 об., 94, 107, 117 об., 133
об., 136 об.; Ф. 77-и. Оп. 1. Д. 10.
Л. 8—9 об.
- ¹⁵ *Врангель Ф.П.* Указ. соч. — С. 112.
- ¹⁶ *НА РС(Я).* 10-и. Оп. 1. Д. 162.
Л. 16 об.
- ¹⁷ *Мостахов С.Е.* Русские путеше-
ственники-исследователи Якутии:
XVII — начало XX в. — Якутск: Кн.
изд-во, 1982. — С. 129.
- ¹⁸ *Майдель Г.Л.* Путешествие по
северо-восточной части Якутской об-
ласти в 1868—1870 гг. барона Гергарда
Майделя. — СПб.: Тип. имп. Акад.
наук, 1894. — С. 59—60, 429.
- ¹⁹ *Старостина М.И.* Указ. соч. —
С. 63, 233, 281—282.
- ²⁰ *Майдель Г.Л.* Указ. соч. — С. 309,
311—312, 314—315.
- ²¹ *Старостина М.И.* Указ. соч. —
С. 58, 63, 149, 235—236, 322.
- ²² *Майдель Г.Л.* Указ. соч. — С. 317,
318, 328, 334.
- ²³ *Научные результаты экспедиции,*
снаряженной Академией наук для рас-
копки мамонта, найденного на реке
Березовке в 1901 г. Т. 1—3. — СПб.,
1903, 1909, 1914. — Т. 2. — С. 4, «Карта
местонахождения... мамонта и носо-
рога в Сибири».
- ²⁴ *Мостахов С.Е.* Русские путеше-
ственники... — С. 164, 165.
- ²⁵ *Энциклопедия Якутии...* — С. 208.

- ²⁶ Черский И.Д. Неопубликованные статьи, письма и дневники. Статья о И.Д. Черском и А.И. Черском. — Иркутск: Кн. изд-во, 1956. — С. 242, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 355.
- ²⁷ Черский И.Д. Сведения об экспедиции Императорской Академии наук для исследования рр. Колымы, Индигирки и Яны. — II. Пребывание в Верхнеколымске зимою 1891/92 года. — Приложение к LXXI тому записок Импер. Академии наук. № 8. — СПб., 1893. — С. 11.
- ²⁸ Черский И.Д. Неопубликованные статьи... — С. 255–258.
- ²⁹ Старостина М.И. Указ. соч. — С. 238, 361; НА РС(Я). Ф. 38-и. Оп. 1. Д. 83. Л. 119 об.
- ³⁰ НА РС(Я). Ф. 38-и. Оп. 1. Д. 67. Л. 37; Д. 83. Л. 140.
- ³¹ Слепцов Пр.А. Свидетель минувших дней // Халыма мургун уола (Борокуоппай Алексеевич Слепцов сырдык кэриэһигэр / Хомуйан онгордо П.А. Слепцов. — Дьокуускай, 2006. — С. 139.
- ³² Старостина М.И. Указ. соч. — С. 238, 361.
- ³³ Черский И.Д. Неопубликованные статьи... — С. 272.
- ³⁴ НА РС(Я). Ф. 18-и. Оп. 1. Д. 179. Л. 36 об.—37.
- ³⁵ Мостахов С.Е. Сподвижники путешественников и исследователей: Участие местного населения в географ. изучении Северо-Востока Сибири в XVII — начале XX в. — Якутск: Кн. изд-во, 1966. — С. 116.
- ³⁶ Черский И.Д. Неопубликованные статьи... — С. 300, 301.
- ³⁷ Горохов К.И. Деятельность Якутской экспедиции 1894–1896 гг. // Труды Якутского филиала. Выпуск 1 (VIII). Общественные науки. — Якутск, 1958. — С. 37, 41, 60.
- ³⁸ Старостина М.И. Указ. соч. — С. 64, 235–238.
- ³⁹ АВ СПб ФИВ РАН. Ф. 631. Оп. 1. Д. 15. Л. 2 об.—13 об.
- ⁴⁰ Старостина М.И. Указ. соч. — С. 238, 359.
- ⁴¹ НА РС(Я). Ф. 38-и. Оп. 1. Д. 55. Л. 52.
- ⁴² Старостина М.И. Указ. соч. — С. 58, 61, 64, 236, 322.
- ⁴³ АВ СПб ФИВ РАН. Ф. 631-и. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.
- ⁴⁴ НА РС(Я). Ф. 17-и. Оп. 1. Д. 1427. Л. 3 об.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 38-и. Оп. 1. Д. 83. Л. 139.
- ⁴⁶ Ширина Д.А. Указ. соч. — С. 138–139.
- ⁴⁷ Слободин С.Б. Выдающийся исследователь северных народов (к 150-летию со дня рождения В.И. Иохельсона) // UR: <http://scepsis.ru/> (дата обращения).
- ⁴⁸ Иванова-Унарова З. Сибирская коллекция в Американском музее естественной истории // Полярная звезда. — 1997. — № 5. — С. 42.
- ⁴⁹ НА РС(Я). Ф. 1413. Оп. 2. Д. 397. Л. 50.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 38-и. Оп. 1. Д. 83. Л. 42 об.; Ф. 70. Оп. 1. Д. 999. Л. 228; Ф. 226-и. Оп. 4. Д. 564. Л. 4 об.—5.
- ⁵¹ Курилов Ю.Г. Юкагирские топонимы: Учебное пособие. — Якутск: Офсет, 2005. — С. 22.
- ⁵² Мостахов С.Е. Сподвижники путешественников... — С. 170, 171, 172.
- ⁵³ НА РС(Я). Ф. 17-и. Оп. 1. Д. 1715. Л. 19–20.
- ⁵⁴ Боякова С.И. Освоение Арктики и народы Северо-Востока Азии (XIX в. — 1917 г.). — Новосибирск: Наука, 2001. — С. 80, 86, 87.
- ⁵⁵ НА РС(Я). 17-и. Оп. 1. Д. 2781. Л. 7–7 об., 9–9 об., 32; Старостина М.И. Указ. соч. — С. 299–300, 306, 324, 336, 340, 371, 375.
- ⁵⁶ НА РС(Я). 17-и. Оп. 1. Д. 2781. Л. 63–63 об.

«Инородцы» Якутской области в системе губернского управления (конец XIX — начало XX в.)*

В.Н. Иванов

Общепринято, что «Устав об управлении инородцев» 1822 г. — специальный закон, регулировавший управление коренными народами Сибири, действовал в Якутской области до 1917 г. «Устав...» — уникальный правовой документ, в котором впервые в мировой практике предлагалось цивилизованное юридическое решение проблем народов Сибири. А якуты считали его «гениальным произведением величайшего государственного ума, каким был бывший Сибирский генерал-губернатор граф Сперанский»,¹ очевидно потому, что документ сохранил традиционные устои

жизнедеятельности этноса. Однако в 70-х годах XIX в. в Министерстве государственных имуществ страны пришли к мысли, что кочевые «инородцы» по «хозяйственному быту и экономическому положению» ничем существенным не отличаются от крестьян и на этом основании дали рекомендацию распространить на них общие крестьянские установления. Так был запущен механизм пересмотра одного из важнейших положений «Устава...» 1822 г. — категории разряда кочевых «инородцев» и перевода последних в разряд оседлых.

Василий Николаевич
Иванов,

д.и.н., профессор,
директор НИИ Олонхо СВФУ
им. М.К. Аммосова.

* Статья написана при поддержке РГНФ, проект № 12–11–14006 а/Т. «Инородческое самоуправление на Северо-Востоке России в 1822 г. — начале XX в.: структура и функции в системе управления».

© В.Н. Иванов

Идея дошла до органов власти на местах. Якутская областная администрация также начала понимать, что «Устав...» 1822 г. стал сильно тормозить общественное развитие якутов, когда получило широкое распространение земледелие — основополагающий признак оседлости, развитие товарно-денежных отношений, разрушающих натуральное хозяйство, появление купечества и, наконец, формирование якутской национальной интеллигенции, деятельность которой никак не вписывалась в рамки действовавших правовых установлений. Первое, что предприняла областная администрация в этой обстановке — это воспользовалась проводившейся тогда в стране систематизацией российского законодательства, согласно которой «Устав...» 1822 г. должен был быть включен в Свод законов Российской империи. Что и состоялось в 1892 г. под названием «Положение об инородцах».

Так «Устав...» стал «Положением...». Но дело не только в пересмотре названия документа, а в том, что были внесены определенные изменения в содержание «Устава...», регулировавшего общественные отношения «инородцев» в продолжение 70 лет. Эти изменения подробно освещены в монографии О.Д. Максимовой², и здесь я ограничусь только перечислением тех новаций, которые были внесены в действовавший правовой документ, что правильно оценено автором

монографии, как «эволюция законодательства об инородцах». Итак, каковы же эти **новации**?

Прежде всего отмечу, что согласно «Положению...» административное устройство «инородцев» оставалось прежним, но все же **новое** состояло в том, что уточнялись признаки каждого разряда, установленные «Уставом...» 1822 г. Так, **оседлость** «инородцев» определялась не только проживанием в городах и селениях, но и тем, что они имеют постоянную оседлость, занимаются хлебопашеством, торговлей и другими видами деятельности городских обывателей. **Кочевые** — имеют «постоянную оседлость, но по временам года перемняемую и не живут деревнями», тогда как в «Уставе...» 1822 г. говорилось: «Кочевые, занимающие определенные места, по временам года перемняемые»³. Разряд **бродячих** не претерпел никаких изменений. Суть изменений в уточнении понятия «кочевых» состояла в том, чтобы расширить правовые возможности перехода кочевых в разряд оседлых. И, действительно, эта идея — идея перехода кочевых в оседлые — стала навязчивой в деятельности областной администрации уже с начала 90-х годов XIX в., когда Якутскую область посетил иркутский генерал-губернатор А.Д. Горемыкин, к которому олекминские якуты обратились с просьбой перечислить их в оседлые.

Что касается других новаций в «Положении...» 1892 г.,

то они сводятся к следующим моментам:

1. В регулировании землепользования — право **владения** земель было заменено правом **пользования**, т.е. произошло урезание земельных прав «инородцев», что отвечало интересам предстоящей переселенческой политики в Сибири.

2. Расширились судебные функции «инородческого» управления — они рассматривали споры не только между «инородцами», но и споры, возникающие с представителями других сословий.

3. Статья 101 «Положения...» запретила якутам занятие торговой деятельностью без специального разрешения. На первый взгляд, запрет выглядит как отступление от 45 и 170 статей «Устава...» 1822 г., предоставлявших им право торговать «в городах, селениях и на учрежденных ярмарках». Однако в условиях развития товарно-денежных отношений, зарождающейся острой конкуренции с русским купечеством, разрешительная система создавала якутам единые правила игры с русскими в сфере торговли, потому можно считать, что эта новация служила интересам «инородцев».

4. «Положение...» заметно расширило право на передвижение у «инородцев», в частности предоставление им права на получение паспортов или видов на жительство на определенный срок с согласия «инородческого» общества, в том числе на проживание в городе.

Это новшество связывалось с оживлением экономической жизни в области.

5. Урегулирование отношений найма, займа и аренды положениями государственного **закона**, тогда как по «Уставу...» 1822 г. они регулировались нормами обычного права. Суть изменений состояла в том, что они расширили возможности вмешательства местной администрации в урегулирование отношений, возникающих при заключении договорных обстоятельств с участием «иногородцев». Объективно это было сделано в интересах «иногородцев», но отсутствие должного контроля со стороны чиновников сводило к минимуму реальные результаты этой новации.

В целом же, изменения, внесенные в «Устав...» 1822 г. «Положением...» 1892 г., по мнению О.Д.Максимовой, несколько улучшили правовой статус «иногородцев» в конце XIX в.⁴ Соглашаясь с этим выводом, я хотел бы добавить, что эти изменения ни коим образом не сняли тех крупных практических проблем, которые накопились к этому времени по управлению «иногородцев» Якутской области и остро заявили о себе вскоре после официального признания «Положения об иногородцах» 1892 г. как новой редакции «Устава об управлении иногородцев» 1822 г. Именно потому я считаю, что частный вопрос о внесении изменений перерос в **крупную проблему о коренном пересмотре**

положений «Устава...» 1822 г., как документа **архаичного** в реальных условиях социально-экономического, общественно-политического и культурного развития Якутии в конце XIX — начале XX в. Тем более, в «Положении...» 1892 г. не выражено никакого отношения к вышеупомянутой рекомендации Министерства государственных имуществ. Приведенный выше факт обращения в 1890 г. олекминских «иногородцев» к А.Д. Горемыкину с просьбой перечислить их к разряду оседлых можно считать реакцией на эту рекомендацию. Якутское областное правление обсудило вопрос 23 августа 1891 г. и приняло положительное решение, утвержденное генерал-губернатором 6 июня 1892 г. Переход олекминцев к оседлому образу жизни должен был начаться с 1 января 1893 г.⁵

Якутское общество неоднозначно восприняло демарш олекминских якутов, а якуты Батурусского улуса Якутского округа открыто выступили против, отмечая в своем общественном приговоре от 2 октября 1891 г., что «не подлежит ни малейшему сомнению, что наша вечная и заветная мечта состоит в том, чтобы оставаться в строе настоящего своего быта»⁶. Их поддержали и другие улусы. Можно согласиться с И.И. Майновым, который писал, что «переход на положение «оседлых иногородцев» состоялся путем простого канцелярского перечисления и никаких реальных перемен в обще-

ственном строе якутов это бумажное преобразование не принесло».⁷ К тому же неразбериха во властных структурах привела к отмене распоряжения А.Д. Горемыкина от 6 июня 1892 г. распоряжениями генерал-губернаторов А.И. Пантелеева (от 1 марта 1903 г.) и графа П.И. Кутайсова (от 19 декабря 1905 г.). Однако Сенат в свою очередь Указом от 30 июля 1909 г. признал эти распоряжения неправильными и отменил их, а олекминских «иногородцев» признали перечисленными в разряд оседлых с 1 января 1893 г. с начислением на них податей по крестьянскому окладу с 1 января 1909 г.⁸

Решение олекминских «иногородцев» породило серьезный вопрос, требующий внимания властей. Дело в том, что они создали прецедент в управленческой практике — небольшая часть якутского этноса перешла на другой, крестьянский образ общественной жизни и на другую систему налогового обложения, т.е. они выпали из правового пространства, созданного «Уставом...» 1822 г., и к ним стали применяться общие крестьянские установления «Положения о крестьянах» 1861 г. Областная же администрация оказалась в трудной ситуации и, воспользовавшись ею, решила на большее — провести преобразование управления всеми «иногородцами» Якутской области. Правда, толчок к фактическому его началу дал генерал-губернатор А.Д. Горемыкин, 11

сентября 1899 г., предписавший Якутскому губернатору В.Н. Скрипицыну «безотлагательно поручить земским заседателям введенной Вам области приступить к выработке новых «Правил об инородцах»⁹. Главная идея предписания — начать работу по преобразованию управления «инородцами» области на началах «Положения о крестьянах» 1861 г. Так, более узкий вопрос о переводе кочевых «инородцев» в оседлые превратился в большой вопрос о пересмотре «Устава об управлении инородцев» 1822 г. Работу по его подготовке возглавил губернатор В.Н. Скрипицын, считавший «Устав...» совершенно устаревшим и безусловно не отвечающим *теперешнему* быту якутов¹⁰.

Обсуждение вопроса последовало после вторичного напоминания иркутского генерал-губернатора якутским властям от 29 декабря 1899 г. Оно происходило на заседаниях общего присутствия Якутского областного управления в марте 1900 г., куда были приглашены и «сведущие люди» из якутов, в том числе В.В. Никифоров. Обсуждался проект «Положения об инородцах Якутской области», представленный якутским окружным исправником А.И. Поповым 19 февраля 1900 г. Надо особо отметить, что в основу данного проекта были положены идеи и мысли «Правил об управлении инородцами в местностях, на которые распространяется действие Временного положения о кре-

стьянских начальниках», составленных в 1899 г. делопроизводителем земского отдела Министерства внутренних дел И.И. Крафтом и предусматривавших: 1) устранение недостатков существующего управления; 2) приближение общественного устройства и управления оседлых и кочевых «инородцев» к общему типу устройства и управления русских крестьян и подчинить их ведению крестьянских установлений, и 3) создание благоприятных условий для ускорения естественного процесса перехода кочевых «инородцев» к оседлости. Как видно, будущий якутский губернатор И.И. Крафт принял непосредственное участие в подготовке реформы «инородческого управления», по существу стал ее идеологом. Отмечу, что он составил «Записку о преобразовании управления оседлыми и кочевыми инородцами в местностях, на которые распространяется действие Временного положения о крестьянских начальниках» и являлся автором «Правил об управлении инородцами в местностях, на которые распространяется действие Временного положения о крестьянских начальниках». Смысл обоих документов сводился к двум моментам: 1. Приблизить управление «инородцами» к управлению русскими крестьянами и подчинить их ведению крестьянских начальников; 2. Создать благоприятные условия «для ускорения естественного процесса

перехода кочевых инородцев к оседлым»¹¹.

А.И. Попов, конечно же, внес новое в свой проект в том плане, чтобы разрабатываемое «Положение об инородцах Якутской области» учитывало *особенности* общественного быта и правового положения якутов-«инородцев» на фоне тех изменений, которые происходили в конце XIX — начале XX в. К тому же генерал-губернатор А.Д. Горемыкин рекомендовал «не принимать документы к обязательному руководству, а проектировать новые правила»¹². Но суть поставленного вопроса оставалась прежней — признать *оседлый* характер образа жизни якутов и потому *приравнять* их в правах и обязанностях к крестьянскому населению. В проекте А.И. Попова исчез разряд «кочевых».

Обсуждение проекта А.И. Попова состоялось в феврале 1900 г. на уровне Совета областной администрации и имело один существенный недостаток, на который обратил внимание В.В. Никифоров — то, что в Совете не представлено мнение самих «инородцев», т.е. проект не был «передан на предварительное обсуждение инородческих обществ». По его мнению, другие недостатки и недоработки проистекали из этого обстоятельства, и их он сводил к вопросам: 1) относительно прав состояния; 2) относительно управления; 3) относительно землепользования и 4) относительно суда. Проектируемые изменения по этим

позициям, по его мнению, «не соответствовали современным понятиям и потребностям иногородцев», и свои замечания по ним Никифоров изложил в пространной «Записке по поводу пересмотра Положения об иногородцах касательно якутов Якутской области», датированной 3 апреля 1900 г.¹³ Однако Василий Васильевич не выступал против преобразований в управлении «иногородцами», а стремился к тому, чтобы преобразования максимально учитывали следующее: 1) насколько гражданское положение «иногородцев» конца XIX в. *определило* действующий «Устав...» 1822 г. и 2) насколько «иногородцы» подготовлены к восприятию новых форм самоуправления, соответствующего крестьянскому самоуправлению.

Конечно же, В.В. Никифоров понимал, что местные власти, следуя рассуждениям И.И. Крафта, стремятся к реформированию устаревшей системы управления «иногородцами» и замены ее системой, которая приблизила бы управление аборигенами к системе управления русскими крестьянами, но его настораживало настроение властей решить вопрос путем простого канцелярского перечисления якутов от «кочевого» разряда в разряд «оседлых». По его мнению, преобразования «должны быть строго обоснованы на всестороннем изучении быта и обычаев народа». Только такой подход мог гарантировать более обоснованное решение

властей. А потому Василий Васильевич считал, что намерение перевести якутов в разряд «оседлых» является непоследовательным, не соответствующим «действительному современному быту иногородцев», т.е. якутов¹⁴.

Соображения В.В. Никифорова нашли поддержку в «Особом мнении иногородцев Якутского округа, приглашенных на совещание Якутского областного управления в качестве сведущих лиц по вопросу об изменении ныне действующего «Положения об иногородцах», подписанном 10 представителями 6 улусов Якутского округа¹⁵. Примечательно, и они подтверждали, что положения «Устава...» 1822 г. «требуют дополнения и развития, согласно изменившимся, все более и более расширяющимся потребностям и условиям жизни», что «потребность» в его пересмотре «действительно созрела и желательна, лишь бы не были подвергнуты коренному изменению» его основные принципы. Они предлагали выработанный Общим присутствием Областного управления проект «Положения об иногородцах» передать на заключение Окружных съездов иногородческих представителей, уполномоченных на это своими обществами¹⁶.

Материалы обсуждения проекта были высланы в Иркутск в конце марта 1900 г. Мы пока не располагаем данными о том, в какой степени были *учтены* замечания «иногородцев» в последней редакции проекта, но

факт, что мнение якутских «иногородцев» было сформулировано после отправки проекта в Иркутск, и есть основания считать, что их замечания не были приняты во внимание.

После получения проекта иркутские власти сами занимались дальнейшим продвижением документа. Есть сведения о том, что проект попал на рассмотрение центральных ведомств вплоть до Совета Министров. Но принятию окончательного решения, по мнению А.А. Павлова, помешали русско-японская война и общественно-политические события в 1905-1907 гг.¹⁷ И после этих событий проект почти застрял в канцеляриях центральных ведомств. Только в 1910 г. по предложению министра внутренних дел местная, т.е. областная, администрация *возобновила* работу по пересмотру «Положения об иногородцах Якутской области» и, по мнению И.И. Майнова, выработала проект нового преобразования иногородческого управления; работа по его реализации стала *приоритетной* задачей в деятельности тогдашнего губернатора И.И. Крафта. В своем отчете за 1911 г., который читал император Николай II, Крафт недвусмысленно высказался, что «Устав...» 1822 г. «совершенно утратил всякое жизненное значение и является теперь во многих случаях *архаизмом*» и предлагал: «Необходимо наискорейшее введение нового «Положения об

инородцах», проект которого разработан и представлен мною 19 мая 1910 г. и находится на рассмотрении министра внутренних дел». Перевод «инородцев» в разряд оседлых Иван Иванович понимал, прежде всего, как меру «более интенсивного воздействия» российской культуры на аборигенную. Мало того, реформированию образа жизни «инородцев» он придавал особое общественно-политическое звучание, говоря о том, что в этом случае «инородцы сольются» с русскими, что именно в этом «слиянии, а не в племенном обособлении и не в сохранении некультурной самобытности будет заключаться лучшее будущее и счастье якутских инородцев»¹⁸. К сожалению, этого не случилось ввиду надвигавшейся угрозы I мировой войны, но в при-

веденном утверждении — весь Крафт, *деятель* либерально-демократических взглядов, внесший огромный вклад в движение якутских «инородцев» по пути общественного прогресса в начале XX в.

В заключение хотелось бы отметить, что в потоке тех событий, которые сопровождали развитие якутского общества в конце XIX — начале XX в., *события*, связанные с попыткой проведения коренной реформы всего общественного и хозяйственного быта «инородцев», приобрели особую значимость не только как проблема административного управления, но и как составная часть истории региона. Проблема «инородцев» стала приоритетной в системе губернского управления, с нею связана деятельность двух выдающихся губернаторов

Якутской области — В.Н. Скрипицына и И.И. Крафта, восточносибирских генерал-губернаторов, центральных ведомств империи; наконец, на нее обратил внимание император Николай II. Главное — изменилось само *якутское общество*, пришедшее в движение за выработку самой оптимальной формы самоуправления в составе Российского государства. Не реализованная реформа административных преобразований конца XIX — начала XX в. породила идею земского самоуправления у кочевых «инородцев» — российского института органов власти на местах. И не только, она сделала нашу историю более содержательной, богатой деятельностью крупных исторических личностей, и наш долг состоит в том, чтобы мы ее *изучали и знали*.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Никифоров В.В. Солнце светит всем. Статьи. Письма. Произведения. — Якутск, 2001. — С. 58.
- ² Максимова О.Д. Правовое регулирование общественных отношений якутов в XIX — начале XX в. — Якутск, 2001. — С. 118–127.
- ³ Памятники права Саха (Якутия). — Якутск, 1991. — С. 58.
- ⁴ Максимова О.Д. Указ. соч. — С. 127.
- ⁵ Майнов И.И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. — СПб., 1812. — С. 97.
- ⁶ НА РС(Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 19704. Л. 137.
- ⁷ Майнов И.И. Указ. соч. — С. 111.
- ⁸ Там же. — С. 112.
- ⁹ НА РС(Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 19704. Л. 2.
- ¹⁰ История Якутии в отчетах якутских губернаторов. — Якутск, 2007. — С. 80.
- ¹¹ НА РС(Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 19704. Л. 11.
- ¹² Там же. Л. 9.
- ¹³ Никифоров В.В. Солнце светит всем. — С. 50–58.
- ¹⁴ Там же. — С. 58–77.
- ¹⁵ Там же. — С. 77.
- ¹⁶ Павлов А.А. Губернатор И.И. Крафт. — Якутск, 2004. — С. 49.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ История Якутии в отчетах..., — С. 88, 90.

Вклад политссылных в развитие музейного дела Якутии

Л.Б. Степанова

На протяжении конца XIX — первой трети XX вв. научное сообщество обсуждало различные методы системного изучения окраин страны, где музею, как научно-просветительскому учреждению, отводилась роль научного центра. Научные общества взялись за восполнение лакун исследовательского поля, выпавших из сферы интересов РАН, путем снаряжения экспедиций на ранее не исследованные территории. В 1886 г. президент Совета Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей Андрей Николаевич Бекетов обратился в адрес всех губернских местных управ и статистических комитетов Российской империи с предло-

жением об учреждении местных музеев с приложением программы по сбору коллекций по геологии, почвоведению, зоологии, ботанике, сельскому хозяйству, метеорологии и гидрологии — «Наставления для наблюдений и собирания коллекций»¹. В 90-е гг. XIX в. В.В. Радлов и Л.Я. Штернберг предложили экспедиционный метод комплектования собраний музеев — путем систематических научных экспедиций и командировок, организованных в соответствии с интересами музея или неотложной необходимостью, по сбору памятников материальной культуры того или иного народа. Для этого В.В. Радлов уделил боль-

Лена Борисовна
Степанова,

к.и.н., Музей музыки и
фольклора народов Якутии.

© Л.Б. Степанова

шое внимание активной подготовке музейных кадров. Для работы в музее им были приглашены Д.А. Клеменц, Н.М. Могилянский, Б.Ф. Адлер, Л.Я. Штернберг. Из среды бывших «политических» к работе музея были привлечены Э.К. Пекарский, В.И. Иохельсон, В.Г. Богораз². Именно работа научных обществ ИРГО (1854); Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей (1868); Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (1863); Якутского отдела Общества изучения Сибири и улучшения ее быта (1908–1913), Якутского отдела Императорского Русского географического общества (1911–1924)) обеспечила высокий уровень организации музейного движения с целой системой корреспондентов и посредников, которые вели на местах научные изыскания и сбор коллекций на основе специализированных собирательских программ.

Решающую роль в становлении музейного дела в Якутской области при отсутствии штатных сотрудников и малочисленности специалистов-ученых сыграло участие политссыльных. При активном участии политссыльных (В.П. Зубрилов, А.К. Кузнецов, Н.А. Виташевский, П.В. Оленин, В.Е. Окольский, Е.М. Ярославский и др.) и работе сотрудников Якутского статистического комитета было положено начало первому музейному собранию Якутии.

Музейная деятельность стала своеобразной формой взаи-

моотношений власти и интеллигенции, которая была обусловлена рядом факторов: необходимостью научного изучения окраин огромной территории; сбором коллекций по материальной культуре населяющих его народов, находившихся, по мнению ученых, на грани вымирания; возможностью повышения уровня образования широких слоев населения. Идеальные вдохновители этого явления: Д.А. Клеменц и Н.М. Мартынов – опирались в своей работе на идеи народничества. Поэтому музей должен был стать не только исследовательским центром, но и активно влиять на экономическую и общественно-культурную жизнь края, оказывая практическое содействие крестьянскому хозяйству, местной промышленности, просветительским учреждениям. Их отличал широкий подход к пониманию целей музея как научного и просветительского учреждения, не ограниченного узкими рамками академической науки, выступающего в качестве центра общественной жизни. Д.А. Клеменц считал важным инициирование научной жизни в провинции, которое воспитало бы местных сотрудников, а к собирательской работе столичных ученых он относился с большим скепсисом, что особенно было актуально для Якутской области. Он полагал, что правильно собирать нужные и редкие этнографические предметы мог лишь человек, проживший какое-то время ря-

дом с изучаемым народом. Поэтому выступил инициатором привлечения местных кадров и политссыльных в качестве корреспондентов в провинциальных окраинах страны. Хотя государственным преступникам запрещено было заниматься письменной, научно-исследовательской работой, читать публичные лекции, состоять в научных обществах, вести педагогическую и медицинскую деятельность, ввиду отсутствия квалифицированных кадров местная администрация была вынуждена закрывать глаза на этот запрет. В конце XIX – начале XX в. сформировался тип действительного знатока и любителя редких вещей, которым стал представитель третьего сословия. Известный революционер и общественный деятель П.А. Кропоткин³, характеризуя этот период, писал, что постепенно выработался даже особый тип интеллигентов – собирателей песен и прочего этнографического материала. Характерной особенностью России того периода стало то, что «невольными» бытописателями, этнографами, фольклористами и даже музейными хранителями на ее окраинах становились политические ссыльные.

Политссыльный П.А. Орлов, который в 1891 г. принял активное участие в создании Якутского областного музея, развивал свою теорию о роли интеллигенции в устройстве нового общественного строя. Он говорил о необходимости доводить до сознания масс

мысль о неразрывной связи человека с сообществом, о необходимости активного и созидательного участия каждого в новом общественном процессе. П.А. Орлов активно агитировал своих товарищей заниматься исследованием местного края, и сам занимался геологическими исследованиями полезных ископаемых, написал несколько хороших рассказов и беллетристических очерков⁴. Противоположного мнения придерживался известный сибирский общественный деятель Г.Н. Потанин, который считал, что сбор коллекций и исследования должны проводиться специально подготовленными учеными, способными в отведенные сроки справиться с поставленными перед ними задачами. В письме, адресованном якутскому корреспонденту А.И. Попову от 30.05.1901 г., его оппонент Д.А. Клеменца писал: «...У меня кроме естественного желания помочь в создании России большого, центрального этнографического музея имеется в виду старая моя заветная мечта — научная жизнь провинций. Ради нее я боролся с планом Потанина — послать в Якутск вместо местной экспедиции столичного ученого. Нелегко мне далась эта задача, но все-таки она выполнена... Вряд ли, кто искренне сочувствует изучению России, будет пренебрегать местными силами...»⁵. То есть можно сказать, что программы по научному изучению края и сбору коллекций, разработанные

обществами, в какой-то мере отражают воззрения народников. Согласно их видению, музей представлялся им многофункциональным институтом социальной памяти, посредством которого реализуется общественная потребность в отборе, сохранении и репрезентации культурных и природных объектов, осознаваемых обществом как ценность, подлежащая передаче из поколения в поколение.

Официальными корреспондентами МАЭ РАН и ЭО Русского музея им. Александра III в Якутской области стали Э.К. Пекарский, В.М. Ионов, В.Н. Васильев, А.П. Курочкин, И.В. Попов, А.И. Громова, А.И. Попов, И.В. Попов, П.В. Оленин и Г.Н. Кутоманов. Они вели собирательскую работу по присланным музеями программам комплектования коллекций. Имя Э.К. Пекарского известно в отечественной науке как фольклориста, этнографа, тюрколога, талантливого лингвиста, составителя якутско-русского словаря. Научная же его деятельность в качестве музейного подвижника и коллектора не была достаточно оценена. По поручению Д.А. Клеменца он принял самое активное участие в Сибиряковской экспедиции 1894—1896 гг. Ему было предложено заняться составлением программы по исследованию домашнего и семейного быта якутов. В соавторстве с И.И. Майновым им была разработана общая программа этнографического ис-

следования народов России, которая, дополненная подробными указаниями Д.А. Клеменца, стала основой этнографических исследований Сибиряковской экспедиции. Благодаря дружеским отношениям с Д.А. Клеменцем, Э.К. Пекарский взял на себя посредническую роль между якутскими коллекторами и этнографическим отделом Императорского музея Александра III. Участие в собирательской работе для музеев ныне таких известных музейных деятелей, как А.И. Попов, В.Н. Васильев, консерватор Якутского областного музея П.В. Оленин, якутский народный художник И.В. Попов, во многом было обусловлено влиянием Э.К. Пекарского. Он и сам состоял корреспондентом этнографического отдела Русского музея, выполняя сборы этнографических материалов по якутам и тунгусам для пополнения фондов музея⁶. Официальными корреспондентами МАЭ РАН и ЭО Русского музея им. Александра III в Якутской области стали Э.К. Пекарский, В.М. Ионов, В.Н. Васильев, А.П. Курочкин, И.В. Попов, А.И. Громова, А.И. Попов, И.В. Попов, П.В. Оленин и Г.Н. Кутоманов. Они вели собирательскую работу по присланным музеем программам комплектования коллекций. Почти у каждого собирателя был свой куратор-этнограф, даже частная инициатива местных собирателей обязательно подкреплялась программой или же инструкциями, специально

издававшимися этнографическими музеями либо опубликованными в специальных изданиях научно-исследовательских обществ. Сотрудники ЭО Русского музея Н.М. Могилянский и Б.Ф. Адлер предварительно обговаривали с якутскими корреспондентами характер и количество предметов, которые они должны были собрать.

В 1903 г. Э.К. Пекарский принял участие в работе Аяно-Нельканской экспедиции и сборе коллекций для этнографического отдела Русского музея, а также выработал отдельную программу, по которой должны были вести опрос глав тунгусских семей. Для сбора вещевых материалов у Пекарского при себе имелся ящик с товаром для обмена (ситец, готовое белье, табак разного качества, чай, порох). Об итогах своей собирательской работы во время Аяно-Нельканской экспедиции Э.К. Пекарский впоследствии писал: «...В промежутках между опросами наблюдал способы ловли рыбы сетями и особым крюком, описывал жилища и приобретал встречающиеся мне предметы тунгусского обихода для Русского музея. Путем опроса отдельных лиц удалось получить предварительные сведения о рыбном и звероловном промыслах, об оленеводстве, охоте на морских животных, занятиях и ремеслах тунгусов и о материальной стороне их жизни, так что впоследствии, при дальнейших опросах в других

местах, дополнял сведения»⁷. В итоге, ему удалось приобрести для этнографического отдела Русского музея 441 учетную единицу предметов, на покупку которых им было израсходовано до 500 рублей⁸. В настоящее время эти коллекции хранятся в фондах Российского этнографического музея.

Д.А. Клеменц высоко оценивал исследовательский потенциал Э.К. Пекарского и делал все возможное, чтобы перевести его в Санкт-Петербург. В письме статскому советнику Якутского областного статистического комитета А.И. Попову он пишет: «С истинным удовольствием узнал я из вашего письма, что вы приняли на себя обязанности заняться собиранием материала по одежде. Еще приятно было бы, если бы, например по культу, занятиям, постройкам, приняли бы на себя труд Эдуард Карлович и Ионов. Эдуарду Карловичу я пишу особо. Камнем на душе у меня лежит этот человек, стыдно сказать, что греха таить, — до сих пор не могу добиться для него какого-либо обеспечения, чтобы его можно было вызвать сюда»⁹. Э.К. Пекарский обладал поразительной способностью объединять вокруг себя людей. Им был вовлечен в исследовательскую и собирательскую работу широкий круг образованных людей своего времени, как из среды политссыльных, так и местной интеллигенции (П.В. Оленин, В.М. Ионов, Н.Н. Грибановский, А.И. Попов, И.В. Попов,

П.В. Слепцов, В.В. Никифоров, Е.Д. Николаев). Благодаря ему российская этнографическая наука обогатилась именами этнографов В.Н. Васильева и А.А. Попова.

Политссыльный П.В. Оленин — корреспондент этнографического отдела Русского музея, консерватор Якутского областного музея, в 1901–1903 гг. и 1908 г. принял активное участие в работе экспедиций на территории Якутии. Внес огромный вклад в комплектование естественно-исторических музейных коллекций Якутского областного музея. В 1901 г. принял участие в экспедиции финляндцев Р.Б. Поппиуса и А.А. Каяндера, путешествовавших от Якутска до устья р. Лены. В мае–августе 1902 г. по р. Амге произвел сборы ботанических, зоологических и палеонтологических материалов. Из собранных ботанических коллекций 646 экз. были высланы в Ботанический музей Академии наук и 245 экз. оставлены для Якутского музея. В 1903 г. принял участие в работе Арктической экспедиции, исследовавшей Новосибирские острова под руководством А.В. Колчака. По сведениям политссыльного С.Ф. Котикова¹⁰, у П.В. Оленина дома были богатые частные собрания. В инвентарной книге Якутского музея, кроме собранных им в 1897–1900 гг. коллекций, зафиксированы его последующие сборы, привезенные из 8 экспедиций. Другой известный политссыльный Н.Л. Геккер, участник Сибиряковской

экспедиции, будучи хранителем Якутского областного музея, в неприятные дни проводил антропометрические замеры и опыты в здании музея. Фотографические снимки в фас и в профиль были сделаны на веранде здания, во дворе. Ему также удалось получить разрешение на измерение и взвешивание заключенных в Якутском тюремном замке инородцев — 25 чел. в возрасте от 18 до 73 лет. Большинство исследований Н.Л. Геккера было выполнено в Якутском, Вилюйском и Верхоянском округах. Судьба этих фотографических снимков неизвестна.

В сборе якутских этнографических коллекций, ныне хранящихся в собрании МАЭ РАН (Кунсткамера) и РЭМ, приня-

ли участие политссыльные, видные этнографы Д.А. Клеменц, Н.А. Чарушин, С.М. Дудин, Д.Т. Янович, П.Е. Островских, Л.Я. Штернберг, Э.К. Пекарский, И.И. Майнов. Интересно, что материалы по якутам успел собрать известный художник-фотограф, основоположник методики научной этнографической съемки С.М. Дудин (МАЭ). В 1879 г. он принял участие в экспедиции Н.С. Горохова, исследовавшей Верхоянский округ Якутской области, а в 1891 г. участвовал в Орхонской экспедиции под руководством В.В. Радлова. Здесь он выполнил большое количество не только рисунков, но и фотографий. Участие многих видных деятелей культуры и науки в музейно-этно-

графическом собирательстве как нельзя более ярко свидетельствует о том, что в музейной работе они видели особую просветительскую миссию. Музей стал своеобразной площадкой для апробирования различных научных концепций и методик исследований. У истоков музейной этнографии стояли ученые, формировавшие свои научные школы на пограничье теории и практики, внесшие огромный вклад в развитие интеллектуальной гуманитарной традиции в России. Поэтому изучение персонального контекста истории музейного дела сегодня должно быть выделено в самостоятельное научное направление — интеллектуальная история музейного сообщества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

¹ *НА РС(Я)*. Ф. 1407. Оп. 1, Д. 482, Л. 8

² *Решетов А.М.* Академик В.В. Радлов-востоковед и музеевед (основные этапы деятельности) // Радловские чтения — 2002: Мат-лы научн. годичной сессии. — СПб., 2002. — С. 97.

³ *Кропоткин П.А.* Идеалы и действительность в русской литературе. — СПб, 1907, 169 с.

⁴ *Макаров И.Г.* Уголовная, религиозная и политическая ссылка в Якутии. Вторая половина XIX в. / [отв. ред. д.и.н. Д.А. Ширина]. — Новосибирск: Наука, 2005. — С. 174.

⁵ *Архив РЭМ*, Ф. 1, Оп. 2, Д. 462, Л. 262

⁶ Там же. Л. 11.

⁷ *Пекарский Э.К.* Поездка к прианским тунгусам. — Казань, 1904. — С. 6.

⁸ Там же. — С. 17.

⁹ *Архив РЭМ*. Ф. 1, Оп. 2, Д. 462, Л. 4.

¹⁰ *Котиков С.Ф.* Из воспоминаний о Якутской политической ссылке 1906–1912 гг. // Сб. научных статей Якутского республиканского краеведческого музея им. Ем. Ярославского. Вып. 3. — Якутск, 1960. — С. 272.

Школьное образование в Верхоянском округе до 1917 года

А.А. Павлов

Афанасий Афанасьевич
Павлов,

к.и.н., н.с. отдела истории
Якутии ИГиИПМНС.

В 1830 г. верхоянские власти получили указание генерал-губернатора Восточной Сибири о необходимости открытия училища, содержание которого возлагалось на местные общества. Однако местные наследные главы на июльском совещании 1830 г. приняли решение: не открывать училище, мотивируя отсутствием средств¹. Верхоянский округ занимал весь северо-запад Якутии, почти одну треть области (совр. Верхоянский, Аллаиховский, Булунский, Жиганский, Момский, Усть – Янский, Жиганский улусы) Вопрос об открытии начального училища до середины 1860 г. не поднимался. На запросы якутских властей о необходимости откры-

тия училища окружной исправник отвечал, что открыть училище не могут, так как государство не выделяет средства на обучение инородцев, а собирать средства с населения невозможно. По мнению академика П.Л. Казаряна, городской доход не превышал 300 руб. в год.

В 1867 г. якутский губернатор А.Д. Лоховицкий в категорической форме потребовал открытия школы в городе Верхоянске. Припертый к стене окружной исправник начал сбор средств на открытие училища. К июлю 1869 г. было собрано всего 1291 руб. 44 коп.² Этого было мало. Поэтому в 1869 г. Верхоянское мещанское общество, Верхоянская, Усть-

Янская, Жиганская, Эльгетская инородные управы приняли решение: начиная с 1 января 1870 г. собирать с каждого работника (т.е. плательщика налога) от 10 до 15 коп. на содержание школы. По расчетам, сборы по округу на содержание училища с 1 января 1870 г. ежегодно должны были составить 490 руб 32 коп.³ На эти деньги должны были содержать училища, оплачивать труд учителя и охранника.

Когда дело сдвинулось с места, из собранных 1291 руб. 44 коп. денег исправник В.В. Иващенко использовал на другие нужды, на возвратной основе, оставшиеся 720 руб., было построено здание училища. Здание училища состояло из классной комнаты, прихожей, комнаты для архива, двух комнат для учителя. К зданию примыкала кухня, которая была соединена с амбаром⁴. Официальное открытие Верхоянского одноклассного училища состоялось 1 января 1871 г.⁵ Первыми учениками училища стали пять мальчиков, из них трое из города, двое из I Юсальского наслега. Первым учителем школы был назначен пятидесятник Якутского казачьего полка Ефим Попов, попечителем стал верхоянский купец С.В. Горохов⁶. Будучи попечителем училища, Семен Васильевич оказывал посильную помощь в укреплении материального положения школы, так как входил в купеческое сословие, он ежегодно помогал школе на сумму 50 руб. После его смерти попечи-

телем стал его сын Никита Семенович Горохов. На свои средства в 1874 г. он организовал пансион. Он передал в училище личную библиотеку, в течение пяти лет выписывал ежегодно учебные материалы из России на 50 руб. и значительно обогатил школу⁷.

Согласно инструкции 1886 г. народным управам относительно начальных училищ, они существовали за счет населения и их пожертвований. Так, 10 декабря 1874 г. голова Верхоянского улуса Афанасий Новгородов пожертвовал школе 170 руб.⁸

По существу, эта была карликовая школа. На огромной территории проживало по переписи 1897 г. всего 13208 душ. Включая город Верхоянск, грамотных всего оказалось 278, что составляло 2% населения. А в училище обучалось не более десяти детей обоего пола. Главное препятствие — это разбросанность населения, нежелание отдавать ребенка в школу и незаинтересованность правительства в распространении просвещения среди коренного населения Сибири. Отбывавший ссылку В.М. Зензинов писал, что в одноклассном инородческом училище села Булун учились 28 учеников (22 мальчика и 6 девочек) из них якутов 6. Каждый наслег Жиганского улуса обязан был направлять в училище в Булун по одному ученику, причем «стараятся выбрать самого тупого мальчика, чтобы учитель его вернул обратно. Многие были убежде-

ны, что после обучения детей заберут в солдаты»⁹.

По ходатайству населения в конце восьмидесятых годов училище перешло от непосредственного содержания инородных управ в систему Министерства народного просвещения, т.е. стало государственным учреждением. Оплата учителю и содержание училища взяло на себя государство. Но пансион содержался за счет населения. В 1880 г. училище передали в церковное ведомство и оно стало церковно-приходским. С 1897 г. школа стала двухклассной, что давало возможность выпускникам продолжить учебу в средних учебных заведениях. В момент преобразования в училище учились всего 12 мальчиков из них 7 якутов.

Но поступательное движение жизни диктовало свои условия. В 1886 г. работали 3 начальных училища (в Верхоянске и Булуне — открылись в 1878 г. и в Русском Устье — 1879 г.)¹⁰. Учителя часто менялись, по словам исправника, они не стремились давать знания детям. Годовая зарплата колебалась от 150 до 200 руб. Для сравнения: политические ссыльные в год получали 180 руб. госпособия¹¹. В своем отчете за 1887 г. окружной исправник подчеркнул «неотразимое препятствие местного населения — нежелание отдавать ребенка в школу ... весьма трудно их переубедить». В трех школах учились в 1886/87 учебном году 22 учащихся, из них

13 мальчиков якутов и 9 русских¹².

В конце 90-х и в начале 1900 г. в округе открылись ещё несколько церковно-приходских школ, но их удельный вес был незначительным. В 6 школах округа числилось 36 мальчиков и девочек. Из них 13 детей учились в Верхоянской школе¹³.

Поборник народного образования С.В. Горохов предложил использовать ссыльных в качестве учителей под контролем исправника. Эта просьба стала известна якутскому губернатору В.П. де Витте 29 апре-

ля 1870 г., который в категоричной форме запретил принимать их в качестве учителей и воспитателей детей в пансионе и за нарушение запрета назначил ответственным окружного исправника¹⁴. В советских изданиях о Верхоянском училище говорится, что «училище было открыто по требованию политссыльного И.А. Худякова¹⁵. Этот факт документально не подтверждается.

В 1921 г. съезд ревкомов постановил преобразовать Верхоянское двухклассное церковно-приходское училище в единую

трудовую советскую школу. Также решили в мобилизационном порядке собрать со всего округа 100 детей обоего пола и начать учебные занятия с 14 сентября¹⁶. Началась новая эра школьной работы.

Открытая в 1870 г. Верхоянская двухклассная церковно-приходская школа стала очагом распространения просвещения в северной части Якутии. Из её стен вышли государственные, общественные деятели, ученые, учителя, врачи и специалисты народного хозяйства широкого профиля.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- ¹ *НА РС(Я)*. Ф. 24. Оп. 1. Д. 86. Л. 25.
- ² *Там же*. Д. 1625. Л. 94.
- ³ *Там же*. Л. 22, 27, 32–33, 40–41.
- ⁴ *Там же*. Л. 44.
- ⁵ Казарян П.Л. Город Верхоянск. – Якутск, 1988. – С. 35.
- ⁶ Якутия. 1632–1917. Хроника. Факты. События / Составитель А.А. Калашников – Якутск, 2000. – С. 199.
- ⁷ *НА РС(Я)*. Ф. 12и. Оп. 1. Д. 4324. Л. 43.
- ⁸ *Там же*. Ф. 32. Оп. 1. Д. 488. Л. 2.
- ⁹ Зензинов В.М. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. – М., 1912. – С. 17; Калашников А.А. Указ. соч. – С. 270.
- ¹⁰ *НА РС(Я)*. Ф. 12и. Оп. 1. Д. 1819. Л. 4.
- ¹¹ *Там же*. Д. 4231. Л. 200.
- ¹² *Там же*. Д. 4231. Т. 1. Л. 191.
- ¹³ *Там же*. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2728. Л. 10.
- ¹⁴ *Там же*. Д. 1625. Л. 88.
- ¹⁵ См.: «Автономная Якутия» за 1923, 1927, 1929, 1931 гг.; Верхоянская школа (Летопись событий). – Якутск, 1989.
- ¹⁶ *Верхоянская школа (Летопись событий)*. – С. 5.

Голова Намского улуса

Иван Андреевич Сивцев

(По документам Национального архива РС(Я))

П.И. Корякин

Исследование истории отдельных родов, наслегов и улусов Якутии невозможно без изучения жизни и деятельности их управляющего состава. Местное начальство, от которого во многом зависели основные направления общественной и хозяйственной жизни, вносило весомый вклад в процесс развития административных единиц Якутской области. В этом отношении голова Намского улуса Сивцев Иван Андреевич, является типичным примером якутского начальника на выборной должности, отдавшего много лет жизни этой работе.

Сам, будучи сыном бывшего головы родного улуса, имея перед собой пример служения отца и некоторый первоначальный опыт начальствующей

особы, Иван Андреевич не жалел сил для достижения, как бы сейчас сказали, «карьерного роста». Но в то же время, находясь на страже интересов своего наслега, а в последующем и улуса, он никогда не забывал о чаяниях и нуждах родо-ви-чей и соплеменников.

Сведения о его семье содержатся в послужном списке кандидата головы Намского улуса и старосты Хатын-Аринского наслега Ивана Сивцева от 23 апреля 1863 г., где написано, что он женат на якутке Домне Даниловне и имеет трех сыновей: Семена, 18 лет, Николая, 13 лет и Андрея, 11 лет¹.

Если проследить его работу на разных должностях, то вырисовывается следующая картина. Два срока, т.е. с 1839 по

Петр Иванович
Корякин,

гл. архивист Национального
архива РС(Я).

© П.И. Корякин

1844 г. и с 1848 по 1849 г., по выбору общества Хатын-Аринского наслега он служил в должности старосты. Кроме этого он с 1858 по 1860 г. служил выборным при инородной управе, а с 1860 по 1862 г. кандидатом при улусном голове. С 1862 по 1868 г. был головой Намского улуса. Таким образом, общий стаж его службы на разных должностях к 1869 г. составил 17 лет.

Свидетельством ревностного исполнения Сивцевым своих служебных обязанностей являются его многочисленные награды. Вышестоящее начальство не раз отмечало хорошую работу Ивана Андреевича.

За усердную 12-летнюю службу был награжден похвальным листом от управляющего Якутской областью от 25 июня 1863 г. 16 декабря 1867 г. за двухлетнюю усердную и ревностную службу на должности головы от всех старост Намского улуса получил аттестат. 31 июня 1868 г. за постоянное усердие и ревностную службу от якутского гражданского губернатора получил похвальный лист и аттестат. 24 января 1870 г. был высочайше награжден серебряной медалью на Станиславской ленте для ношения на груди².

Несмотря на то, что в клятве «Андагар» (на якут. яз.) головы Намского улуса Ивана Сивцева и кандидатов и выборных Намского улуса при вступлении в

свои должности³ не было и слова о службе народу и простым людям, а только царю и цесаревичу, Иван Андреевич оставался верен защите интересов вверенных ему сородичей.

Находясь на ответственных постах, Иван Андреевич всегда старался помочь не только нуждающимся своим родичам, но и другим жителям Намского улуса. Так, например, будучи доверенным родича Бетюнского наслега Намского улуса Федора Федорова в 1863 г., он ездил из Бетюнского наслега в Борогонский наслег Баягантайского улуса на расстояние 420 верст для разрешения дела о недоставке мяса неким Винокуровым⁴.

В послужном списке бывшего головы Намского улуса, старосты Хатын-Аринского наслега Ивана Андреевича Сивцева от 29 марта 1869 г. написано: «Сначала поступления в должность и относя их по сие время оказывает постоянное усердие и ревность и все лежащие на обязанности его ответственности отправляет с должною рачительностью и усердием, водворяя между вверенными ему обывателями тишину и спокойствие, а также оказывает людям нисшаго класса немалое вспомоществование к продовольствию и содержанию их по возможности своей, и уплачивая за сих последних в свое время казенные сборы и отсро-

чивает до приобретения ими денег и в случае совершенной их бедности он токмо взыскивает с них дальше (т.е. откладывает на потом)»⁵.

В этом же документе про Сивцева было еще приписано: «Помогает другими средствами к поддержанию упадающих их сих, в минувшем 1873 г. своим деятельным распоряжением положил общественные запасы в экономический магазин считавшуюся при неурожайных годах всю недоимку хлеба до 47 рублей, равно и сенной запас, кроме сего, оказывает прочим инородцам пример как советами, так и энергическими действиями для блага и пользы общества. К усилению более земледельческих рук и в общественно-хозяйственной части»⁶.

Как видим, Иван Андреевич не просто исполнял должность, но и служил народу. Поэтому заслуженно 4 октября 1875 г. он вновь был избран на должность головы Намского улуса, где и прослужил еще 2 года⁷. Несмотря на трудности управления одним из самых больших по численности населения улусов того периода (17 наслегов и 1 тунгусский род),⁸ Иван Андреевич неплохо справлялся с обязанностями. По отзыву головы Намского улуса Сивцева Ивана Андреевича в Намскую инородную управу, его уволили с занимаемой должности 9 декабря 1877 г.⁹

ИСТОЧНИКИ

- ¹ Национальный архив РС(Я). Ф. 44-и. Оп. 1. Д. 389. Л. 29.
² Там же. Д. 603. Л. 8–9.
³ Там же. Д. 430. Л. 3–4.
⁴ Там же. Д. 389. Л. 33–34.

- ⁵ Там же. Д. 603. Л. 9.
⁶ Там же. Л. 10.
⁷ Там же. Д. 701. Л. 45, 45 об.
⁸ Там же. Д. 430. Л. 6 об.-8.
⁹ Там же. Д. 797. Л. 4.

Местное кустарное производство Якутии в условиях политических перемен (1917–1921 гг.)

Н.И. Бурнашева

Наталия Ивановна
Бурнашева,

д.и.н., в.н.с. сектора
истории Якутии
ИГИИПМНС СО РАН.

Со времени строительства Транссибирской железной дороги началось активное проникновение капитала и рыночных отношений в Сибирь. В этих условиях перспективы промышленного освоения богатейших природных богатств Якутии для руководства Якутской области уже не казались несбыточной мечтой. Реальные возможности в этом вопросе якутский губернатор И.И. Крафт в отчете за 1911 г. связывал, например, с изысканием и открытием «новых, удобных и дешевых путей сообщения»¹, возлагая при этом особые надежды на соединение Якутской области веткою с Амурской железной дорогой. «...Все богатства

области, как бы они ни были значительны, будут оставаться мертвым капиталом до тех пор, пока глухую безжизненную якутскую тайгу не огласит свисток паровоза»², — писал он. Переход к активной переработке природных богатств и развитию местного производства позволил бы существенно сократить ввоз уральского железа, поваренной соли из соседних губерний, западносибирских рыбных консервов и икры, «большое изобилие» которых можно было добыть и переработать на месте³. Предполагая промышленное развитие области, царское правительство не рассматривало Якутию в качестве источника сырья или дешевой

© Н.И. Бурнашева

рабочей силы, а нацеливалось, прежде всего, на постепенный переход «пребывающего теперь в застое края» к «широкому экономическому развитию», на новый уровень «культурной и экономической жизни»⁴.

Первые конкретные практические шаги, направленные на развитие кустарного производства в Якутской области, были предприняты местной властью накануне Февральской революции, когда в октябре 1916 г. при Якутском областном управлении был образован Областной кустарный комитет⁵. Согласно положениям Устава комитета, утвержденного Министерством земледелия России, попечителем данного органа являлся якутский губернатор. В состав комитета вошли А.И. Попов, Г.В. Никифоров, А.А. Семенов, В.В. Токарев, С.П. Барашков, М.И. Романов и другие известные в области лица, представлявшие городскую думу, агрономическую организацию, Якутское сельскохозяйственное общество, Мархинское кредитное общество, учительскую семинарию, лесную экспедицию и областное управление⁶. На комитет возлагались задачи поддержки и более широкого распространения на территории области различных кустарных промыслов, прежде всего, бондарных, колесных, кожевенных, скорняжных и гончарных. Главные усилия планировалось направить на совершенствование профессионального мастерства кустарей и ремесленников путем создания по-

казательных ремесленных мастерских и организации ремесленных школ. В 1917 г. Якутскому кустарному комитету Министерством земледелия была выделена субсидия в размере 17 тыс. руб.⁷ На эти средства комитетом были открыты показательные мастерские: столярная, переплетная, бондарная, а также организована ремесленная школа. Помимо этого, разрабатывался проект оборудования показательных — скорняжной, сапожной и других мастерских и кожевенного завода. Однако последовавшие вскоре революционные события не дали возможности Областному кустарному комитету развернуть работу в полном объеме.

В результате смены политической власти в стране в марте 1917 г. решение социально-экономических проблем Якутской области возложил на себя Комитет общественной безопасности (ЯКОБ). При Комитете были образованы специальные комиссии: бюро труда, продовольственная, крестьянско-инородческая и другие, усилиями которых за сравнительно короткий период времени были предприняты меры, направленные на создание благоприятных условий для развития экономики края. Большое внимание ЯКОБ уделил вопросам снабжения населения товарами и услугами, развитию торговли, организации работы мелких товаропроизводителей, ремесленников и торговцев. На заседаниях комиссий рассматривались вопросы о миниму-

ме заработка ремесленников, об оказании помощи в составлении устава кооперативно-производственной артели сапожников, о содействии открытию в г. Якутске столярной, портняжной, сапожной, шапочной, переплетной мастерских. Комитетом была оказана денежная помощь для открытия кузницы, куплены лошади для водовозного промысла, открыты парикмахерская и три пекарни⁸.

Характерной особенностью этих дней в истории Якутии стала не только экономическая, но и политическая активность населения. Впервые в этот период средние городские слои сумели объединиться, обрели ценнейший опыт организации и сплочения сил в борьбе за свои права. Революционные события марта 1917 г. в Якутии послужили толчком к появлению профессиональных и производственных объединений трудящихся: союзов, артелей и товариществ. В союзы объединились столяры, плотники, каменщики, печники, штукатуры. В союз разночинцев вошли шорники, портные, колбасники, парикмахеры. ЯКОБ предоставил действующим союзам денежную помощь, способствовал организации новых союзов, помогал в разработке их уставов⁹.

Политические силы, сменявшие друг друга в течение последующих двух с половиной лет (с лета 1917 г. по декабрь 1919 г.), не смогли не только продолжить прогрес-

сивные преобразования, начатые ЯКОБ, но и противостоять усиливающемуся процессу падения экономики. Постепенное разрушение налаженных веками торговых связей, резкое сокращение количества ввозимых товаров привели якутскую экономику к кризису. В этих условиях многие вопросы, связанные с решением экономических проблем области, взял на себя образованный в декабре 1918 г. союз кооперативов «Холбос». С первых дней существования он поставил перед собой задачу — создать сеть промышленных производств. Союз кооперативов планировал добычу, переработку недровых богатств края, а также производство товаров широкого потребления из местного сырья. Финансовую основу осуществления таких планов предполагалось создать путем организации специального фонда. В августе 1919 г. на одном из заседаний областного союза кооперативов был решен вопрос об обложении товаров, проходящих через союз «Холбос», специальным 5-процентным отчислением в фонд кооперативной промышленности¹⁰.

Согласно документам, которые приводит в своей работе известный якутский историк В.И. Федоров, в 1919 г. одной из главных задач, стоящих перед Якутским областным земством, была организация предприятий местной добывающей и обрабатывающей промышленности¹¹. В связи с этим в интересах развития промыш-

ленности на территории области якутские кооператоры в этом вопросе стремились объединить свои усилия с земскими органами. На заседании Якутского уездного земского собрания от 4 декабря 1919 г. был заслушан доклад специальной комиссии по разработке вопросов развития и организации промышленности в крае. Обсудив доклад, собрание приняло постановление о создании земско-кооперативного промышленного предприятия на акционерных началах¹². Позднее, в ходе обсуждения данного вопроса на съезде уполномоченных союза кооперативов «Холбос», председатель правления К.О. Гаврилов отметил: «В настоящее время вся сибирская кооперация обратила внимание на промышленность. Желательно и нам стать на путь организации местной промышленности»¹³.

Смена политической обстановки, которая привела к окончательному установлению советской власти в Якутии, не прервала планы союза «Холбос» по созданию кооперативных кустарных производств. В первые месяцы 1920 г. в аппарате союза кооперативов «Холбос» был образован промышленный отдел, нацеленный на создание производств по переработке природных и сырьевых богатств края для удовлетворения потребностей населения. Реальным результатом его деятельности стало открытие в марте 1920 г. мыловаренного и кожевенного заводов. Мощ-

ность их была сравнительно небольшой. В первый год работы мыловаренный завод выпускал 5 пудов мыла в день, кожевенный завод — по 150 шт. кож в месяц. Постепенно производство налаживалось. За период с сентября 1921 г. по сентябрь 1922 г. мыловаренный завод выпустил уже 2273 пуда мыла на сумму 54612 руб. 50 коп., получив при этом прибыль в 30212 руб. 39 коп.¹⁴

Помимо кожевенного и мыловаренного производств, союз кооперативов «Холбос» имел слесарно-кузнечную, столярную, пимокатную мастерские и мукомольную мельницу. На количестве и качестве выпускаемой продукции остро сказывалась нехватка специалистов, оборудования, сырья, непригодность производственных помещений. Несмотря на это, союз «Холбос» планировал расширение действующих промышленных производств и существенное увеличение выпускаемой продукции для населения. В перспективе союз видел для себя большие возможности в развитии кооперативной промышленности в крае. Предполагалось, в частности, начать работу по эксплуатации Кемпендяйских соляных источников, переданных союзу «Холбос» Якутским райСНХ в аренду с условием оборудования путей для перевозки соли от источника к пристаням. В ближайших планах союза было также налаживание в Якутии производства стекла, добычи железа на р. Буотаме¹⁵. Для ор-

ганизации рыбного дела велась регистрация рыбопромышленников и их артелей¹⁶.

Однако в конце 1922 г. функции промышленного отдела союза кооперативов «Холбос» были значительно урезаны, ликвидирован фонд промышленности, отдел лишился права формировать собственные ресурсы и проводить заготовительную работу¹⁷. Такое отношение было продиктовано стремлением руководства республики сконцентрировать деятельность союза «Холбос» исключительно на развитии кооперативной торговли. В результате такой политики кооперативная промышленность в республике в течение 1924 г. была фактически свернута¹⁸.

Наряду с кооперативной промышленностью, с лета 1920 г. в Якутии складывалась сеть государственных промышленных производств. Работу по их организации советская власть возложила на Якутский совет народного хозяйства, образованный в июне 1920 г.¹⁹ Первые два месяца он действовал как районный, подчиненный Иркутскому СНХ²⁰. Якутский райСНХ был создан для решения двух главных задач: во-первых, для создания собственной промышленности, имеющей целью использование преобладающего в области сырья, главным образом, животного происхождения; и во-вторых, для поддержания и развития кустарной промышленности. Для исполнения поставленных задач в райСНХ был создан кустарно-кооперативный отдел, который возглавил Л.И. Гройс-

ман²¹. С целью расширения полномочий отдела по организации промышленного производства в Якутской губернии в июле 1920 г. кустарно-кооперативный отдел был преобразован в кустарно-кооперативно-промышленный отдел. В ведение отдела были переданы электрическая станция, мельницы и лесопилки, расположенные в г. Якутске и его пригородах, а также материалы и оборудование Якутского кустарного комитета. В июле того же года в райСНХ рассматривался вопрос о передаче под контроль государства свинцового предприятия А.А. Семенова. Отдел планировал в ближайшем будущем наладить производство огнеупорного кирпича. Одновременно велась активная подготовка к открытию кожевенного завода с объемом выработки в 11 тыс. штук кожи в год²². Завод приступил к выпуску продукции 1 ноября 1920 г. и действовал до 1922 г.²³

По итогам первых трех месяцев деятельности отдела местное кустарное производство в крае заметно оживилось. Были оборудованы и приступили к работе столярная, слесарная, сельскохозяйственная (агрономическая) и механическо-обувная мастерские, пимокатное и кошмокатное предприятия; налаживался выпуск колбасной продукции; оборудовалась консервно-копильная мастерская; начался капитальный ремонт лесопильной мастерской. Продукция, выпускаемая производственными мастерскими, направлялась на удовлетворение потребности населения и

армии. В сравнительно короткие сроки на предприятиях губСНХ было налажено производство разнообразной обуви: сапог, ботинок, ичиг, валенок; верхней одежды: брюк, шуб, шапок и рукавиц из оленьего, беличьего, заячьего меха; постельных принадлежностей: матрацев, одеял, подушек; предметов мебели для госучреждений. Механическая слесарная мастерская, где трудилось 24 человека, выпускала различные инструменты, ремонтировала земледельческие орудия, исполняла военные заказы²⁴. Вместе с тем, развитие производства наталкивалось на ряд трудностей. Главным сдерживающим фактором являлся недостаток профессиональных кадров: инженеров, техников, опытных мастеров и организаторов производства.

В ноябре 1920 г. часть функций кустарно-кооперативно-промышленного отдела была передана горно-химическому отделу Якутского губСНХ. Возглавил его инженер И.Я. Кикас, приглашенный по договору из Иркутска. Работа отдела была нацелена на проведение геологоразведочных изысканий и организацию горно-добывающих предприятий, прежде всего по добыче железной руды²⁵. В ведение отдела перешли Горное предприятие А.А. Семенова, кожевенный завод губСНХ, скорняжная и пимокатная мастерские²⁶. На подведомственных отделу предприятиях трудилось до двухсот человек. Из них самыми крупными по численности рабочих были следующие: кожевенный

завод, на котором работали 52 человека, скорняжная мастерская — 64 человека, свинцовые рудники — 31 человек²⁷.

В январе 1921 г. в результате преобразования отделов Якутского губСНХ при нем были созданы губмех, губметалл и губкустпром. В целом, структура управления промышленностью все более усложнялась и корректировалась, все чаще подвергалась изменению функций и реорганизациям, ужесточая, в конечном счете, государственный контроль над промышленным производством.

Еще одно направление кустарного производства в 1920-е гг., помимо кооперативного и государственного, было представлено частным сектором. Традиционно значительная доля продукции кустарного производства, необходимая для удовлетворения нужд населения, производилась на территории Якутии. В дореволюционный период ежегодный ввоз и вывоз до 1 млн пудов грузов, рыболовный промысел и другие хозяйственные занятия населения Якутской области, за незначительным исключением, обеспечивались изделиями местного кустарного производства: телегами, санями, сбруей, бондарными изделиями, дегтем, смолой, кожей и прочим²⁸.

Определить общую численность лиц, занятых промыслами и ремеслом в Якутии в начале 1920-х годов, не представлялось возможным. Согласно сведениям, поступавшим в губкустпром, по волостям Якутского и Вилюйского уездов в

1921 г. было зарегистрировано 522 кустаря, из них в восьми волостях Якутского уезда — 142, в пяти волостях Вилюйского уезда — 380. Но данные эти, по всей видимости, являлись недостаточно полными. Так, например, в Мегинской волости Якутского уезда, известной развитыми, разнообразными кустарными промыслами и ремеслом, было зарегистрировано только 22 бондаря, в Нерюктяйской волости — 1 слесарь и 1 красильщик, в Баягантайской волости — лишь 17 кузнецов²⁹. В г. Якутске по состоянию на 1 августа 1920 г. действовали 28 частных ремесленных заведений. Среди них 7 сапожных, 5 столярных, 3 слесарных, 2 портняжные мастерские, 3 кузницы, 2 парикмахерских³⁰.

Развитие промыслов и ремесел сдерживалось сложной экономической и политической ситуацией, сложившейся в результате политики военного коммунизма. Чрезвычайно повысился спрос на товары первой необходимости из местного сырья в начале 1920-х гг., когда ввоз промышленных товаров из Центральной России и Сибири почти полностью прекратился. В это время произошло значительное ужесточение политики в отношении негосударственных форм собственности. В условиях хозяйственной разрухи, вызванной повстанчеством и Гражданской войной, кустарно-ремесленное производство утратило связь с рынком и полностью переключилось на выполнение заданий государственных органов. Кустари и их объединения долж-

ны были принимать обязательные для выполнения заказы от кустпромов и сдавать им свою продукцию. В августе 1921 г. кустарями, заключившими договор с губкустпромом, было изготовлено 140 телег, 300 тыс. шт. кирпича, 1500 ножей для чистки рыбы, 700 шт. дымленной кожи, 600 шт. глиняной посуды и эмалированных чашек, свыше 100 комплектов сбруи, 200 шт. дровней, 300 пудов дегтя, около 150 шт. бондарных изделий³¹. Работы оплачивались по расценкам, установленным калькуляционной комиссией губкустпрома. Для оплаты работы кустарей в августе 1921 г. губпродком было предложено выделить 18456 руб., причем 50% назначенной суммы — мануфактурой, остальное — чаем и табаком³².

Новая экономическая политика открыла возможность для свободного развития всех форм хозяйствования. В этот период особое значение в деле насыщения товарного рынка изделиями народного потребления приобрела кустарная промышленность. Новая экономическая политика сняла многие ограничения на развитие кустарной промышленности, предоставив ей возможность свободного развития. По данным переписи ЦСУ, количество кустарей в Якутской АССР составляло в 1925 г. — 1425, в 1926 г. — 1688, т.е. только за год рост составил 15,6%³³.

Таким образом, в 1917 г. под напором революционных событий и кардинальных перемен в политической жизни российского общества завершился

естественный ход развития хозяйства Якутской области. С этого времени в течение пяти лет продолжался период, когда еще не наступило время жесткого государственного диктата над экономикой, еще не подверглось идеологической обработке движение общества к прогрессу. Однако нарушение прежних хозяйственных и торговых связей и все более углубляющийся экономический кризис крайне обо-

стрили вопрос о мобилизации внутренних сил региона и быстром налаживании производства необходимых для населения изделий из местного сырья. Это был по своему уникальный в истории Якутии период, когда получили возможность свободно развиваться разные формы собственности, когда ради интересов людей и общих экономических целей смогли объединить свои усилия представители раз-

ных политических сил. В этих условиях в Якутии шло формирование трех видов кустарного производства: государственного, кооперативного и частного. Опыт такого сосуществования послужил необходимой ступенью к будущему быстрому росту производства в годы нэпа и стал основой для становления местной промышленности Якутии.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- ¹ *История Якутии в отчетах якутских губернаторов.* — Якутск: Бичик, 2007. — С. 94.
- ² *Там же.* — С. 127.
- ³ *Там же.* — С. 85.
- ⁴ *Там же.* — С. 84–85.
- ⁵ *Якутское хозяйство.* — 1916, — № 2. С. 15; Якутия. Хроника. Факты. События. 1632–1917 гг. — С. 401–402.
- ⁶ *Якутские вопросы.* 1916. 8, 21 окт., 3 нояб.
- ⁷ *НА РС(Я).* Ф. 49. Оп. 1. Д. 299. Л. 62.
- ⁸ *Борьба за установление и упрочение Советской власти в Якутии.* Ч. 1. Кн. 1. — Якутск: Кн. изд-во, 1957. — С. 43–44; *Макаров Г.Г.* Октябрь в Якутии. Ч. 1. — Якутск: Кн. изд-во, 1979. — С. 222.
- ⁹ *Борьба за установление и упрочение Советской власти в Якутии.* Ч. 1. Кн. 1. С. — 53.
- ¹⁰ *НА РС(Я).* Ф. 286. Оп. 10. Д. 3. Л. 10 об.
- ¹¹ *Федоров В.И.* Якутия в эпоху войн и революций (1917–1919). Кн. 2-я. — Новосибирск: Академическое изд-во “Гео”, 2010. — С. 255.
- ¹² *НА РС(Я).* Ф. 24. Оп. 1. Д. 63. Л. 1.
- ¹³ *Там же.* Ф. 286. Оп. 10. Д. 5. Л. 144.
- ¹⁴ *Там же.* Д. 41. Л. 14.
- ¹⁵ *Там же.* Ф. 51. Оп. 1. Д. 18. Л. 53 об.; Ф. 286. Оп. 10. Д. 3. Л. 10 об.; Ф. 286. Оп. 16. Д. 84. Л. 169.
- ¹⁶ *Там же.* Ф. 286. Оп. 16. Д. 122. Л. 1.
- ¹⁷ *Там же.* Оп. 10. Д. 50. Л. 61.
- ¹⁸ *Там же.* Д. 74. Л. 20, 40.
- ¹⁹ *Хатылаев М.М.* Промышленное освоение Якутии: от истоков до 1946 г. — Якутск: Изд-во «Сфера», 2010. С. 36–37.
- ²⁰ *НА РС(Я).* Ф. 51. Оп. 1. Д. 30. Л. 1.
- ²¹ *Там же.* Д. 18. Л. 2.
- ²² *Там же.* Л. 2, 3, 10, 18, 19, 24, 30.
- ²³ *Там же.* Д. 34. Л. 5; Ф. 286. Оп. 10. Д. 41. Л. 12.
- ²⁴ *Там же.* Д. 18. Л. 63.
- ²⁵ *Там же.* Д. 34. Л. 1.
- ²⁶ *Там же.* Д. 18. Л. 86.
- ²⁷ *Там же.* Д. 34. Л. 3.
- ²⁸ *Там же.* Ф. 49. Оп. 1. Д. 299. Л. 62.
- ²⁹ *Архив ЯНЦ.* Ф. 5. Оп. 1. Д. 467. Л. 210.
- ³⁰ *Борьба за установление и упрочение Советской власти в Якутии.* Ч. 2. Кн.1. — Якутск: Кн. изд-во, 1961. — С. 30–32.
- ³¹ *НА РС(Я).* Ф. 51. Оп. 1. Д. 115. Л. 14.
- ³² *Ленский коммунары.* — 1921. — 23 авг.
- ³³ *Кустарная промышленность и промысловая кооперация в национальных республиках и областях СССР / Под ред. А.М. Енбаева.* — М.: Изд. Всесоюзного, 1928. — С. 15.

А.Н. Маслова — бессменный научный
редактор «Библиография Якутии»
Н.Н. Грибановского

Н.А. Ханды

Надежда Александровна
Ханды,

завсектором
«Библиография Якутии»
Н.Н. Грибановского, засл.
работник культуры РС(Я).

В октябре 2013 г. исполнилось бы 80 лет бессменному научному редактору последних четырех выпусков фундаментального труда Н.Н. Грибановского «Библиография Якутии» Александре Николаевне Масловой (1933–2011).

Автор более 350 научных публикаций по библиотековедению, библиографии и книговедению А.Н. Маслова внесла значительный вклад в развитие теории и методики краеведческой библиографии. Результаты ее научных исследований по изучению проблем обеспечения специалистов и научных работников краевед-

ческой библиографией сложились в концепцию развития региональной библиографии. Ее научные статьи, аналитические обзоры и рецензии на краеведческие библиографические работы библиотек имеют важное методологическое значение не только для специалистов библиотечного и книжного дела, но и для историков и исследователей. Большое внимание А.Н. Маслова уделяла редактированию научных и библиографических работ региональных библиотек.

Получение статуса Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия) положило на-

© Н.А. Ханды

чало новому этапу в развитии республиканской научной библиотеки им. А.С. Пушкина. Как известно, краеведческие издания имеют исключительно важное гуманитарное значение. Подготовка к изданию оставшихся неизданных томов 10-томной «Библиографии Якутии» Н.Н. Грибановского (1880–1942), охватывающей все стороны жизни Якутии с середины XVII века по 1931 г. стала предметом особого внимания Национальной библиотеки. Александра Николаевна многие годы помогала работникам библиотеки в подготовке к изданию ретроспективного указателя.

Продолжая традицию сотрудничества Н.Н. Грибановского с центральными библиотеками, наша библиотека с 1991 г. наладила связь с Александрой Николаевной Масловой, которая издавна занималась историей сибирской библиографии и анализировала состояние системы краеведческих библиографических пособий в Российской Федерации. При ее непосредственном участии, под ее научным редакторством в 1995 г. увидела свет четвертая часть указателя — «Здравоохранение» (Якутск), включающая 1951 библиографическую запись.

При работе библиографы-составители столкнулись с трудностями методического характера. Уже в ходе работы над этим выпуском А.Н. Маслова выработала основную методику реконструкции ретроспек-

тивных краеведческих указателей подобного типа.

Выход указателя после долгого, тридцатилетнего перерыва стал крупным событием в истории республики. Издание было подготовлено сотрудниками библиографического отдела Национальной библиотеки РС(Я) В.П. Бурцевой и Л.И. Нератовой¹.

Тогда же, к окончанию работы над этим выпуском, Александра Николаевна загорелась идеей незамедлительно приступить к подготовке последующих частей указателя. «Если будете дальше делать другие части, надо бы заранее работать вместе (если, конечно Вам нужна моя помощь, пока я работоспособна). Я теперь «собаку съела» в Грибановском и знаю, как к этой работе подступиться» — написала она в письме Л.И. Нератовой в 1995 г. Затем, на протяжении последующих десяти лет, продолжалась работа по реконструкции библиографического наследия Н. Н. Грибановского.

С 2004 г. библиотека продолжила тесное сотрудничество со специалистами Российской национальной библиотеки. По просьбе Александры Николаевны в качестве библиографического редактора к работе подключилась заведующая группой краеведческой библиографии РНБ Людмила Сергеевна Николаева. «Многолетний опыт редактирования «Библиографии Якутии» подсказывает, что библиотека, принимаясь за восстановление

и подготовку публикации того или иного библиографического труда должна решить для себя следующие вопросы: актуальность указателя и наличие информационных потребностей — обычно они не вызывают сомнений; необходимый уровень квалификации библиографов; возможность использования справочного аппарата и фондов центральных библиотек — как правило, именно сочетание работы на местах и в центре способствует преодолению сложностей, связанных с доступностью источников, с разным уровнем библиографического опыта и библиографической культуры» — писала А.Н. Маслова².

И действительно, знание краеведческого материала и опыт библиографов, подключенных к работе с 2004 г., ускорили реконструкцию «Библиографии Якутии». Таким образом, в 2006 г. издана пятая часть указателя «Этнография. Антропология. Фольклор...» объемом 11, 7 усл. п. л. (сост.: Н.А. Ханды, Т.П. Елисеева, Г.С. Родионова, Т.Л. Семенова)³, в 2008 г. — шестая часть «Археология. История» (сост.: Н.А. Ханды, Т.П. Елисеева, Г.С. Родионова)⁴. В 2011 г. увидела свет седьмая часть указателя «Языкознание. Художественная литература. Искусство...» (сост.: Н.А. Ханды, Г.С. Родионова, при участии Л. С. Николаевой). Объем ее составляет 16, 9 усл. п. л.⁵

Неизданные части указателя нуждались в существенном вос-

полнении материала, что требовало огромных усилий от составителей, необходимых знаний по истории Якутии и глубокого научно-исследовательского подхода. Работа помимо широкой эрудиции требовала углубленного знания истории книжного дела и соответствующей отрасли науки. И в этом, несомненно, огромная заслуга, неоценимая профессиональная и практическая помощь таких высокопрофессиональных специалистов, как А.Н. Маслова и Л.С. Николаева.

По настоянию редакторов составители начинали работу с детального ознакомления с темой и с историей создания указателя, со всеми сохранившимися документами. Рукописи требовали серьезной вдумчивой работы и нуждались в значительном редактировании по исправлению многих неточностей. Сложность реконструкции заключалась в том, что оставшиеся неизданными части указателя сохранились в неполном виде. Из-за существенной утраты выявленного Грибановским материала составителям пришлось в определенной степени повторить работу автора.

Был обследован целый ряд дореволюционных библиографических указателей. При непосредственном участии редакторов на базе фондов Российской национальной библиотеки и библиотеки Российской Академии наук (Санкт-Петербург) была просмотрена de visu более половины мате-

А.И. Маслова (стоит) и Л.С. Николаева

риала выпусков указателя. В результате чего в настоящие указатели включен большой массив не учтенных ранее публикаций. Значительная часть материала, в основном из местной периодики, была заново проаннотирована. Александра Николаевна особое внимание обращала на классификационную схему изданий. Удачным решением стало расположение материала по хронологии. В каждый выпуск вводились новые рубрики с использованием современных формулировок.

Фактическое руководство работой группы составителей такого профессионала своего дела, как Александра Николаевна Маслова, обеспечило высокое качество подготовки выпусков к изданию. Сохраняя основные методические принципы и подходы Грибановского, касающиеся отбора материала, систематизации, состава вспомогательного аппарата по-

лучили полноценные библиографические пособия, полезные современному потребителю. Благодаря научной редакторской работе Н.А. Масловой над выпусками «Библиографии Якутии» в истории национальных республик было впервые достигнуто понимание стиля, особенностей и методики реконструкции универсального ретроспективного краеведческого указателя.

В ходе работы Александра Николаевна заражала нас своей поразительной работоспособностью, желанием досконально разобраться и довести до конца начатую работу. Жесткая требовательность, строгость суждений ее сочеталась с доброжелательностью. Ее предельная заинтересованность в работе, вера в важность и нужность ретроспективного пособия подобного типа вдохновляла наше желание, как составителей, увидеть результат своего труда. А

как она искренне радовалась каждый раз, когда держала в руках очередной том, вышедший из печати! Существенная практическая и консультативная помощь Александры Николаевны нацеливала составителей на серьезное отношение к изданию этого историко-культурного пособия. Как отмечают исследователи, содержание и структура частей «Библиографии Якутии» отражают уровень отечественной науки и мировоззрение общества с середины XVIII в. и первой четверти XX столетия.

Несмотря на тяжелую болезнь, Александра Николаевна до последнего оставалась в строю. Досконально, можно сказать, почти до готовности отредактировала очень сложную седьмую часть «Языкознание. Художественная литература. Искусство. Физкультура и спорт. Печать. Издательское дело». После нее в 2011 г. на-

учное редактирование рукописи стала вести старший научный сотрудник группы литературной библиографии Мария Александровна Бенина.

«Как много потеряли целые поколения читателей в советское время, не имея возможности ознакомиться с работой Н.Н. Грибановского. В угоду господствующей политике были преданы забвению достижения ученых дореволюционного времени, отброшен вековой опыт накопления гуманитарных знаний о Якутии» — считает доктор исторических наук А.А. Борисов. Появление изданных томов Н.Н. Грибановского явилось крупным событием в истории библиографии республики. Несомненно, со временем они превратятся в памятники духовной культуры и станут информационной базой для изучения национальной культуры, истории, науки. Благодаря поистине подвижниче-

скому труду Александры Николаевны теперь целые поколения читателей имеют возможность пользоваться этим ценным источником.

Для нас, библиографов-краеведов Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия), библиографовед Александра Николаевна Маслова всегда была и останется крупным исследователем истории Сибири и Дальнего Востока. Яркая личность с активной жизненной позицией и широкой эрудицией, посвятившая всю свою жизнь делу развития науки и культуры, она внесла большой вклад в краеведческую библиографию Республики Саха (Якутия). То, что создано за полвека заслуженным работником культуры Александрой Николаевной Масловой, ее богатое научное наследие еще долго будет служить специалистам библиотечного дела.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Грибановский Н.Н. Библиография Якутии. Ч. 4: Здравоохранение. — Якутск, 1995.

² Библиография. — 2009. — № 6. — С. 94–97.

³ Грибановский Н.Н. Библиография Якутии. Ч. 5: Этнография. Антропология. Фольклор. Религиозные верования и поверья. Христианская церковь и миссионерство. — Якутск, 2006.

⁴ Грибановский Н.Н. Библиография Якутии. Ч. 6: Археология. История. — Якутск, 2008.

⁵ Грибановский Н.Н. Библиография Якутии. Ч. 7: Языкознание. Художественная литература. Искусство. Физкультура и спорт. Печать. Издательское дело. — Якутск, 2011.

Картина «Моление о чаше»: кто автор, где находится её оригинал?

Л.С. Попова

С таким вопросом к нам 7 мая 2005 г. обратился неведомый нам Олег из Германии. Он писал, что в его семье имеется подобная картина, оставленная в наследство его прадедом и что она очень схожа с копией, которую написал И.В. Попов. Далее он спрашивает, мог ли Иван Васильевич написать не одну копию, а скажем две и более? Так как картина не подписана, он не может установить копия ли это или оригинал?

Жаль, что Олег не отправил изображения своей картины, которую можно было бы сравнить с копией, сделанной И.В. Поповым (1874–1945). В его бытность библейские сю-

жеты в картинах на заданную тему и копии с картин известных мастеров часто писались учащимися художественных и иконописных учебных заведений и зачастую ими не подписывались, как оказалось в данном конкретном случае.

Если И.В. Попов в одной из двух копий с картины Карла Дольчи «Святая Цецилия» чётко обозначил, что копия им сделана в 1906 г. и справа внизу оставил подпись-монограмму «И.П.», то в копии картины «Моление о чаше» в настоящее время не прослеживается автографа художника. Это, впрочем, можно отметить и во многих других его работах, как графических, акварельных, фото-

Люция Саввична
Попова,

краевед.

© Л.С. Попова

Копия И.В. Попова с картины «Моление о чаше»

графических, так и живописных, что после его смерти создаёт определённые трудности в их идентификации.

Вопрос Олега пробудил в нас сомнение, заставил задуматься и заняться изучением иконописного наследия художника Н.Н. Ге (1831–1894), так как именно его имя было указано как автора этой картины, а также искать место нахождения её оригинала. С работой И.В. Попова Олег, по всей вероятности, был ознакомлен по книгам — альбомам «Народный

художник Иван Васильевич Попов» и «Основоположник изобразительного искусства Якутии Иван Васильевич Попов», журналу «Якутский архив» и другим печатным изданиям через Катерину Потапову. Она родом из Таттинского улуса — родины художника И.В. Попова и народного писателя Дмитрия Кононовича Сивцева—Суорун Омолюона, автора книг. Катерина, одна из лучших учениц замечательного знатока немецкой филологии Варвары Николаевны Сысоля-

тиной, уже много лет живёт и работает в Германии. Она, как и многие выходцы из Якутии, оказавшиеся вдали от родины, проявляет глубокий интерес к её исконной культуре, к богатому этнографическому и художественному наследию народного художника Якутии И.В. Попова, наиболее полно, достоверно и наглядно отвечающему на вопросы, связанные с материальной и духовной культурой якутского народа.

Катерина проделала очень большую, кропотливую, совершенно бескорыстную работу по изучению художественно-этнографического наследия И.В. Попова в музеях Германии, Франции, Бельгии. Очень жаль, что мы не смогли услышать её доклад об этом на научной конференции, посвящённой 130-летию художника, состоявшейся в 2004 г. в городе Якутске. Мы не услышали также докладов Яны Турза, автора кандидатской диссертации «Материальная культура якутов» по собранию Александра и Юлиуса Хойса в Музее Линдена в Штутгарте — 1976 г. и Уллы Йохансен, автора диссертации «Орнаментика якутов» на материале Гамбургского музея — 1954 г., которых разыскала в Германии и познакомила с нами именно Катерина Потапова, с чего началась переписка и идея перевода их трудов.

Повторно связаться с Олегом и Катериной нам не удалось, да и быстрого и точного ответа в тот момент мы дать не могли.

Начались поиски истины.

Во-первых, мы просмотрели все доступные нам отечественные журналы, иллюстрированные издания из стен Русского музея, Эрмитажа, Третьяковской галереи и других; специальную литературу о жизни и творчестве Ге, включая Альбом художественных произведений Николая Николаевича Ге (Издание Н.Н. Ге, М., СПб., 1903) из личной библиотеки И.В. Попова, который при расформировании Ытык-Кельского краеведческого музея, попал с работами художника в Якутский музей изобразительных искусств. В Альбоме отражено много работ на библейские сюжеты, в том числе два рисунка к картине «Христос в Гефсиманском саду» (1869), но совершенно не похожие на копию Попова. В каталогах работ Н.Н. Ге, в том числе Каталоге с выставки в Киевском государственном музее русского искусства 1958 г. под редакцией О.И. Малащенко не оказалось подобной данной копии картины. В монографии В.Порудоминского «Николай Ге» (М., 1970)¹, Альбомах Н.Ю. Зограф² и А.Г. Верещагиной³, посвящённых творчеству Ге, приведена репродукция с живописной работы художника «В Гефсиманском саду» (1869), находящейся в Государственной Третьяковской галерее. К сожалению, она также не имеет сходства с копией И.В. Попова, чего мы не можем сказать о копии, сделанной художником с другой работы Н.Н. Ге, на-

зываемой «Что есть истина?» Христос и Пилат, которая периодически экспонируется в Якутском национальном художественном музее.

И.В. Попов, выросшему в потомственной православной семье, глубоко верующему христианину, были присущи принципы высшей справедливости и сострадания, его жизненная позиция была созвучна с мироощущением и нравственными идеалами Н.Н. Ге, великого художника-реалиста. Иван Васильевич неоднократно обращался к творчеству Ге, известна другая копия работы любимого художника — «Иуда. Угрызение совести», подаренная им брату Иннокентию Васильевичу⁴.

Во-вторых, изучив литературные и архивные источники, мы обратились к искусствоведом, а также к сотрудникам Третьяковской галереи и Русского музея, предъявив им фоторепродукции живописной работы «Моление о чаше», представленной в книгах Д.К. Сивцева—Суорун Омоллоона с просьбой о содействии в нахождении оригинала. Оказалось, что в фондах названных музеев такой работы нет.

В-третьих, к поискам привлекли своих знакомых и родных. Особенно много поработал в этом направлении Б.Ю. Попов — внук Пантелеймона Васильевича, брата И.В. Попова. Он посетил Третьяковскую галерею, другие музеи и многие храмы города Москвы, выслал несколько фоторепродукций картин некоторых ху-

дожников, включая В. Маковского и В.П. Верещагина с сюжетами на заданную тему. Но, увы! Всё — не то.

И.В. Попов прожил нелёгкую жизнь на рубеже XIX—XX столетий, отмеченном крупными трагическими отечественными и мировыми событиями. Но жизненные невзгоды и лишения не затмили в нём любовь и преданность интересам простых людей. Весь свой талант и творчество он посвятил изучению, сохранению и пропаганде самобытной культуры и просвещению аборигенов края. Художник много лет, начиная с 1891 г., работал учителем сельских школ⁵. Он искренне верил в светлое будущее. Остро воспринимая боль и страдание угнетённого народа, художник восклицал: «Побольше сюда света, свет разгонит тьму! Свет — народное просвещение!»⁶.

О чём думал, что чувствовал безнадежно больной умирающий художник, оставляя своему малолетнему сыну Ване «Моление о чаше»?..

Кто автор картины? Где находится оригинал? Это для нас оставалось тайной. И вот, наконец, в день Рождества Христова начавшегося 2013 г. внук художника В.И. Попов совершенно случайно обнаружил в русскоязычной свободной энциклопедии статью о выдающемся немецком художнике XIX в. Генрихе Фердинанде Гофмане (Heinrich Ferdinand Hofmann, 1824–1911), который в 1890 г. написал картину под

Открытка

названием «Христос в Гефсиманском саду». В сообщении отмечается, что эта картина является самым известным и часто копируемым произведением художника. Она находится в Риверсайдской церкви (Riverside church) города Нью-Йорка, куда она была подарена Джоном Д. Рокфеллером-младшим вместе с двумя другими картинами Г. Гофмана. К статье

прилагается изображение самой картины, надо сказать, не отчётливой видимости, а также изображение открытки в цвете с репродукцией картины «Прощение о чаше», весьма схожей с работой И.В. Попова. О ней автор статьи отзывается как о несколько вольной копии⁷.

Где же мог увидеть и сделать копию якутский художник И.В. Попов в начале XX в.?

Возможно даже при жизни автора.

Может, это было в Петрограде или в Москве, куда 17 июля 1902 г. он был командирован для изучения церковной живописи⁸. Или позже, в Дрездене, Мюнхене или другом немецком городе, где он бывал во время обучения в мастерской В.Е. Маковского?

Опять-таки копии И.В. Попова отличались удивительной точностью. Поэтому для дальнейшего уточнения нам необходима качественная фоторепродукция оригинала картины и открытки, приведённой в статье. Когда эта открытка была сделана, кем и где? Почему она имеет надпись также на русском языке? Может, она напечатана в фирме «Шерер и Набгольд», где в своё время печатал свои известные открытки И.В. Попов?

Только благодаря тому, что народный писатель Якутии Д.К. Сивцев-Суорун Омоллоон, равнодушный к судьбе и художественному творчеству Ивана Васильевича Попова, по собственной инициативе опубликовал два альбома работ художника, через много лет мы сумели установить, что автором данной работы не является Н.Н. Ге, что такой картины не было и нет в Русском музее, появилась надежда найти подлинник картины и узнать её автора.

Недаром, Суорун Омоллоон в своих многочисленных выступлениях, публикациях постоянно подчёркивал, что много-

гранная деятельность И.В. Попова, первого якутского художника, иконописца, фольклориста, этнографа, археолога, коллекционера, фотомастера конца XIX и первой половины XX столетия, требует глубокого научного монографического исследования⁹.

К сожалению, до настоящего времени нет полного каталога работ первого якутского художника. Между тем нередко появляются в печати работы

И.В. Попова без указания авторства или под другим именем, имеет место утрата работ. Кто и когда должен заняться вопросами атрибуции, упорядочения и профессионального изучения этого невосполнимого научно-художественного наследия художника — бесценного достояния всей республики и якутского народа, правдиво и полно отразившего его древнюю самобытную культуру?

«Любовь к истине — это

наиболее благоприятное условие для нахождения её» — считал выдающийся французский литератор и философ эпохи Просвещения Гельвеций (1715–1771). Оказалось, что именно таким чувством обладает наш современник Олег из далёкой Германии, который преподал нам ценный урок. За что мы выражаем ему нашу глубокую признательность, уважение и благодарность.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

¹ Порудоминский В. Николай Ге. — М., 1970.

² Зограф Н.Ю. Николай Ге. — М.: Изобразительное искусство, 1974. — Рис. 72.

³ Верещагина А.Г. Николай Николаевич Ге. — Л.: Художник РСФСР. — 1988. — Рис. 42.

⁴ НА РС(Я). Ф. 1006. Оп. 1. Д.163. Л. 42.

⁵ НА РС(Я). Ф. 226-и. Оп. 2. Д. 8412. Л. 2.

⁶ Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 523. Л. 19.

⁷ http://de.wikipedia.org/wiki/Heinrich_Ferdinand_Hofmann

⁸ НА РС(Я). Ф. 226-и. Оп. 2. Д. 8412. Л. 2.

⁹ Народный художник Иван Васильевич Попов (к 120-летию со дня рождения) / Автор-составитель Д.К. Сивцев-Суорун Омоллоон. — Якутск: Бичик, 1995.

«Мною исследована история развития якутского языка до наших дней»

(К 120-летию П.А. Ойунского)

Главным делом жизни для П.А.Ойунского¹ было «создание у якутов государственности в форме автономной республики», на это он направлял « всю свою практическую энергию »².

Характерной чертой его личности была «целеустремлённость»³. Это свойство П.А. Ойунского позволяет рассматривать в контексте его усилий по развитию национального самосознания, становлению и укреплению государственности у якутов не только непосредственно государственную деятельность П.А. Ойунского, но и его занятия литературой и наукой, в частности лингвистикой, состоящие в обогащении якутского литературного языка и расширении области его применения.

В 1931 г. П.А. Ойунский уезжает в Москву и поступает в Научно-исследовательский институт народов Советского Востока при ЦИК СССР, переименованный в 1933 г. в Научно-исследовательский институт национальностей СССР при ЦИК СССР. П.А. Ойунский вместе с семьёй обосновался в здании представительства Якутской АССР при ВЦИК (Садово-Спасская, д. 16).

Ритм жизни большого города, пронизанного волнующими и одновременно вдохновляющими звуками неустанной работы, созидания хорошо передан в стихотворении П.А. Ойунского «Москва», датированном 15 декабря 1933 г. В этом городе, в этом ритме П.А. Ойунскому предстояло прожить несколько лет...

Московский период жизни П.А. Ойунского связан с его работой над «Русско-якутским термино-орфографическим словарём», который явился «плодом его многолетних изысканий в области терминоворчества и орфографии»⁴. Он написал обширное введение к изданному словарю, озаглавив его «Якутский язык и пути его развития», куда включил не только сведения по лингвистике, но и обзор истории Якутии⁵. Завершение своей работы над введением к словарю он датировал 4 апреля 1935 г. Этот труд аспиранта П.А. Ойунского становится его кандидатской диссертацией, к защите которой ему предстояло подготовиться.

Научным руководителем П.А. Ойунского 28 октября

1934 г.⁶ был назначен академик А.Н. Самойлович⁷, а консультантом профессор Б.М. Гранде⁸.

Защита П.А. Ойунским кандидатской диссертации состоялась 11 июля 1935 г. на расширенном заседании дирекции Научно-исследовательского института национальностей СССР при ЦИК СССР. На заседании выступили: официальные оппоненты — профессора Н.К. Дмитриев⁹ и Р.О. Шор¹⁰ и научный консультант П.А. Ойунского — профессор Б.М. Гранде.

По итогам обсуждения было признано, что защита диссертации выявила: «1) большую эрудицию у диссертанта в вопросах лингвистики якутского языка, а также якутоведения в

целом; 2) большую самостоятельную научную работу, проведенную диссертантом по разработке общих вопросов якутского языка, его терминологии и орфографии; 3) способности к научно-исследовательской работе, навыки к ней и определенную систему научно-исследовательской работы по языкознанию; 4) наличие некоторых спорных положений, выявленных автором, и ряд недостатков в его диссертационной книге "Русско-якутский термино-орфографический словарь"».

В итоге было решено присудить П.А. Ойунскому степень кандидата лингвистических наук по якутскому языку¹¹. Таким образом, П.А. Ойунский пер-

вым в Якутии удостоился этой учёной степени¹².

Ниже публикуются документы из личного дела П.А. Ойунского, хранящегося в Архиве Российской академии наук в фонде Института языка и письменности народов СССР Академии наук СССР (Ф. 677). Они касаются не только периода учёбы и научной работы П.А. Ойунского в Москве, но и содержат другие ценные биографические сведения.

Документы публикуются в соответствии с современными правилами правописания при сохранении их стилистических особенностей. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ойунский (Слепцов) Платон Алексеевич (1893–1939) — якутский советский писатель и общественный деятель, председатель СНК (1922), председатель ЦИК, нарком просвещения и здравоохранения (1928–1931) Якутской АССР.

² Иванов В.Н. Платон Алексеевич Ойунский: государственный деятель и мыслитель // П.А. Ойунский: взгляд сквозь годы. — Новосибирск. 1998. — С. 11.

³ Там же. — С. 15.

⁴ Коркина Е.И. П.А. Ойунский о путях развития якутского языка // Основоположник якутской советской литературы. — Якутск. 1974. — С. 233.

⁵ Русско-якутский термино-орфографический словарь / Сост. П.А. Ойунский при участии С.П. Хари-

тонова, Г.С. Тарского. — М., 1935. — С. 5–102.

⁶ АРАН. Ф. 677 (Институт языка и письменности народов СССР Академии наук СССР). Оп. 4. Д. 44. Л. 54.

⁷ Самойлович Александр Николаевич (1880–1938) — востоковед, академик АН (с 1929 г.).

⁸ Гранде Бенцион Меерович (1891–1974) — востоковед, семитолог, профессор МГУ (с 1946 г.).

⁹ Дмитриев Николай Константинович (1898–1954) — языковед, чл.-корр. АН (с 1943 г.).

¹⁰ Шор Розалия Осиповна (1894–1939) — лингвист и историк литературы, профессор ЛИФ ЛИ (с 1935 г.).

¹¹ АРАН. Ф. 677. Оп. 4. Д. 44. Л. 102–102об.

¹² Иванов В.Н. Указ. соч. — С. 14.

Вступительная статья, публикация документов и комментариев подготовлены к.и.н., с.н.с. Архива РАН В.Г. Бухертом.

№ 1

П.А. Ойунский — Научно-исследовательскому институту народов
Советского Востока при ЦИК СССР.

В Институт народов Сов[етского] Востока при ЦИК СССР

Заявление Ойунского, Платона Алексеевича, командированного из Якутии.

Получив командировку Як[утского] обл[астного] ком[итета] ВКП(б), оформленную На[родным] ком[иссариатом] просвещения ЯАССР, прошу принять меня в вышеназванный Институт.

Обл[астной] ком[итет] ВКП(б) меня обязал поступить в секцию языка и литературы, специализироваться по тюркским языкам, поэтому прошу зачислить меня в секцию языкового строительства

По окончании общего курса обучения в секции языка считаю необходимым для работы в Якутии получить специальную подготовку под руководством научных сил института — по якутскому языку и культуре. Таковы мои цели и задачи.

Не имея достаточной марксистской и ленинской подготовки, считаю для себя более целесообразным поступить во 2-е подготовительное отделение, чтоб в течение одного года подковать себя по марксизму и ленинизму.

Ввиду краткого времени для подготовки по испытанию (от 1-го по 15-е сентября), прошу меня принять без испытаний.

*К сему заявлению Ойунский¹.
г. Москва, Садово-Спаская 16,
Якут[ское] представительство
2/IX 1931 г.*

АРАН. Ф. 677. (Институт языка и письменности народов СССР Академии наук СССР).
Оп. 4. Д. 44. Л. 7. Автограф.

№ 2

Краткая автобиография

1. По происхождению — сын бедняка из Таттинского района Ойун-Усовского наслега Якутской республики.

2. В 1910 г. окончил 4 группы сельской 2-классной школы, в 1914 г. окончил Як[утское] гор[одское] 4-классное училище; в 1917 г. окончил Як[утскую] учит[ельскую] семинарию, а в 1918 г. исключён по окончании 1-го курса Томского учит[ельского] института, как активный большевик и красногвардеец.

3. С 1917 года (март) по рекомендации тов. Е.Ярославского² член як[утской] организации РСДРП, а с марта 1918 г. член томской гор[одской] организации большевиков — интернационалистов коммунистов.

4. Весною 1918 г. получил командировку сов[етского] правительства для организации сов[етской] власти в Якутской области, где был осенью арестован и выслан белогвардейцами с территории Як[утской] области. Получив документы об исключении из Томского учит[ельского] института, при колчаковщине учительствовал два года под надзором.

5. По ликвидации колчаковщины был Сибревкомом командирован в Якутскую область для работы. Был членом Якутского ревкома и возглавлял работу по организации сов[етской] власти в улусах и наслегах.

6. С 1920 г. (сентябрь) возглавлял губревком, а с 1922 г. ревком республики Якутии, а затем по 1925 г. возглавлял ЯЦИК. До 1927 г. был членом Бюро Як[утского] обл[астного] ком[итета] ВКП(б), за последние 2 года был председателем ревиз[ионной] ком[иссии] Як[утской] обл[астной] организации ВКП(б).

7. В 1927 г. был нар[одным] ком[иссаром] просвещения Якутии, а затем до выезда, т.е. до 21 июля 1931 г., был ответственным редактором Якутиздата и председателем Комитета якутской письменности. В Якутиздате совмещал должности председателя правления и директора типографии.

Такова моя краткая автобиография.

Ойунский

г. Москва, Садово-Спасская 16,
Якут[ское] представительство

АРАН. Ф. 677. Оп. 4. Д. 44. Л. 7об. Автограф.

№ 3

Список трудов, опубликованных в Якутии.

I. По художественной литературе:

- 1) Сборник стихотворений, вышел в 1925 году.
- 2) Сборник стихотворений, вышел в 1927 году.
- 3) Сказка — поэма в 4 действиях, из народной мифологии, «Красный шаман», вышла в 1925 году, на русском языке в 1930 году, перевод Черных-Якутского³ и Боярова⁴.
- 4) Драма «Большевик» в 5 действиях, вышла в 1928 году.
- 5) Народная легенда «Великий Кудангса» в 1929-30 гг. в 3 номерах журнала «Чолбон».
- 6) Опера в 3 действиях, из народного богатырского эпоса «Туйярым — куо», вышла в 1930 году.
- 7) Рассказ — «Выход из тины», напеч[атан] в худож[ественном] альманахе «Пламенеющее горно»*, в 1930 году.
- 8) Разные поэмы стихи и песни, напеч[атаны] в нескольких №№ журнала «Красная тропа» и в вышеназванном альманахе: а) «Благодарность батрака к ВКП(б)», «Заветы орла» (красного бойца), в) «Вставайте певцы!» (гимн социал[истическому] строительству), г) плясовые частушки на злобу дня, д) песня о девке — колхознице и тракторе (гимн о колхозном движении).
- 9) 1-я, 2-я и 3-я песни «Олонхо», народный богатырский эпос (4-я песня готова; 5-я, 6-я и 7-я находятся в черновом виде). Каждая песня составляет целый том.

II. По научной части:

- 1) В 1927 году вышла статья: «Якутская сказка» (олонхо), её сюжет и содержание, «Сборник трудов научно-исследовательского общества "Saga Keskile"», выпуск № 1 (4).
- 2) В 1928 году вышла статья: «Материалы о происхождении якутов», жур[нал] «Чолбон». № 4-5.
- 3) В 1929 году вышла статья: «О происхождении шаманизма», жур[нал] «Чолбон», № 1-2.

* Так в тексте.

4) В 1929 году вышли правила об употреблении знаков препинания в якутской письменности, жур[нал] «Чолбон», № 3–4.

5) В 1928 году вышла историч[еская] заметка: «Дни и годы» о революционном движении с 1917 года по 1922 год, журнал «Чолбон», в №№ 4–5, 6–7.

6) В 1927 году вышла статья о теории якутского стихосложения, бюллетень Н[ар]к[ом]проса ЯАССР, № 6–8.

7) В 1931 году вышла статья о правилах принятия иностранных слов и терминов в якутской письменности, жур[нал] «Красная тропа». № 1–2.

8) Популярная брошюра о шаманизме и религии, вышла в 1930 году. Содержание: а) Ленин⁵ о религии; б) о мироздании (теория Демокрита⁶, мысли Маркса⁷ о мироздании); в) о происхождении организма, орган[ического] мира и человека (данные Энгельса⁸ о развитии человека, о происхождении общества и государства); матриархат и удаганизм; д) патриархат и шаманизм; е) происхождение религии (мысли французских материалистов, мысли Маркса и Энгельса, мысли Гаузенштейна⁹ о первобытном человеке). Мною также использованы материалы Ксенофонтова¹⁰ («Пастушеский быт и мифология Востока» и «Хрестес и шаманизм»); ж) почему религия быстро не исчезает (мысли Гортера¹¹ по данному вопросу, также дана аналогия между Буддой и Христом, и мысли Маркса и Энгельса о христианстве); з) Выводы.

III. Научно-редакторская и переводная работа

1) Перевёл «Коммунистический манифест» на якутский язык, вышел брошюрой.

2) Редактировал переводы на якутский язык из трудов В.И. Ленина: «Империализм, как последний этап капитализма», перевод Андросова; статью о кооперации, перевод Донского 1-го¹², а также редактировал перевод: «Заветы В.И. Ленина о народном образовании», брошюра Н.К. Крупской¹³, перевод Донского 2-го¹⁴.

3) Редактировал русско-якутский словарь, состав[ленный] Донским 1-м и якутско-русский словарь, состав[ленный] Поповым. Научное уточнение якутских понятий, слов и их значения, правильная передача их значения на русском языке. Сюда не вошли разные отчёты, статьи, написанные мною на русском и якутском языках.

К сему Ойунский
г. Москва. Садово-Спасская, 16,
Якут[ское] представительство
1931 г. 2/IX

АРАН. Ф. 677. Оп. 4. Д. 44. Л. 8-8об. Автограф.

№ 4

П.А. Ойунский – Ю.И. Кишу¹⁵

В Научно-исследоват[ельский] институт национ[альностей] СССР
при ЦИК СССР, т. Кишу

Т. Тарскому, Григорию Семёновичу, собирателю и составителю терминов в количестве тысяча шестьсот пятнадцать (1615) слов – просьба выдать за каждое слово по 50 (пятьдесят) копеек.

Термины составлены на двух языках (русском и якутском), для термино-орфографического словаря, рассчитанного как пособие для переводчиков и составителей учебников на якут[ском] языке и для журнально-газетных работников.

Бригадир-редактор: Ойунский

Москва, 16 VI 1934 г.

Садово-Спасская, д. 16, [комната] 12.

P.S. Остальная часть оплаты за эти (1615) слова будут взяты после окончания всех работ.

Ойунский

АРАН. Ф. 677. Оп. 4. Д. 44. Л. 82. Автограф.

№ 5

П.А. Ойунский — Я.Р. Гайлису¹⁶

*Заместителю директора Научно-исслед[овательского] инст[итута]
нац[иональность]ей СССР при ЦИК СССР т. Гайлису*

Представляя при сём свою диссертационную работу — «Русско-якутский термино-орфографический словарь» на 13 тысяч слов и предисловие к словарю на 6 п[ечатных] листах под названием — «Якутский язык и пути его развития», — прошу назначить день защиты.

Ввиду предстоящего выезда из Москвы в Якутск для участия и руководства первой Всеякутской языковой конференцией, созываемой на 25 июля, прошу днём защиты диссертации утвердить 1-е июля.

Моей самостоятельной работой является предисловие, где мною детально разработаны все основные проблемы якутского языка.

Участие моих тт. С.П.Харитонов¹⁷ и Г.С.Тарского¹⁸ выразилось в следующем: Харитонов собрал словарный материал по истории феодализма. Тарский — материалы по истории промышленного капитала, по сельскому хозяйству и по кустарным производствам.

Материалы по общественно-политической терминологии, по математике, естественным наукам и географии собраны мною.

Все собранные словарные материалы разработаны в своей якутской части мною на основе разработанных мною в предисловии принципов по орфографии и терминологии якутского языка.

В предисловии мною разработаны проблемы происхождения якутов и места якутского языка среди тюркско-татарской системы языков.

На основе марксистско-ленинской науки о нации и нац[иональном] языке мною исследована история развития якутского языка до наших дней.

Мною разработаны на основе изучения истории развития якутского языка вопросы терминологии, орфографии, вопросы грамматики и грамматической терминологии, вопросы пунктуации, и частично, вопросы, связанные с языком переводов трудов основоположников марксизма-ленинизма.

К сему аспирант III курса Н[аучно]-и[сследовательского] инст[итута] нац[иональностей] СССР при ЦИК СССР.

П.А. Ойунский

22/VI 1935 г.

Москва

АРАН. Ф. 677. Оп. 4. Д. 44. Л. 103–104. Автограф.

№ 6

**Автобиография П.А. Ойунского, соискателя учёной степени
кандидата лингвистических наук по якутскому языку**

Родился 11 ноября 1893 г. в семье якута-бедняка. Место рождения — 3-й Жехсогогонский наслег Таттинского улуса. Начал учиться в сельской [школе] с 1907 года. В 1911 году поступил в Якутское городское 4-классное училище и окончил в 1915 году. В 1915 году поступил в Якутскую учительскую семинарию и окончил в 1917 году. В 1917 году поступил в Томский учительский институт. В 1918 г. исключён из Томского учительского института как активный большевик.

С 1912 года один из организаторов тайного кружка учащихся якутов в г. Якутске. Кружок два раза распадался из-за групповых столкновений, возникших в результате антагонизма между бедняцкой и тоёнатской частью молодёжи. В 1916 году количество членов кружка доходило до 76 человек. Кружок имел рукописный журнал. Члены кружка в дни Февральской революции 1917 года разбились на три враждебных лагеря: 1) Социал-демократическая часть работала под руководством т. Ярославского. 2) Эсеровская часть работала под руководством организации эсеров. 3) Националистическая часть примкнула к тоёнатской организации — к союзу федералистов.

П.А. Ойунский (тогда П.А. Слепцов) с марта 1917 года член РСДРП, работает под руководством тт. Ярославского и Петровского. Ойунский организует первый в истории Якутии — Союз чернорабочих якутов и является их депутатом в Обл[астном] комитете общ[ественной] безопасности, членом Совета рабочих и солдатских депутатов и первым заместителем председателя гор[одского] совета.

П.А. Ойунский, как депутат бедноты, ввиду отказа 1-го Областного съезда народ[ных] представителей рассмотреть земельный вопрос и вопрос о восьмичасовом рабочем дне организует политическую демонстрацию бедноты, батрачества перед съездом. Депутаты съезда разбегаются в панике. Зал съезда и его трибуна занимаются бедняками, батраками и рабочими. Принимается ультиматум к съезду: в случае отказа рассмотреть земельный вопрос и вопрос о восьмичасовом рабочем дне — съезд подлежит роспуску. Власть передаётся в руки Областного совета рабочих, бедноты и батрачества. На другой день 1-й съезд нар[одных] представителей принимает все требования бедноты и батрачества.

С осени 1917 г. П.А. Ойунский учится в Томском учит[ельском] институте. При расколе томской организации РСДРП — П.А. Ойунский становится членом коммунистической партии с марта 1918 г. Ойунский с марта красногвардеец, инструктор по организации советов и Красной гвардии.

П.А. Ойунский в мае 1918 г. выезжает в распоряжение Центросибири. По предложению т. Яковлева¹⁹ комиссар Центросибири т. Лыткин²⁰ командировывает П.А. Ойунского в Якутск инструктором по организации советской власти в Якутии. Белое правительство Якут[ской] области отказывается передать власть советам. Организуется отряд Красной гвардии под командованием т. Рыдзинского²¹. П.А. Ойунский становится бойцом в отряде т. Рыдзинского и участвует в боях под Якутском. Ойунский после восстания чехословаков в Сибири и падения сов[етской] власти в Сибири и Якутии — сидит в Якутской тюрьме и высылается из пределов Якутской области. Под чужим именем пробирается в Томск, где узнаёт об исключении из Томского учит[ельского] института. Учительствует два года в Томском уезде — в селе Казанка.

В 1919 г. в мае сидит под арестом у карательного отряда штаб[с]-капитана Сурова²². П.А. Ойунского спас от расстрела пом[ощник] нач[альника] отряда, поручик Григорович, муж сестры т. Сибирякова-Виленского²³.

П.А. Ойунский с 1920 г. член бюро Якут[ского] обл[астного] комитета РКП(б) и член Ревкома (завотделом сов[етского] управления). В конце 1920 г. ставит перед Сиб[ирским] бюро ЦК РКП(б) совместно с т. Бараховым²⁴ вопрос об автономии.

С осени 1921 года председатель Ревкома Якут[ской] области. Организует борьбу с контрреволюцией 1921 и 1922 [гг.] в Якутии. В марте организует органы управления Я[кутской] А[втономной] ССР, руководит работой по выработке конституции и положений о наркоматах ЯАССР. Разрабатывает манифест по поводу организации ЯАССР.

С 1922 по 1926 г. включительно П.А. Ойунский состоит председателем ЯЦИК и членом ЦИК СССР. В 1927–1928 [гг.] П.А. Ойунский — нарком просвещения, здравоохранения и социального обеспечения.

С 1929 по 1931 год (до июля) — директор Якут[ской] типографии и председатель треста Якутиздат. По совместительству ответственный редактор издательства.

С осени 1931 по 1935 г. (до 13 июля) — аспирант Научно-исследовательского института национальностей СССР при ЦИК Союза ССР.

П.А. Ойунский с 1924 по 1926 г. — председатель и действительный член Научно-исследовательского общества «Саха кэскилэ». В то же время П.А. Ойунский — председатель Комитета якутской письменности.

С 1929 по июль 1931 г. — председатель Як[утского] комитета н[ового] а[лфавита].

П.А. Ойунский сейчас — член правления [Союза] сов[етских] писателей СССР и председатель правления Союза сов[етских] писателей ЯАССР.

П.А. Ойунский в апреле 1917 г. перевёл на якутский язык «Марсельезу» и соц[иал]-дем[ократический] листок «Организуйтесь». Это первая его работа. Сборник стихов П.А. Ойунского издан Як[утским] нар[одным] ком[иссариатом] просвещения [в] 1922 г. поэма П.А. Ойунского «Красный шаман» издана в 1925 г. «Красный шаман» на русском языке издан в 1930 г. в г. Якутске, 2-й сборник стихов П.А. Ойунского издан в 1924 г., 3-й сборник стихов издан в 1929 г.

В 1927 г. к 10-летию Октябрьской революции ЯЦИК издаёт драму «Большевик» П.А. Ойунского.

Богатырский эпос в семи песнях (частях) П.А. Ойунского — три песни изданы в 1930 г.

Героическая опера из богатырского эпоса, написанная П.А. Ойунским, издана в 1930 г.

В журнале «Красная тропа» и в художественном альманахе «Красная кузница» помещены (с 1927 г. по 1935 г.) произведения П.А. Ойунского: «Великий Кундагса» (легенда). «Выход из кулацкой тины» (повесть); комедии: «Царский указ», «Бездетный».

В 1934 г. в марте–апреле–мае Советская Якутия праздновала 17-летний юбилей общественной и литературной деятельности П.А. Ойунского.

Якутскому нац[иональному] гос[ударственному] театру присвоено имя П.А. Ойунского. Во многих районах имеются отряды пионеров и колхозы имени П.А. Ойунского.

В 1934 году издан сборник избранных произведений П.А. Ойунского и сборник статей, посвященный общественной и литературной деятельности П.А. Ойунского.

В сборнике трудов исслед[овательского] общества «Саха кэскилэ» помещена статья П.А. Ойунского под названием: «Якутское олонхо, его сюжет и форма» (1928, № 5, г. Якутск). П.А. Ойунский перевёл «Коммунистический манифест» и издал его в 1930 году. П.А. Ойунский написал на якутском языке антирелигиозную работу: «Происхождение религии и ша-

манизма», изд. 1930 г. П.А. Ойунский написал статью на якутском языке — «О принципах и правилах оформления международных терминов» (см. жур[нал] «Красная тропа», изд. 1931 г., № 1-2). П.А. Ойунский редактировал якутский текст перевода устава и программы ВКП(б), изд. 1931 г. и составил к ним словарь. П.А. Ойунский написал статью «На терминологическом фронте» (см. журнал «Просвещение национальностей», изд. 1932 г., № 5-6, Москва). В сборнике «Алфавит Октября» вышла статья П.А. Ойунского — «История якутской письменности» (изд. 1934 г., Москва). В 1927 г. в «Бюллетене Наркомпросздрава ЯАССР», (в № 6-8, 11-12) помещены статьи П.А. Ойунского: 1) «О теории якутского стихосложения». 2) «О мероприятиях по развитию якутской национальной культуры».

Сверх того П.А. Ойунским написан ряд статей по различным вопросам советского строительства, по земельным вопросам, а также статьи о шаманизме и о происхождении терминов и названий богатырского эпоса (всё это печаталось в г. Якутске — в газетах «Автономная Якутия», «Кыым», в журналах: «Чолбон». «Красная тропа»). В 8-м томе «Лит[ературной] энциклопедии» помещена статья о литературном творчестве П.А. Ойунского. Статья написана Г.У.Гермогеновым²⁵. В том же 8-м томе «Л[итературной] э[нциклопедии]» помещены три статьи П.А. Ойунского о Новгороде С.А.²⁶, о Никифорове В.В.²⁷, о Неустроеве Н.Д.²⁸, посвященные их литературной деятельности.

Тов. Ойунский П.А. с 1922 года до сего дня является несменным членом ЯЦИК всех созывов.

Тов. Ойунский П.А. награждён Почётной грамотой ЯЦИК в ознаменование 10-летия ЯАССР за свою революционную и общественную деятельность по организации советской власти.

Ойунский

14/VII-1935 г. Москва,

Садово-Спаская, д. 16, комн. 8.

АРАН. Ф. 677. Оп. 4. Д. 44. Л. 105-107. Машинопись, подпись — автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ П.А. Ойунский, очевидно, использует форму, встречающуюся в русском дореволюционном делопроизводстве: «К сему руку приложил».

² Ярославский Емельян Михайлович (Губельман Миней Израилевич) (1878–1943) — советский государственный и партийный деятель, академик АН СССР (с 1943 г.)

³ Черных-Якутский Пётр Никодимович (1882–1933) — поэт.

⁴ Бояров Алексей Федотович (1896–1942) — нарком просвещения, здравоохранения и социального обеспечения ЯАССР (1929–1932).

⁵ Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924) — деятель российского и международного рабочего движения, основатель Советского государства.

⁶ Демокрит (ок. 470 или 460 до н.э.?) — древнегреческий философ-материалист.

⁷ Маркс Карл (1818–1883) — основоположник научного коммунизма.

⁸ Энгельс Фридрих (1820–1895) — основоположник научного коммунизма.

⁹ Гаузенштейн Вильгельм (1882–1957) — немецкий критик и историк искусства.

¹⁰ Ксенофонов Гавриил Васильевич (1888–1938) — исследователь истории, этнографии и фольклора якутов, эвенков и бурятов.

¹¹ Гортер Герман (1864–1927) — нидерландский поэт, критик, деятель рабочего движения.

¹² Донской Семён Николаевич 1-й (1893–1938) — государственный деятель, нарком земледелия (1922), зам-

председателя СНК (1923–1925) Якутской АССР.

¹³ Крупская (в замужестве Ульянова) Надежда Константиновна (1869–1939) – советский государственный и партийный деятель, председатель Главполитпросвета (с 1920 г.), замнаркома просвещения (с 1929 г.), почётный член АН (с 1931 г.).

¹⁴ Донской Семён Николаевич 2-й (1895–1941) – государственный деятель, нарком просвещения Якутской АССР (1922–1923), директор Якутского государственного педагогического института (1935–1936).

¹⁵ Кирш Юлий Иванович (1890–1936) – заведующий сектором истории Научно-исследовательского института национальностей СССР при ЦИК СССР.

¹⁶ Гайлис Ян Рейнович (1887–1938) – заместитель директора Научно-исследовательского института национальностей СССР при ЦИК СССР

¹⁷ Харитонов Савва Прокопьевич (?–?) – студент Всесоюзного Коммунистического института журналистики им. «Правды».

¹⁸ Тарский Григорий Семёнович (1908–1982) – переводчик и литературный критик. Опубликованы воспоминания Г.С. Тарского о том, как П.А. Ойунский привлёк его к работе над словарём. (См.: *Тарский Г.С. Наставник литературной молодёжи* // П.А. Ойунский: статьи и воспоминания. – Якутск, 1969. – С. 208–209).

¹⁹ Яковлев Николай Николаевич (1886–1918) – деятель русского ре-

волюционного движения, председатель Центросибири (1918).

²⁰ Лыткин Фёдор Матвеевич (1897–1918) – один из руководителей борьбы за советскую власть в Сибири.

²¹ Рыдзинский Апполинарий Станиславович (1880–1960) – участник революционного движения и борьбы за установление советской власти в Якутии.

²² Суров Владимир Александрович (1892–1924) – штабс-капитан, командир экспедиционного карательного отряда, действовавшего в Причулымье (1919 г.), участник антисоветского вооружённого восстания в Якутии (1922 г.). О нём см.: *Ларьков Н.С. Капитан Суров* // *Земля Асиновская*. – Томск, 1995. – С. 144–160.

²³ Сибиряков-Виленский (1888–1938) – общественный и политический деятель.

²⁴ Барахов Исидор Никифорович (1898–1938) – государственный и общественно-политический деятель Якутии, председатель СНК Якутской АССР (1922–1924), первый секретарь Якутского обкома ВКП(б) (1926–1928).

²⁵ Эргис (Гермогенов) Георгий Устинович (1908–1948) – якутский этнограф, фольклорист.

²⁶ Новгородов Семён Андреевич (1892–1924) – якутский писатель, лингвист.

²⁷ Никифоров Василий Васильевич (1866–1929) – якутский писатель.

²⁸ Неустроев Николай Денисович (1895–1929) – якутский писатель.

Берёзовский мамонт

В описи № 1 фонда № 17-и «Колымское окружное полицейское управление» хранится дело № 1715 об обнаружении осенью 1900 г. на берегу реки Берёзовой Колымского округа отлично сохранившейся туши мамонта. В 1901 г. на место обнаружения данного экземпляра прибыла научная экспедиция, которая подтвердила ценность и эксклюзивность находки. Останки берёзовского мамонта были доставлены в Зоологиче-

ский музей Академии наук в г. Санкт-Петербурге и подвергнуты анатомическому, гистологическому и биохимическому анализу. Берёзовский мамонт — одна из самых известных в мире палеонтологических находок. По результатам исследования данных останков в разных странах мира был опубликован ряд научных трудов. Были исследованы и остатки пищи, обнаруженные в желудке и ротовой полости ма-

монта. Данные останки до недавнего времени считались самыми сохранившимися из обнаруженных в мире подобных находок. Чучело, скелет и внутренности берёзовского мамонта по сей день выставлены в Мамонтовом зале Зоологического музея.

Предлагаем вниманию читателей некоторые документы из истории обнаружения этой уникальной находки.

Вступительная статья и публикация документов подготовлены главным архивистом НА РС (Я) Е.В. Саввиной.

Документ 1

Заявление колымского казака Иннокентия Николаевича Явловского об обнаружении им останков мамонта

*Казака Колымской команды
Иннокентия Николаевича Явловского*

Заявление

Как мне известно, издавна ещё делались попытки к розыску целого мамонта. Едва проходил какой-нибудь слух о находке будто бы мамонта, как местная администрация, начиная с бывшего в 60-х годах исправником в Колымске барона Майделя и кончая нынешним колымским исправником В.В. Гуляевым, тотчас же приступала к расспросам и расследованиям о месте нахождения мамонта, не медля и, невзирая на время года и на неудобство пути, выезжала на указываемое место и вообще обнаруживала в этом деле немало энергии и заботливости. Однако ж,

как известно это и полицейскому управлению, все эти разъезды, хлопоты и заботы не приносили до сих пор желанного результата, так как на указываемом месте или вовсе не оказывалось мамонта или же оказывались лишь полусгнившие части тела, не дающие ясного представления о целом мамонте. Известно мне также, что за находку целого мамонта обещана была большая денежная награда и чуть ли не Академией наук. Поэтому станет вполне понятным, что бродя постоянно по тайге за промыслом зверя и за розыском мамонтовой кости, дающими мне средства к жизни, я постоянно, вот уже в течение многих лет, прилагал старания к тому, чтобы обнаружить где-нибудь местонахождение мамонта. Наконец, ныне осенью, мне это удалось — мною найден целый и почти совершенно сохранившийся мамонт. Находится найденный мною мамонт в Колымском округе, на левом берегу речки Берёзовой*, впадающей в реку Колыму с правой стороны в 100 верстах ниже г. Среднеколымска. Проезд на указываемое мною место признаю наиболее кратчайшим и более удобным с заимки «Быстрой» (в 160 верстах от г. Среднеколымска), от которой, направляясь в юго-восточном направлении прямо по тайге до найденного мною мамонта, будет, по моим расчётам, около 140 вёрст; если же ехать по речке Берёзовой, то, благодаря её чрезвычайной извилистости, расстояние это должно быть, по крайней мере, утроено. Находится найденный мною мамонт в 20 примерно саженьях от берега речки Берёзовой на скате высокой горы под образовавшимся над ним курганом. Стекающая с горы весною снеговая вода размыва часть кургана и обнаружила, таким образом, голову, спину и часть задней ноги мамонта, каковые части его тела и видны теперь на поверхности земли. Находится мамонт [в] полулежачем положении, так что голова его, уткнувшись подбородком в землю, находится почти в перпендикулярном положении; на спине, которая, по-видимому, прежде других частей тела обнаружилась из-под земли, от гнилости образовалось небольшое отверстие, чрез которое, таким образом, беспрепятственно можно проникнуть внутрь тела мамонта; передние ноги не видны, так как или подогнуты под мамонтом, или же, если выпрямлены, то находятся под землёю. Задних ног также не видно, но на предполагаемом месте нахождения их заметно столбообразное утолщение почвы. Чтобы не возбудить сомнения в справедливости находки мною мамонта, мною взяты от него следующие части: 1. Рог весом 1 пуд 30 фунт. 2. На видимой части заднего стегна** вырезаны два небольших куска — не более ладони взрослого человека, из которых один — образчик кожи мамонта, а другой — кожи с прилегающим к ним нетолстым слоем мяса. 3. Небольшая часть желудка, в который я проник чрез образовавшееся на спине от гниения отверстие. 4. Весьма небольшая часть содержимого в желудке, представляющая из себя неперевавленную массу травы и мха. 5. Немного шерсти, которой были покрыты видимые части мамонта.

Заявляя о вышеизложенном и представляя при сем все перечтённые предметы, взятые мною от мамонта, я покорнейше прошу Колымское окружное полицейское управление в возможно скором времени, проверив настоящее моё заявление чрез кого-либо из членов полицейского управления, представить на благоусмотрение высшего начальства, и вместе с тем не отказать в ходатайстве пред ним о выдаче мне вознаграждения за находку мамонта. К сему считаю нужным добавить, что если будет признано необходимым сохранить мамонта неприкосновенным в настоящем его виде до лета, то во избежание дальнейшего размыва кургана, под которым находится мамонт, весенними снеговыми водами, я полагал бы необходимым укрепить курган, в противном случае мамонту может грозить опасность свалиться в речку. 28 ноября 1900 года. Город Среднеколымск. Казак Колымской команды Иннокентий Николаевич Явловский.

НА РС(Я) Ф. 17. Оп. 1. Д. 1715. Л. 1–2.

* В тексте документа везде — «Берёзовка».

** Стегнo — бедро, ляжка.

*Документ 2**Рапорт помощника колымского окружного исправника
Николая Леопольдовича Горна с описанием останков мамонта*

*Его Высокоблагородию господину колымскому окружному исправнику
[от] помощника исправника Горна*

Рапорт

Согласно личному распоряжению Вашего Высокоблагородия, я в половине декабря* м.г. предпринял поездку для осмотра мамонта, о находке которого [в ноябре 1900 г.] заявлено казаком Колымской команды Иннокентием Явловским.

О поездке этой имею честь доложить следующее: 15 декабря я с сопровождающими меня людьми выехал с заимки «Быстрой», отстоящей от г. Среднеколымска в 160 верстах. Так как ехать предстояло по тайге, по совершенно безлюдным местам и без всяких дорог, то поездку эту пришлось предпринять верхом на лошадях. Не существует здесь другого способа передвижения и летом, так как река Берёзовая, на берегу которой обнаружен труп мамонта, крайне извилиста, мелководна и изобилует перекатами, а потому поездка, по вскрытии реки, на лодке, вряд ли возможна; к тому же поездка подобного рода, благодаря чрезвычайной извилистости Берёзовой, оказалась бы, по крайней мере, в три раза длиннее прямого пути по тайге.

Выехав с заимки «Быстрой» и перебравшись на правый берег реки Колымы, мы всё время держались восточного направления, временами лишь уклоняясь к юго-востоку. Пройденный нами таким образом путь пролегал то чрез хребты горы, то по болотам, покрытым довольно высоким кочкарником, то по озёрам и лесным зарослям. Летом, как видно, местность эта изобилует разного рода водоёмами, благодаря множеству речек, стекающих с горных хребтов. Несмотря на это, проезд здесь летом, как уверяли меня мои проводники, вполне возможен.

Чтобы сберечь силы наших лошадей, которым приходилось по колено, а иной раз даже и по брюхо брести по снеговой целине, питаясь при том исключительно подножным кормом, ими же самими добываемым из-под снега, дневные переезды пришлось делать всего в 30-40 вёрст. Путешествуя таким образом, 18 декабря мы прибыли, наконец, к месту нахождения мамонта.

Берега реки Берёзовой в этом месте глинистого образования: правый берег низкий; левый, напротив, возвышенный и покрыт довольно толстым лиственничным лесом. Так как речка образует здесь излучину, то левый берег её, где собственно и найден мамонт, носит на себе ясные знаки размыва его рекою; независимо от сего, в то время как верхние пласты почвы, будучи покрыты довольно значительным растительным покровом, защищены от действия солнца и размыва весеннею и дождевою водою, ниже их лежащие пласты, подвергаясь такому действию, постепенно разрушаются и уносятся водою, благодаря чему верхние пласты, не имея под собою опоры, время от времени обваливаются. Ввиду этого описываемый мною левый берег Берёзовой имеет вид яра со значительным, до 100 приблизительно саженьей, уклоном. Почти посредине этого уклона находится огромная бесформенная глыба, сохраняющая в своих недрах мамонта. В верхней и более возвышенной части этой глыбы мною найдена голова мамонта, нижнюю свою частью уткнувшаяся в землю; к сожалению, верхние части нижних личных костей головы обрублены промышленниками, добывавшими клык мамонта. Голова оторвана прямо по черепной коробке и не имеет при себе ни одного шейного позвонка; покрыта вполне сохранившеюся кожей каштанового цвета; глаза залеплены примёрзшею глиною, отделять которую от глаз я не ре-

* Т.е. в середине декабря.

шился; при измерении расстояния между глазами, таковое оказалось в 15 вершков. Непосредственно под головою, но, по-видимому, совершенно отделённые от неё, находятся складки кожи, образуя с видимой стороны как бы блюдо, на котором лежит голова; далее видна часть тела мамонта, лежащая по длине уклона горы и прикрытая довольно толстым слоем совершенно смёрзшейся глины; видимая из-под земли часть тела есть, вероятно, левый бок мамонта, как-то можно заключить по свободным концам четырёх рёбер, симметрично расположенных и не имеющих на себе следов механического повреждения. Как обнажение рёбер, так и захватывающее часть живота отверстие образовалось от гниения; чрез это отверстие доступ к желудку совершенно беспрепятственный; из желудка мною вынута часть содержимого, которое оказалось не вполне переваренною травою, служившею для мамонта пищею.

Отделённый от желудка небольшой кусочек жира, будучи подождён, довольно долго горел совершенно ярким белым огнём и издавал запах обыкновенного животного жира. Остальные части тела уходят под почву, а потому точно определить, какие именно части тела находятся на виду, не произведя полной раскопки, — нельзя было. Представленные казаком Явловским при его заявлении различные образчики кожи, мяса и шерсти мамонта взяты им действительно от мамонта, который был осмотрен и мною.

В заключение я должен доложить, что на основании сделанного мною осмотра различных частей тела мамонта, я без полной раскопки их из-под земли, не могу взять на себя смелости утверждать, что здесь находится совершенно целый мамонт, хотя нет основания и к противоположному утверждению. С большею же уверенностью могу высказать лишь предположение, основанное на осмотре как местности, так равно и глыбы, под которою находится мамонт, что, по-видимому, глыба эта вместе с мамонтом, оторвавшись от вышележащих слоёв почвы, свалилась на то место, где она в данное время находится, причём при падении разбилась на неравномерные два куска, из которых один содержал в себе голову мамонта, а другой — больший — остальную часть тела.

Глыба, хранящая под собою мамонта, мне кажется, не грозит дальнейшим падением, но если раскопка мамонта не может быть произведена раньше лета, то чтобы уберечь глыбу от дальнейшего размыва весеннею водою и дождями и предохранить части тела мамонта, находящиеся в данное время снаружи, от гниения, необходимы будут кое-какие работы, как, например, отводные каналы для стока воды, засыпка обнажившихся частей тела мамонта землёю и проч. Лучшим временем для раскопки мамонта должен быть признан май месяц, когда почва уже несколько оттаёт от мерзлоты, а обнажившиеся из-под земли части тела мамонта не успеют ещё подвергнуться дальнейшему гниению от действия солнечных лучей.

Помощник колымского окружного исправника Н. Горн.
Город Среднеколымск.
10 января 1901 г.

НА РС(Я) Ф. 17. Оп. 1. Д. 1715. Л. 6—9.

Документ 3

Телеграмма иркутского генерал-губернатора якутскому губернатору о выезде из г. Санкт-Петербурга в Колымский округ экспедиции Императорской Академии наук

23 апреля 1901 г.

Академия наук просит принять меры к охранению открытого на реке Берёзовой трупа мамонта, так как 28 апреля выезжает экспедиция для исследования трупа и доставления его

в Петербург; благоволите немедленно распорядиться строгой охраной, [об] исполнении телеграфируйте. Генерал-губернатор Пантелеев.

НА РС(Я) Ф. 17. Оп. 1. Д. 1715. Л. 13.

Документ 4

Отношение якутского губернатора колымскому окружному исправнику о выезде экспедиции Императорской Академии наук

Колымскому окружному исправнику
[от] якутского губернатора

6 июня 1901 г.

В составе экспедиции, снаряжённой Императорской Академией наук в Колымский округ для раскопки трупа мамонта и доставления его в Санкт-Петербург, назначены следующие лица: исправляющий должность старшего зоолога Зоологического музея академик О.Ф. Герц, исправляющий должность старшего препаратора музея Е.В. Пфицельмайер* и студент Юрьевского университета, [геолог] Д.П. Севастьянов, которые ныне же отправляются в Колымск.

Давая знать об этом, поручаю особой заботливости Вашего Высокоблагородия принять все зависящие от Вас меры к оказанию полного содействия, в чём встретится надобность, членам названной экспедиции, как при раскопке трупа мамонта на р. Берёзовой, так и по перевозке его с места раскопки чрез вверенный Вам округ.

Губернатор В. Скрипицын.

НА РС(Я) Ф. 17-и. Оп. 1. Д. 1715. Л. 22.

Документ 5

Отношение помощника колымского окружного исправника Н.Л. Горна якутскому губернатору о принятии мер к сохранению останков мамонта до приезда научной экспедиции

Господину якутскому губернатору
[от] управляющего Колымским округом [Н.Л. Горна]

14 августа 1901 г.

Вследствие распоряжения Вашего Превосходительства о принятии мною всех зависящих мер к самому тщательному сбережению и охранению остатков мамонта, найденных на р. Берёзовой, каковое распоряжение сообщено мне якутским окружным исправником, имею честь донести, что как по отношению к охранению и сбережению остатков найденного мамонта, так равно и к возможному облегчению трудностей путешествия командированной для исследования остатков мамонта экспедиции, мною приняты все зависящие и возможные меры, так: командирован ныне же казак Явловский (заявивший о находке остатков мамонта), причём ему даны точные инструкции, коими он должен руководствоваться в видах сбережения остатков

* В тексте — «Пфиценмайер».

мамонта; при встрече ламутов, кочующих иногда за промыслом в пределах, прилегающих к реке Берёзовой, предложено хотя бы одной юрте далеко не откочёвывать, так, чтобы её можно было разыскать в том случае, если бы едушую экспедицию пурга и непогода заставили бы искать приюта; даже если бы для экспедиции потребовалось на месте нахождения остатков мамонта соорудить хотя бы небольшую избушку, то для сего также изысканы способы; дано знать о держании наготове лошадей, сёдел и проч. Обо всём вышеизложенном долгом своим считаю донести Вашему Превосходительству.

НА РС(Я) Ф. 17-и. Оп. 1. Д. 1715. Л. 17–19.

Документ 6

**Письмо помощника колымского окружного исправника Н.Л. Горна
колымскому казаку И.Н. Явловскому о подготовке провизии
для членов экспедиции Императорской Академии наук**

Иннокентий Николаевич!

Третьего дня приехал сюда начальник экспедиции [О.Ф. Герц], командированный сюда для исследования мамонта. Через три дня мы выезжаем с ним из города. На «Быстрой»^{*} необходимо заготовить 15 лошадей для проезда к мамонту; кроме того, необходимо будет приобрести корову на убой и коня или кобылу, лучше было бы коня, так как на нём можно бы было что-нибудь довести до мамонта, а потом уже убить его; кроме того, надо будет 3 пуда чировой юколы и рыбьего жиру. Рабочих здесь нанято двое — Гамбаев и Иванов, первый по 2 р. платы в сутки, второй — 1 р. 50 к. Двое остальных членов экспедиции [Е.В.Пфицельмайер и Д.П. Севастьянов] придут сюда не ранее, как дней через 7–10.

Н. Горн.
Пятница, 24 августа 1901 г.
г. Среднеколымск.

НА РС(Я) Ф. 17-и. Оп. 1. Д. 1715. Л. 24.

Документ 7

**Отношение помощника колымского окружного исправника Н.Л. Горна
якутскому губернатору о подготовке останков мамонта
к транспортировке в г. Санкт-Петербург**

Господину якутскому губернатору
[от] управляющего Колымским округом Горна

2 ноября 1901 г.

26 октября в Среднеколымск возвратилась экспедиция, командированная сюда Академией наук для исследования найденного на р. Берёзовой мамонта. Цель экспедиции достигнута в настоящее время вполне. Скелет найденного мамонта оказался почти полным, за исключением нескольких переломленных костей; все четыре конечности, грудь и правый бок также совершенно целы; пострадал лишь левый бок трупа от действия солнечных лучей и расхищения дикими

^{*} «Быстрая» — заимка.

зверями, вследствие того, что был обнажён из-под земли. В желудке, также вполне сохранившемся, между зубами, а также и на языке обнаружены остатки непереваренной пищи. Все части трупа, а также и кожа доставлены уже в Среднеколымск замороженными, в каком виде предполагается совершить и дальнейшую доставку их до Петербурга.

Отсюда экспедиция предполагает выехать числа 10–15 ноября.

Обо всех настоящих сведениях, полученных мною от начальника экспедиции зоолога О.Ф. Герца, имею честь донести Вашему Превосходительству.

НА РС(Я) Ф. 17-и. Оп. 1. Д. 1715. Л. 26–27.

Документ 8

**Заявление ламута Уяганского рода Колымского округа Семёна Тарабукина
об обнаружении им останков мамонта и присвоении колымским казаком
Явловским И.Н. права их открытия**

В Колымское окружное полицейское управление
[от] ламута Колымского округа Уяганского* рода Семёна Тарабукина

Заявление

Мне сделалось известным, что Императорскою Академией наук ныне высланы 400 руб. для выдачи казаку Колымской команды Иннокентию Явловскому, следующие последнему в вознаграждение за находку мамонта.

Выдачу означенных денег Явловскому я покорнейше прошу Колымское окружное полицейское управление приостановить, так как деньги эти должны принадлежать мне по следующим данным.

Найденный в 1900 году Явловским мамонт в действительности найден мною, а не Явловским.

Бродя постоянно по тайге и тундрам в погоне за промыслом, составляющим единственное и главное средство наше к существованию, я случайно обнаружил, идя по р. Берёзовой**, на левом берегу последней труп мамонта. Считая, вообще, такого рода находку ценною, но, будучи вместе с тем, человеком тёмным, крайне несведущим, я не знал, как поступить в этом случае, а потому вышел на заимку «Быстрая», где о своей находке рассказал казакам Василию Григорьевичу Берёзкину, Николаю Берёзкину и инородцу Николаю Сыроватскому и просил их совета, как поступить, или же, чтобы они заявили, кому следует, о найденном мамонте, но они от всякого участия в этом деле отказались, тогда я рассказал о своей находке казаку Иннокентию Явловскому, которому и показал место нахождения мамонта. Осмотрев указанное мною место, Явловский обещал мне дать половину того вознаграждения, которое он получит за открытие и указание мамонта.

Но вот протекло почти уже семь лет, а я не получил от Явловского за указанную ему мною целую находку ни копейки, между тем как мне известно, что он уже ранее получил 400 руб., да теперь ему выслано ещё 400 руб.

Об условии нашем, что я должен за найденного мною мамонта получить половинную часть вознаграждения, какое будет дано Императорскою Академией наук Явловскому, известно так-

* В тексте — «Уегонского».

** В тексте — «Берёзовка».

же бывшему колымскому исправнику г. Гуляеву, при котором между мною и Явловским состоялось соглашение в этом именно смысле.

Таким образом, присланные ныне Академией наук для выдачи Явловскому 400 руб., повторяю, по совести и законному праву, должны принадлежать мне, как первому открывателю места нахождения мамонта, но если полицейское управление, которое я вместе с тем прошу опросить, даже под присягою, указанных мною лиц о справедливости настоящего моего заявления, не найдёт возможным выдать мне эти 400 руб., то прошу таковые не выдавать Явловскому впредь до решения дела, так как я имею [намерение] предъявить иск в установленном порядке к Явловскому или же непосредственно к Академии наук.*

*Заявление это, по крайней своей бедности, гербовым сбором не оплачиваю, а равно прошу полицейское управление выдать мне удостоверение о моей бедности для представления в суд на получение свидетельства о праве бедности. 16 апреля 1907 г. Ламут Уяганского рода Колымского округа Семён Тарабукин**, печать которого описал и руку за него приложил по его личной просьбе по безграмотству инородец Иван Попов.*

НА РС(Я) Ф. 17-и. Оп. 1. Д. 1715. Л. 37–38.

Основание: НА РС(Я). Ф. 17-и. Оп. 1. Д. 1715. Л. 1–41.

* В конце концов, Тарабукин и Явловский пришли к соглашению.

** В тексте — «Тарабыкин».

«Благоприятный момент наступил только теперь»

(Письмо Е.Д. Стрелова из Якутска 1916 г.)

Имя Евфимия (Ефима) Дмитриевича Стрелова известно многим исследователям, занимавшимся археологией, этнографией и архивным делом Якутии¹. Уроженец Иркутской губернии, он еще юношей вместе с родителями переехал в Якутск, где продолжил обучение в реальном училище. Но, судя по всему, купеческий сын смолodu почувствовал тягу к истории. Только этим можно объяснить, что в двадцатилетнем возрасте он отправился в Москву поступать в археологический институт.

В 1909 г. Е.Д. Стрелов подает заявление директору института А.И. Успенскому: «Желая поступить вольнослушателем по археологическому отделению в М. археологический институт, покорнейше прошу зачислить меня на семестр 1909–1910 г.

Бумаги свои к сем[у] предоставить»². Его желание было удовлетворено. Судя по всему, учение в институте Е.Д. Стрелову, имевшему за плечами лишь реальное училище и строительнотехнические курсы³, давалось не легко. Сказывалось отсутствие классического образования, столь востребованного в стенах гуманитарного учебного заведения. Это вынудило его обратиться с прошением к директору института об освобождении от некоторых экзаменов. «Так как я не получил классического образования, то прошу Вас, г. директор освободить меня от слушания лекций и от сдачи экзаменов за второй курс по эпиграфике, греческой палеографии и практических занятий по греческому языку»⁴.

Но стараний к учебе Е.Д. Стрелов, судя по всему, прилагал

немало. В сохранившихся в архиве Московского археологического института документах указаны отличные оценки за сданные им экзамены. «19 октября 1911 г. экзаменовался по «Истории русского искусства» вольнослушатель МАИ Ефим Дмитриевич Стрелов и получил курсовую отметку отлично. А. Успенский... 2 февраля 1912 года держал экзамен по «Истории русского языка» вольнослушатель МАИ Ефим Дмитриевич Стрелов и получил отметку отлично. Преподаватель Брандт»⁵.

В конце 1911 г. Е.Д. Стрелов получил временное свидетельство, что он «окончил полный курс в Московском археологическом институте по археологическому отделению с правом на защиту диссертации»⁶ по исторической географии на звание ученого археолога, ко-

торое подлежало обмену на официальный диплом в сентябре того же года⁷. Свою диссертацию «Историко-археологический очерк Якутской области» Е.Д. Стрелов писал под руководством профессора МАИ С.К. Кузнецова, ранее много сделавшего для изучения археологии Сибири, одного из открывателей и первых исследователей известного Томского могильника⁸. В МАИ С.К. Кузнецов читал курсы исторической географии, музееведения и библиотековедения, а так же метрологии и хронологии

Воспоминания о годах обучения в Московском археологическом институте надолго остались в душе Евфимия Дмитриевича. Помимо С.К. Кузнецова, он сохранил теплые отношения с директором А.И. Успенским, преподавателем этнографии В.Н. Харузиной, секретарем института Т.И. Троицким.

По окончании института Е.Д. Стрелов вернулся в Якутск с желанием продолжить свои научные изыскания. Еще в Москве он получил приглашение занять должность директора местного музея и правителя дел предполагавшегося к открытию отделения Русского географического общества. С материальной стороны он считал себя достаточно обеспеченным, рассчитывая на капиталы отца, ранее успешно занимавшегося золотодобычей. Но по приезду все надежды рухнули. Его отец, оказавшийся втянутым в авантюрное предприятие, разорился, и Е.Д. Стрелову пришлось рассчитывать только на собственные силы и

средства. Предлагавшиеся вакансии оказались занятыми, и он был вынужден согласиться на должность архивариуса в городском архиве с окладом всего 87 руб. в месяц.

Хлопоты по устройству личной жизни, отягощенные занятиями в архиве, секретарскими обязанностями в учрежденной в 1912 г. Якутской архивной комиссии, все это надолго прервало связи Е.Д. Стрелова с Московским археологическим институтом. Но он не забыл своих учителей. Как только его дела несколько наладились, он постарался восстановить отношения с МАИ и 15 декабря 1916 г. отправляет письмо директору института А.И. Успенскому, в котором описывает свои злоключения, но более — результаты своих исторических, этнографических и археологических исследований в Якутии и планы на будущее.

А сделал Е.Д. Стрелов к концу 1912 г. немало. Основные его устремления были направлены на организацию архивного дела в области. Помимо усилий по строительству нового здания архива в Якутске и систематизации архивных фондов, он подготовил к изданию фундаментальный труд «Архивы Якутской области. 1650—1800 г.»⁹. Кроме того, им были составлены этнографические коллекции, которые он предназначал для музея Московского археологического института. Не остались без его внимания и археологические памятники области. В письме он упоминает об уже проведенных раскопках и намечаемых

исследованиях на р. Олекме и в других местах. Одним из важных результатов его исследований явился вывод о том, что «древние костюм и украшения якутов не имеют почти ничего общего с современными, которые здесь принято считать якутскими национальными».

Археологические раскопки требовали значительных средств, которые Е.Д. Стрелов пытался найти всеми возможными способами. Даже путем продажи найденной им старообрядческой иконы, которую он обнаружил под поздней записью. В этом вопросе он просит помощи А.И. Успенского, который не раз оказывал подобные консультационные и посреднические услуги своим друзьям и знакомым¹⁰. В надежде осуществить свои планы археологических исследований Е.Д. Стрелов вместе с письмом направляет прошение А.И. Успенскому об исходатайствовании ему «откуда надлежит» открытого листа на 1917 г. с правом раскопок «старинных якутских могил и курганов, находящихся в Якутской области»¹¹. Судя по всему, открытый лист «на раскопки в пределах Якутской области» Е.Д. Стрелову удалось получить иным путем — посредством местного отделения Русского географического общества¹², членом которого он являлся.

Письмо Е.Д. Стрелова — интересный документ, в котором он подводит итоги первых пяти лет своей научной деятельности в Якутской области, сообщает подробности личной жизни и исследовательской рабо-

ты. Помимо сведений об архивной и археологической деятельности, содержание письма позволяет представить характер и личные качества этого удивительного человека.

Из письма следует, что Евфимий Дмитриевич обладал художественным вкусом и искусствоведческими навыками, позволившими ему провести достаточно подробный анализ художественных и исторических особенностей старообрядческой иконописи. Изучение археологического материала позволили сделать ему важный вывод о принципиальном различии древней и современной материальной культуры якутов. К этим проблемам в своей

дальнейшей научной деятельности Е.Д. Стрелов будет обращаться еще не раз.

Но особенно привлекает в этом письме упорство и активная жизненная позиция Е.Д. Стрелова. Сообщая о крушении планов, с которыми он отправлялся в Якутск, он не стремится вызвать какое-либо сочувствие и сострадание к своим проблемам. Он их только констатирует и сразу же переходит к изложению своих действий по спасению архивных документов, собиранию этнографических коллекций, проведению археологических раскопок. В этом проявились не только характер и жизненная сила Е.Д. Стрелова, но и его искренний и всепо-

глощающий интерес к исторической науке, которые он проявлял и в последующие годы жизни.

Публикуемый документ хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, в фонде Александра Ивановича Успенского (фонд 434, картон 6, дело 72, листы 1-4). Представляет собой четыре листа большого формата, заполненных с двух сторон машинописным текстом с собственноручной подписью Е.Д. Стрелова. Текст приводится полностью, без текстуальных изменений, по правилам современной орфографии и пунктуации.

Вступительная статья и публикация подготовлены к.и.н., в н.с. Института археологии РАН А.С. Смирновым.

**Письмо Е.Д. Стрелова из Якутска
директору МАИ А.И. Успенскому**

1916 г.

«Глубокоуважаемый Александр Иванович!

Вас, вероятно, немало удивила моя телеграмма, которою я спрашивал об адресе Стефана Кировича, спустя три года после его смерти¹³. Вышло это действительно несколько странно.

Дело в том, что переписка между мною и Кузнецовым прервалась вскоре же по приезде моем в Якутск, так что я не имел о нем никаких сведений. Конечно, я бы мог узнать о его смерти из газет, но с ними знакомлюсь поверхностно, так как о важнейших событиях мы узнаем здесь по агентским телеграммам; газеты же получаем спустя месяц по их выходе, а в распутицу даже и через три месяца. Причину последнего — мы живем от Вас более чем в 9000 верстах. При таком положении и само-то чтение газет становится малоинтересным.

Уезжая из Москвы, я условился со Стефаном Кировичем, что буду писать ему подробно о всех своих научных занятиях; последние же, по нашим общим планам, должны были вестись возможно в большем масштабе.

Но вот едва я добрался до Якутска, как все мои планы расстроились: оказалось, что в коммерческой деятельности моего отца, на которого я возлагал в материальном отношении большие надежды, постигла полная неудача, я же оказался в таком положении, что о какой-либо научной работе нечего было и думать. К тому же еще место заведующего музеем, на которое меня приглашали из Москвы, оказалось занятым, а открытие отдела И.Р. геогр. о-ва, где я должен был занять должность правителя дел, почему-то замедлилось. Пришлось поступить на должность архивариуса Як. обл. управления с вознаграждением в 87 руб. в месяц.

Очевидно, что при таком положении приходилось больше думать, как бы свести концы с концами, чем о какой-либо научной работе. Что мог я писать тогда Стефану Кировичу? Думаю, что, во всяком случае, не жалобы на свою судьбу. Когда я писал под его руководством диссертацию, он уделял ей особое внимание, не мало также времени потратил на то, чтобы приучить меня к самостоятельной работе; понятно же, что все это делалось совсем не для того, чтобы в результате получать письма о моих неудачах. Да и, говоря откровенно, едва ли он поверил им: просто счел бы за желание уклониться от работы; тем более, что мне неоднократно приходилось выслушивать его довольно-таки пессимистические взгляды на современную молодежь. На основании этих соображений, ответ свой на его письмо от 12 декабря 1912 г., полученное мною уже в 1913 г., я отложил до более благоприятного момента. В это приблизительно время, должно быть, умер Стефан Кирович; благоприятный же момент наступил только теперь, когда я могу сказать, что и я, хотя и немного, но сделал для науки.

По вступлении в должность архивариуса, я стал хлопотать о постройке нового здания архива и о том, чтобы в это новое здание были перевезены инородческие архивы, находящиеся в Якутской области, так как состояние последних заставляло желать многого. В результате як. губернатором Крафтом был представлен проект центрального архива в г. Якутске с надлежащими штатами. В первой же инстанции, т.е. у иркутского генерал-губернатора, наш проект застрял и дальнейшего движения не получил. Следующие якутские губернаторы к архиву относились безразлично; так тем дело и кончилось.

Видя, что Якутский архив привести в должный порядок невозможно, так как при нем нет даже теплого помещения для занятий, а между тем он хранит более 120000 дел исчезнувших (напр. Воеводская канц.) и существующих учреждений, я не нашел возможным предпринять ничего другого, как извлечь для опубликования наиболее ценные в научном отношении документы: при настоящем положении архива они в любой момент могут быть утрачены.

Работа эта отняла у меня около пяти лет. В результате — через некоторое время выйдет в свет моя первая книга «Акты архива Якутской области» (с 1650 г. по 180 г.¹⁴). Книга содержит более 300 стр., снабжена двумя указателями и 4 рисунками. Среди документов, напечатанных в ней и имеющих главным образом местный интерес, два будут иметь общее научное значение. Документы эти: «Инструкция ясачным сборщикам» и «Походный журнал сержанта Попова». Последний особенно интересен, так как описывает нравы, обычаи и религиозные воззрения Кюндягирьских тунгусов, в настоящее время отчасти вымерших, отчасти же совершенно обрусевших. Средства на издание дала местная Ученая архивная комиссия; книга выйдет в количестве 300 экземпляров. Один экземпляр я сочту своим долгом прислать Вам для библиотеки Археологического института.

Попутно с этим, я подготовлялся к работе по археологии. С этой целью я стал собирать различные старинные якутские предметы этнографического характера. Они попадались мне или совершенно даром, или же за бесценок, благодаря прежним деловым связям отца с якутами. Позднее же, когда я стал получать жалование уже 135 р. в месяц, то кое-что смог уделять на покупку более дорогих вещей. Таким образом, у меня составила довольно полная этнографическая коллекция якутских предметов, в которой, между прочим, есть много одинаковых.

Последнее обстоятельство навело меня на мысль поделиться своими приобретениями с Археологическим институтом. Я предполагаю, что теперь при нем имеется особое помещение для этого музея, в последнем же, наверное, собираются так же и предметы этнографического характера, — в таком случае прошу Вас оставить в нем маленький уголок и для меня, чтобы я мог время от времени присылать кое-что из своих коллекций и таким образом, хотя отчасти, в вашем музее будет представлена и Якутская область.

Для начала одновременно с этим письмом посылаю предметы снаряжения коня, предназначенного, чтобы везти якутскую невесту к её жениху; эти же украшения надеваются на коня и вообще во всех торжественных случаях. Немного позднее я пришлю украшения невесты; последние становятся потом обычными для каждой якутской женщины в праздничные дни. Еще позднее одежду, утварь и т.д. и т.д.

Если почему-либо присланное окажется Вам не интересным, то прошу передать эти вещи В.Н. Харузиной для помещения в Румянцевский музей, или где она сама найдет полезным.

Между прочим, разыскивая в Якутске старину, я натолкнулся в одном доме на интересную икону. На ней изображен Нерукотворный Спас, а сверху три благословляющих ангела. Письмо самое заурядное, да и по всем признакам не старое. Икона до того почернела, что, пока с нее не снят был лак, едва можно было что-либо различить. Ширина досок, дерево, на котором была написана икона, дали мне возможность заключить, что икона эта не местного происхождения. Удалив кусочек краски, я увидел золотой фон; становилось очевидным, что я имею дело с записанной иконой. Получив разрешение владельца «почистить» ее, я при помощи спирта и тупых стамесок осторожно удалил верхнее письмо. Нижняя икона оказалась несколько иного содержания: Спас Нерукотворный, но большего размера и, кроме того, его со всех сторон окружают святые с восьмиконечными крестами в руках, благословляющие, мне кажется, двуперстным знаменем. Выше, среди клубистых облаков, пронзенных золотыми лучами, виден Бог Отец с распростертыми руками. В иконе много золота и преобладающий фон красный.

В живописи вообще и, в частности, в иконописи я чувствую себя младенцем, но мне кажется, что эту икону писал не обыкновенный богомаз. Меня поразил Христос: не добродушный и кроткий, как на первой, а мрачный и мятежный старообрядческий Христос. Икона эта легко могла попасть сюда с севера Евр. России, так как первыми русскими поселенцами здесь были северяне, среди которых было много старообрядцев. Что же касается ее древности, то я думаю, что она писана после Никона, так как настойчивое подчеркивание особенностей старообрядчества мог допустить только протестующий иконописец, т.е. раскольник.

Быть может, я ошибаюсь, но, к сожалению, мне никогда не приходилось видеть в оригиналах старинную русскую иконопись.

За эту икону один приезжий художник давал мне 200 руб., но, не зная настоящей цены, я не рискнул ее продать. Не можете ли Вы, Александр Иванович, сообщить мне что-либо определенное о моей находке, а также посоветовать, кому я могу предложить ее купить и за какую приблизительно цену. Последнее для меня имеет особенное значение, так как по условию с владельцем, в случае продажи иконы, половину её стоимости он отдает мне. Таким образом, я имел бы возможность произвести несколько лишних раскопок, что при настоящем моем материальном положении не всегда возможно. Я чувствую себя крайне неудобно, отнимая у Вас время, но кроме Вас мне совершенно не к кому обратиться, поэтому, если возможно, не откажите. Посылаю фотографические снимки. Они очень неудачны, причиною чего, мне кажется, являются преобладающие в иконе кармин, красная краска и золото. Кроме того, должно быть от бокового освещения, особенно рельефно выделились трещины на краске, тогда как на оригинале они едва заметны; вообще икона сохранилась удивительно хорошо.

Относительно своих раскопок не сообщаю пока никаких подробностей, так как слишком мало их произведено, а потому о каких-либо выводах не может быть и речи. Скажу только, что мне удалось пока установить, что древние костюм и украшения якутов не имеют почти ничего общего с современными, которые здесь принято считать якутскими национальными.

Ныне летом предполагаю взять отпуск и совершить поездку по р. Олекме, на скалах которой имеются какие-то таинственные надписи; по возвращении же займусь раскопками ста-

ринных якутских могил, находящихся верстах в 15 от города, в Хоринском наслеге. Первое едва ли удастся, так как в настоящее время взять отпуск довольно трудно; второе же осуществимо и в служебное время. Для этого, места для раскопок я избирал в частных владениях и, входя в соглашение с владельцем, копал беспрепятственно. Теперь же мне придется иметь дело с общественными землями, почему необходим открытый лист. Прилагая при сем прошение, беру на себя смелость обременить Вас еще одной просьбой, — исхлопотать таковой для меня. Важно, чтобы он был выслан до апреля, в противном случае я получу его только к июню. Мой постоянный адрес: Якутск, Евфимию Дмитриевичу Стрелову. Прошу Вас передать привет Т.И. Троицкому. Извиняюсь за беспокойство, остаюсь Вашим покорнейшим слугою. Е. Стрелов. 15/XII 1916 г.».

Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 434. (Фонд А.И. Успенского). Картон 6. Д. 72. Л. 1–4.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, г. Москва.

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, г. Санкт-Петербург.

РА НА ИИМК РАН — Рукописный архив Научного архива Института истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург.

ЦИАМ — Центральный исторический архив, г. Москвы.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тан-Богораз В.Г. О работе Е.Д. Стрелова «Одежда и украшение якутки в половине XVIII в.» // Советская этнография. — 1937. — № 2–3. — С. 73–74; Степанова М.М. Историк-архивист, ученый-археолог Е.Д. Стрелов // Якутский архив. — 1962. — Вып. IV. — С. 95–101; «Считать постройку центрального архива — задачей экстренной» / Публ. Н.В. Шадриной // Якутский архив. — 2001. — № 1. — С. 14–17; «Уничтожение архивных дел... недопустимо ни под каким видом...» / Публ. А.А. Захаровой // Якутский архив. — 2005. — № 3. — С. 111–113; Пащенко Л.С. Историк-архивист, ученый-археолог Е.Д. Стрелов // Новосибирский архивный вестник. — 2009. — № 28. — С. 222–227; Степанова Н.С. Архивист, археолог, краевед Е.Д. Стрелов // Отечественные архивы. — 2011. — № 3. — С. 3–10.

² ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 3842. Л. 2.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 5.

⁶ Диссертациями в Московском археологическом институте именовались дипломные работы.

⁷ НА РС(Я). Ф. 376. Оп. 1. Д. 3842. Л. 2.

⁸ Смирнов А.С. Третейский суд о Томском могильнике // Вестник Томского государственного университета. — 2013. — № 369. — С. 96–103.

⁹ Стрелов Е.Д. Акты архивов Якутской области (с 1650 г. до 1800 г.). — Якутск, 1916. — Т. 1.

¹⁰ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1148. Л. 1–2.

¹¹ ОР РГБ. Ф. 434. Оп. 1. Карт. 6. Д. 72. Л. 5.

¹² РА НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1917. Д. 49; Императорская археологическая комиссия (1859–1917). Приложение. — СПб., 2009. — С. 139.

¹³ С.К. Кузнецов скончался 13 августа 1913 г.

¹⁴ Так в тексте — «180 г.», правильно «1800 г.».

Письма М.В. Серошевской (1882¹–1964) отцу Вацлаву Серошевскому

При анализе материалов к своей диссертационной работе, мною установлено: в статье под титулом «Вацлав Серошевский. Письма из Сибири» автора Барбары Коцувны² упоминается, что в личных архивах Серошевского находятся 24 письма дочери Марии от якутской жены Анны Слепцовой, датированные 1929–1933 годами, и что Серошевский в дневниках делиться мыслью о том, что возможно дочери было бы лучше, если бы он ее не вырвал из среды матери, в которой она могла бы быть лучшей из лучших³.

Оригиналы 24 писем Марии Вацлавовны Серошевской находятся в отделе рукописей Государственной библиотеки Польши в Варшаве. Хроноло-

гический уклад писем составлен мной (*К.Т.*), основан на анализе содержания писем и на имеющихся в литературе данных, касающихся Вацлава Серошевского⁴.

Письма в целом, видимо, в хорошем состоянии, оригинал на руки не выдают, работала с фотокопиями.

На руки по личной просьбе выдали оригинал одного письма (которое я не смогла прочитать с фотокопии), весьма ветхое, написанное карандашом. Письма в большинстве написаны чернилами.

Формат писем: некоторые написаны на тетрадных листках, другие – на обратной стороне почтовой открытки (четверть формата А4), также и на отдельных листках для писем

(половина формата А4).

Ссылка на библиотечную сигнатуру (данные на август 2012 года).

В книге Анджея Серошевского (внука писателя) как год рождения Марии Серошевской указан 1882 г., что не совпадает с датами на могиле Марии Серошевской (1879)⁵. Ошибочность года рождения на могиле явственна, так как Серошевский был арестован в Варшаве в 1879 г. и прибыл в Якутию только в 1880 г. В Верхоянске в конце года Серошевский знакомится с якуткой Анной Слепцовой (Чалба кыыһа) – младшей сестрой жены политссыльного Яна Заборовского. И в 1882 г. у них родилась дочь Мария. В июне 1883 г. из-за попыток организовать побег

Серошевского переводят в отдаленное село Андылах. Позднее, в 1884—1885 гг., он пребывает в селе Ёнжа (ныне Эбях) Среднеколымского улуса. В 1885—1887 гг. стараниями сестры Паулины Серошевского переводят на поселение в Байагантайский улус.

В возрасте 5 лет (1887) Мария с матерью Анной покидают Верхоянск для встречи с Серошевским. Вскоре по прибытии в Кангаласский улус мать умирает (туберкулез и пневмония).

С 1887—1892 гг. Серошевский с дочкой живет в Намском улусе. В 1890 г. Серошевский в письме информирует сестру Паулину о получении официального царского разрешения дать фамилию Серошевская дочери Марии.

В возрасте 10 лет (1892) Мария с отцом покидают Якутию и переезжают в Иркутск.

Вацлав Серошевский выезжает из Иркутска в 1894 г., оставив дочь на попечении Фелиции и Станислава Ланды⁶. В Иркутске Мария находится в постоянном контакте с политссыльными, впоследствии считает их своим кругом и поддерживает с ними контакты, в письмах перечисляет фамилии.

В статье Михала Ксенжка, который нашел могилу Марии Серошевской на Новодевичьем кладбище в Москве, написано о воспоминаниях Марии Жилинской, подруги первой сочинской учительницы: «...из Сибири в школу Марии Быковой в Сочи привезли на воспи-

тание 14-летнюю дочь политссыльного Серошевского...» в 1897 г.⁷

В письмах Серошевская часто вспоминает Кавказ, возможно, имея в виду пребывание в школе Быковой⁸. Вероятно, что именно в Сочи она познакомится с матерью художника Валентина Серова и с его сестрой Надеждой, с которыми впоследствии останется в контакте до конца жизни. Мария была похоронена в одной могиле с Серовой Валентиной Семеновной.

В письме №10 от 15 мая 1931 г. отмечается некая Надя, которая ухаживает за ней во время приступов малярии, возможно, имеется в виду дочь Валентины Серовой. Из содержания писем Мария характеризуется образованной, заботливой и одинокой женщиной, с весьма ограниченным кругом общения.

В 1906 г. Серошевский совместно со своей сестрой Паулиной пробуют перевести ее в Польшу, но Мария, закончившая к тому времени бухгалтерские курсы, не решается на переезд и остается в Москве. Боясь эмиграции, в письме 1929 г. снова отказывается от переезда.

В книге Анджея Серошевского⁹, указано что известный польский социолог Людвик Кжывицки примерно в 1908 г. в Москве в семье Ланды познакомился с Марией и вспоминал ее как очень умную, тогда ещё не говорившую по-польски, но «очень любящую своего

отца» девушку. Письма подтверждают ее трепетную связь с отцом.

Известно, что в 1914 г. Мария (32 г.) посетила отца в Париже. В 1910—1914 гг. семья Серошевских жила в Париже, там она знакомится с супругой писателя Стефанией и с его маленькими еще сыновьями.

Серошевский женился на Стефании Мянговской в ноябре 1899 г. и от брака было три сына. В письмах появляются сокращенные имена ее братьев по отцу: Владислав — Владя (1900—1996), его жена Богуслава — Бася, Станислав — Стася (1902—1967) его жена Мария — Марыня и младший Казимир — Казя (1904—1946).

Строки из письма №3 от 23 декабря «...*Ведь пятнадцать лет мы с тобой не видались...*» указывают на 1929 г. Кроме того слова «...*Как ты съездил? Я когда узнала, что ты поедешь в Америку...*» подтверждают 1929-й — год поездки Серошевского в Америку представлять Польшу на 150-летию со дня смерти Казимира Пулавского¹⁰ в Америке.

Польша после выхода из состава России в 1922 г. находится в междувоенном периоде. Соратник Серошевского Юзеф Пилсудский возглавляет независимую Польскую республику. 15 июня 1931 года СССР и Польша заключили Договор о дружбе и торговом сотрудничестве. 25 января 1932 года СССР и Польша подписали Договор о ненападении.

Шестнадцать лет спустя у отца с дочерью происходит по-

следняя встреча, летом 1930 г. Во время визита в Польшу Мария Серошевская пребывает в Варшаве и в городе Гдыня на вилле Серошевских под названием «Кадрувка»¹¹, в которой сейчас находится частная гостиница над Балтийским морем.

После посещения семьи Серошевских, 48-летняя Мария начинает называть супругу Серошевского матерью, что весьма знаменательно, перед этим она мало упоминает членов семьи отца в письмах, хотя уже была с ними знакома. Примечательно, что после визита переписка активизируется (9 писем в 1931 г.). Делится: «...моя мечта проводить с вами мои отпуска ежегодно...», очень тепло вспоминает пребывание в Кадрувке.

Осознает языковой и ментальный барьер. В письмах Мария указывает о доминации русского воспитания, подчеркивает, что не чувствует себя ни полькой, ни якуткой. Возможно именно это явилось одной из причин отказа переехать в Польшу в 1906 г., несмотря на то, что ей уже предлагалась работа в редакции газеты «Правда» и были высланы деньги на дорогу до Варшавы. Не решается изменить судьбу и в последующие годы.

Личность Марии Серошевской может привлекать внимание и в связи с тематикой смешанной идентичности, весьма сложной категории в науке, которая требует глубоко анализа в современное время. Данная тематика также весьма ак-

туальна и для Якутии и в контексте саха диаспор по всему миру.

Могу добавить, что вопросы этнической идентичности и самоидентификации в смешанных браках в целом изучены недостаточно, хотя в последние три десятилетия эта тема привлекает все большее внимание ряда исследователей. Это в значительной мере обусловлено спецификой понятий «этническое» «этническая группа», «этничность» в разных научных школах и в разных странах. В последние десятилетия в США и Европе преимущественное внимание уделяется проблемам мультикультурализма и связанным с ними вопросам смешанных браков. Однако это явление чаще всего рассматривается как межкультурное взаимодействие, включая межконфессиональное, межэтническое, межрасовое. Последние становятся объектом пристального внимания, особенно в США (см., например, Root, 1992; Winters, Debose, 2002; Parker, Min Song, 2001, Romano, 2003). В Советском Союзе предметом исследования становились преимущественно межнациональные (межэтнические) браки — динамика их численности, распространенность, причины вступления в брак и пр. [Сусоколов, 1987, Сусоколов, 1990; Терентьева, 1974]. В целом в отдельных странах сложилось свое понимание смешанных браков, в фокусе изучения оказывались наиболее актуальные их вопро-

сы (о некоторых исследованиях более подробно см.: Галкина, 1989. С. 11–19). В последние годы внимание российских исследователей, а также ученых из стран СНГ также стали привлекать проблемы мультикультурализма и новые аспекты изучения межэтнических браков, а также межрасовых и межконфессиональных отношений, которые в СССР почти не изучались (Винер, 1998; Пономарев, 1989; Крылова, Прожогина, 2002; Крылова, Прожогина, 2004; Лебедева, Лунева, Стефаненко, 2004; Полиэтнические общества, 2004) и др.

Годы писем Марии Серошевской, по воле судьбы, приходятся на сложный переходный период в СССР. Переход от НЭПа к индустриализации и коллективизации. Переход от Ленина к Сталину. Эпоха «великого перелома», начало первой пятилетки — первого пятилетнего плана развития народного хозяйства (1929–1933).

С началом индустриализации резко снизился фонд потребления, и как следствие, уровень жизни населения. К концу 1929 г. карточная система была распространена почти на все продовольственные товары, но дефицит на пайковые товары по-прежнему оставался, и для их покупки выстраивались огромные очереди.

Все эти объективные данные отражаются в письмах Серошевской, кроме того вполне становится объективной ее «боязнь» понятия «деревни»

вообще, будь то русская или польская (письмо №1).

Можем предположить, что в результате происходящей в стране ликвидации частнотоварных форм хозяйства, Мария теряет работу, о чем сообщает в последнем письме от 1933 г.

Дальше пока не известно, как сложилась судьба Марии, как она пережила войну и чем она занималась до смерти в 1964 г. Возможно, появятся новые данные.

Очевидно, что моих земляков интересует последующие

ее отношения с Якутией. Но жизнь распорядилась так, что она в возрасте 5 лет, потеряв мать, покидает навсегда Якутию и якутскую культуру и не приходит к польской культуре...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В кн.: «Archiwum literackie» Т. 8. Miscellanea z pogranicza XIX i XX w. Wrocław 1964. str.383-424. На странице 386.

² Sieroszewski W., *Pamiętniki*, s. 278, 294-295, 429-447 oraz rkps BN sygn. akc.7310, t.5.

³ Sieroszewski A. *Słowo i czyn. Życie i twórczość Wacława Sieroszewskiego*. Warszawa-Wrocław 2008. s. 46.

⁴ Sieroszewski Wacław. *Pamiętniki*, s. 278, 294-295, 429-447; Рукописи Вацлава Серошевой в Национальной библиотеке Польши — rkps BN sygn. akc.7310, t.5.; Sieroszewski Andrzej, *Słowo i czyn. Życie i twórczość Wacława Sieroszewskiego*. Warszawa-Wrocław 2008.

⁵ <http://rosgenea.ru/?alf=18&serchcatal=4http://uhhan.ru/news/2013-02-15-7177-987>, <http://sochived.info/m-v-seroshevskaya/>, <http://sochived.info/m-v-seroshev-skaya/>.

⁶ <http://slovari.yandex.ua/~>.

⁷ <http://wspolnotapolska.org.pl/wydarzenia/maria-sieroszevska-odnaleziona/>.

⁸ Основанная в середине 1880-х как деревня Кузьминка, переименованная вскоре в Волковку. Первопоселенцем в селе была русская писательница, первая сочинская учительница Мария Арсеньевна Быкова (ур. Богданова) (рассказы «Саранча» и «Хомяк»), купившая весной 1885 г. участок и построившая дом. Она умерла 3 февраля 1907 г. и похоронена здесь же. Она в сотрудничестве с Валентиной Семёновной Серовой (матерью художника В.А. Серова), её дочерью Надеждой и Тиной Белоярцевой, приехавшими в 1898 г., организовала школу, своеобразную колонию, для крестьянских детей, воспитанники которой одновременно и учились, и зарабатывали пропитание физическим крестьянским трудом.

⁹ Sieroszewski Andrzej, *Słowo i czyn. Życie i twórczość Wacława Sieroszewskiego*. Warszawa-Wrocław 2008. s.50.

¹⁰ <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.

¹¹ <http://kadrowka.nocowanie.pl/>

Вступительная статья, публикация документов и примечания подготовлены докторантом Варшавского университета **К.Р. Такасаевой**.

Письмо № 1

(033-036)*

Москва, Больш. Путинковский пер.,
д. №7, кв. 13
13/IV**
(1929 год – К.Т.)

Дорогой папа!

Я только собиралась тебе писать, когда получила твое письмо. Насчет денег не беспокойся, пока они не очень нужны, ведь теперь я служу, значит жить есть на что, и за мебель я выплачиваю по мере возможности.

Меня твое письмо тронуло и удивило. Спасибо тебе и всем вам за заботу обо мне, но дело в том, что я ни одну минуту не думала о жизни в Польше, ведь это для меня было бы все равно как эмиграция. Правда, мне очень хочется всех вас повидать, и может быть, для меня трагедия, что здесь нет никого близких ни с твоей, ни с матери стороны, но меня так же не тянет в Якутию. Ведь я выросла и воспиталась в России, и Москву я люблю, и привыкла, так что не хотела бы ни в какой другой город переезжать, где нет у меня ни знакомых, ни друзей, и в деревне русской жить бы не хотела. Я себе представляю, как бы я чувствовала себя в Польше, в деревне, как в изгнании среди враждебной и чуждой среды для меня.

Вероятно, из моих писем, что я хочу всех вас видеть, ты вынес ложное заключение. Здесь некоторые поляки тоже часто меня спрашивали, почему я в тяжелые — голодные годы — не уехала в Варшаву. Когда Л. уезжали в Варшаву, звали меня с собой, но я сказала: «одна голова не беда, не пропадет», а ехать в чуждую среду я не хочу ни для себя, ни для окружающих. Ведь я с вами никогда не жила, и может быть это будет плохо и для вас, и для меня. А пропасть с голоду и здесь не пропаду, да и вообще мне не так плохо живется, как ты думаешь. Правда, жизнь моя была сильно связана со старыми ссыльными, а они понемногу умирают, но есть еще и более молодые друзья. На счастье ко мне многие хорошо относятся и заботятся, иначе я бы не могла устроиваться с работой и с комнатой. Так что, милый папа! Ты не очень волнуйся о моей судьбе.

Помнишь, ты много лет тому назад писал мне, чтобы я выросла хорошим человеком, русским. Выросла я правда русской, не знаю только хорошей ли. Правда, я не такая патриотка, как многие русские, это я почувствовала во время войны, когда всех охватил патриотический жар и ненависть к немцам, и все бросились в сестры милосердия и всячески помогать войне, а меня все это возмущало и угнетало, было только безумно жаль жертв войны. Вообще я к человеку подхожу без всякого национального подразделения. Здесь теперь у нас сильно чувствуется глухая ненависть к евреям, а сколько прекрасных евреев я знала в своей жизни.

Значит вместо того, чтобы писать более подробно о себе и своей жизни, вы ломаете голову, как бы меня перетащить к себе. Ну, это напрасное занятие.

Посылаю тебе вырезку из газеты о твоей книжке, я только не понимаю, зачем им понадобилось переводить вещи, которые были на русском языке или «Заморский дьявол» не был на русском? Ведь это «Ol-soni-kisan» (Ol-Soni-Kisań) или что-то другое?

Ну, до свидания, обнимаю крепко, привет от меня всем.

Твоя М.С.

* Нумерация фотоархива.

** В письмах не проставлены года. Хронология писем составлена мной (К.Т.), опиралась на содержание писем и на имеющиеся данные в литературе, касающиеся Вацлава Серошевского.

Открытка № 2

(001-002)

Москва, 6/VI

*(На этой открытке просматривается штамп почты 1929 года — К.Т.)**Дорогой папа!*

Что-то давно нет от тебя вестей. Получил ли ты мое письмо, в которое я вложила вырезку из газеты о выходе в переводе твоих китайских рассказов. Я тебе нарочно послала рецензию. Я удивляюсь, зачем переводили вещи, которые были уже по-русски? Я служу и здорова. Вы все, вероятно, на лето куда-нибудь выедете? А у меня теперь самая горячая работа, а осенью опять загуляю. Сейчас я только по субботам уезжаю к знакомым на дачу, вот только эти дни очень холодно и дождливо, да и вообще весна была плохая, да и лето не радует. Приехала из Палестины Ревекка Абрам. Помнишь: мы с тобой у неё были в Париже; она очень много интересного рассказывает о Палестине. Она тебе кланяется.

Ну, до свидания, привет всем, жду письма. Обнимаю крепко.

Твоя дочка.

Письмо № 3

(76-079)

Москва — 6. Б. Путинковский пер., д. №7, кв. 13
23/XII
(1929 год — К.Т.)

Дорогой папа!

Ты, вероятно, уже в Варшаве, а я все не могу попасть к тебе.

Видно, я не смогу приехать. Так мне это обидно. Так я мечтала всех вас повидать и моих московских приятельниц. Я тебе послала твою книгу и рецензию на нее, кроме того, мою фотографию, на которой я выгляжу очень комплектной особой, правда, я последние годы пополнила, но не так как на карточке. Как ты съездишь? Я когда узнала, что ты поедешь в Америку, меня очень это обеспокоило, так как ты, кажется, плохо переносил океан, но в то же время я радовалась твоей подвижности и энергии. Как тебя на все хватает. Ужасно бы я хотела тебя повидать. Ведь пятнадцать лет мы с тобой не видались, и столько пережили за эти годы.

Много близких людей поумирало или уехало. А новых друзей трудно заводить в эти годы, как-то чем старше становишься, тем труднее сходишься с людьми.

На днях меня отыскала одна дама, которая знала тебя по Намскому улусу, она с восторгом вспоминала то время и тебя и просила передать тебе привет от Анны Давыдовны Скудиной. Помнишь ли ты ее? Сейчас она живет в Тифлисе и просила мне написать ей туда. Адрес мой ей дал Пекарский, который, говорят, помнит меня и интересуется моей судьбой, а я его что-то совсем не помню. Здесь я из старых якутян встречаю: Терешковича, Брамсона и Студзинского, последний сейчас серьезно болен, какая-то опухоль. Время от времени я бываю в [обществе] политкаторжан, когда там какие-нибудь воспоминания, а чаще всего похороны, так как старики один за другим уходят; летом хоронили Мих. Вас. Муратова, помнишь Горячинское, Забайкалье? Фан. Абрам. стала совсем маленькая, худенькая, да она никогда и не была большая. Брат ее Мих. Абр. живет в Одессе и иногда приезжает сюда.

Сейчас я здорова, так как подморозило и стало суше, перед тем стояла отвратительная погода: тепло, слякоть, а это хуже всего для меня. Болел бок, и начались невралгические боли в голове так, что я еле ходила на работу.

Сейчас мы перешли на непрерывку, т.е. контора наша не закрывается совсем, а только каждый служащий имеет свой выходной день. Четыре дня работает, а на пятый отдыхает, но плохо то, что за то время, как ты свободен, твоя работа лежит, значит после свободного дня приходится спешно ее гнать, а кроме того в выходной день секретаря мне приходится отчасти замещать его, чтобы проводить срочную работу, значит получается нагрузка. Свой свободный день я провожу в том, что убираю комнату и готовлю обед на несколько дней. В столовки я перестала ходить: вегетарьянский стол стал хуже из-за нехватки жиров, а в других столовых или плохо, или дорого. Словом, не видишь, как время летит, и тут у нас и в работе начинается самая горячая пора.

Ну, пока, до свидания, привет всем от меня. Обнимаю крепко.

Твоя М.С.

Письмо № 4

(049-052)

*Москва — 6, Больш. Путинковский пер., д. №7, кв. 13
19/IV
(1930 год — К.Т.)*

Дорогой папа!

В ожидании свидания мы совсем перестали переписываться, правда, я тебе писала в декабре — январе и ответа не получила, но потом все ждала, что вот-вот получу разрешение; я уже два раза получила отказ, но все что-то думаю добиться...

Так хочется вас всех повидать, что ты себе не можешь представить, а вот сяду писать письмо, то нечего писать, больно давно не видались, больно много пережито разного, чего не возможно связно написать, да я как-то с годами совсем разучилась писать. В юности я много получала писем со всех концов света и из далекой Сибири, и с юга, и севера, и из-за границы, а сейчас сама не пишу, да и всех как-то потеряла за эти годы из виду или поумирали.

Да и жизнь наша совсем изменилась, и трудно ее в двух словах описать, да и вашу жизнь теперь я себе не представляю.

Карточка твоя мне страшно нравится, мне кажется, что ты с нее как живой смотришь на меня, а книга твоя хоть и интересна мне, но какая-то чужая, и не чувствую в последних твоих вещах тебя, может быть, потому что это не те темы, что в твоих сибирских или японских вещах. Хотелось бы больше современных тем. Если я не приеду, ты может пришьешь что-нибудь интересное о современной жизни в Польше, меня это ужасно интересует. Я всегда читаю все, что встречается о Польше, но трудно понять из газетных статей, что у вас там делается, как и всем, вероятно, понять нашу жизнь.

Жизнь наша несется колесом, а с введением пятидневки еще скорее, работы много так, что не видишь, как время летит на службе, успевай только поворачиваться, хоть сейчас у меня самая жаркая пора отошла, и я могла бы пойти в отпуск.

Если не смогу попасть к тебе, то думаю осенью поехать в Сочи. У меня в этом году будет целый месяц, так как я в прошлом году не использовала его.

Вы летом, вероятно, опять будете у себя в домике. Зима у меня прошла скверно и относительно здоровья, и вообще всего. Сейчас я сижу дома с больной ногой (у меня сегодня выходной

день), дело в том, что я в феврале сильно ушибла ногу, но не обратила внимания и теперь недели две тому назад обратила внимание, что у меня опухоль на голени и чувствительная, стала класть на ночь компрессы, опухоль как будто меньше, но появилась краснота. Доктор говорит надо покой, а приходится ходить на работу и двигаться по дому. Отпуска пока не дают. Может быть надкостница или нарыв. Такая гадость! Но может и обойдется.

Ну, пока, до свидания, привет всем. Обнимаю крепко.

Твоя М.С.

Открытка № 5

(003-004)

Москва 6,
Бол. Путинковский переулок [д.] 7, кв. 13
16/V
(На открытке штамп почты 1930 года — К.Т.)

Дорогой папа!

Наконец-то я получила паспорт, но не могу, к несчастью, сейчас же выехать; у меня сейчас много работы, и я раньше середины июня или даже конца июня не могу получить отпуска. А так бы хотелось всех вас скорее увидеть. Напиши мне, когда тебе удобно, чтобы я приехала. Застану ли я всех вместе, или на лето разъедутся? Отпуск у меня месяц. Жду не дождусь, когда я увижу всех. Я тебе писала два раза в эту зиму, ни одного письма не получила. Ответь мне скорее. Перед тем я все хворала, а сейчас на радостях, кажется, все прошло.

Ну, до свидания, до скорого свидания.

Твоя М.С.

Открытка № 6

(005-006)

Москва 6,
Бол. Путинковский переулок, д. 7, кв. 13
26/V
(1930 — К.Т.)

Дорогой папа!

Я 16 мая получила паспорт и на радостях послала тебе (кажется) незаграничную открытку, и, конечно, она не дошла до тебя, так как до сих пор нет от тебя ответа. Дело в том, что я, конечно, хотела выехать как можно скорее к вам, но меня со службы из-за работы отпускают не раньше второй половины июня, а может начала июля. Я надеюсь вырваться после 15-го июня. Напиши, как тебе удобнее, чтобы я приехала, крайний срок моего выезда по паспорту до 15 августа. Я, конечно, мечтаю скорее увидиться. Я, было, всякую надежду потеряла, а теперь на седьмом небе от радости.

Обнимаю крепко, до скорого свидания. Привет всем.

Твоя М.С.

Открытка № 7

(007-008)

Москва 6,
Бол. Путинковский переулок, [д.] 7, к[в.] 13
27/І
(На открытке штамп почты 1931 года — К.Т.)

Дорогой папа!

Поздравляю тебя и мать со внуком! А Басю и Владю с дочкой! Желаю, чтобы она росла хорошая и здоровая!

Из твоей открытки вижу, что ты моего последнего письма от середины января не получил, где я писала подробно о посылках, о чем я справлялась на почте в иностранном отделе. Там нет указания, что можно только один раз в году одно и тоже. Сказано только, что посылки может быть в 5 или в 10 кг. и в одной посылке однородного продукта 5 к. значит можно 5 рис и 5 к. что-нибудь молочное (масло, сыр). Впрочем посылай, как тебе удобнее. Вообще же, мне не хочется тебя беспокоить, так как я сейчас работаю. Значит могу себя содержать. Сердце лучше, только иногда бывают припадки и не так сильно и часто.

Обнимаю крепко, привет всем. Твоя М.С.

Письмо № 8

(009-012)

Москва. 6.
Бол. Путинковский переулок, д. №7, кв. 13
26/ІІ 31 г.

Дорогой папа!

Посылку твою получила, очень тебе благодарна, но только мне очень совестно, что я тебе столько хлопот доставляю, ты и так очень занят, а тут еще возишься с посылками для меня. Оказывается твоя правда, что многие сорта продуктов можно посылать только [по] пять кило в год. Повестку на посылку я получила 22-го февр., но не могла пойти, так как у меня болела рука (ревматизм). Сейчас почти не болит, только осталось затрудненное движение. Самое главное, я боялась, что не смогу работать, но кое-как ходила и писала, дело в том, что я теперь работаю над составлением ведомости на жалование художникам и значит никак с этим запаздывать не могу, меня тогда сто с лишком человек съедят. Они и так мне морочат голову, публика совсем не дисциплинированная и безденежная, настоящая богема. То просят выписать, когда я не могу это сделать, или выпишешь, так они не приходят, и приходится за ними бегать, чтобы они пошли в кассу и получили деньги. Дело новое и интересное. У нас в комнате происходит выдача и приемка работ по трем цехам: росписка и вышивка подушек, ковров и разных шарфов и шалей, художественная ручная вышивка знамен.*

Народ большею частью молодой, шумливый, так что к концу дня у нас пухнут головы от шума. Кроме того рядом происходит выставка картин и скульптуры. Вообще Всеросс. Кооперативная организация художников недавно организовалась, и как все у нас, идет страшно быстрым темпом вперед так, что ни помещения, ни людей не хватает. Дело очень интересное совсем в другом роде, чем я раньше работала. Там было мало народу и хоть усиленная работа, но строго распределенная, а тут как новое дело еще как следует не организовано, и приходит-

* Вероятно, роспись. — ред.

ся многое самой приводить в порядок и систему. Я радовалась, что мне недалеко ходить, но так как помещение малó, то ищут новое помещение для цехов, то боюсь, что переедем куда-нибудь подальше, так как в центре все занято.

Сердце мое совсем уgomонилось, и припадki прекратились так же неожиданно, как начались. Совершенно не понимаю с чего начались. Сейчас, конечно, после усиленной приемки салицилки неважно, но припадki не повторяются.

От тебя давно не было писем, последняя открытка была о рождении внучки. Ну, как она поживает, как ее зовут? Как здоровье мамы и Баси? Вообще, как вы все поживаете? Хорошо, что я в прошлом году видала всех вас, теперь бы это, говорят, ни в каком случае не удалось бы. В Сочи, вероятно, тоже не удастся поехать, так как я недавно служу, и отпуск мой будет поздно осенью и только на две недели, куда на такой короткий срок сможешь поехать

Ну, до свидания, спасибо еще раз. Напиши ради бога, хоть открытку, я знаю, что тебя, бедного, замучила переписка разная, но мне хочется знать, хоть кратко, как вы живете.

Привет всем, обнимаю крепко

Твоя М.С.

Письмо № 9

(041-044)

Москва — 6, Бол. Путинковский пер., д. 7, кв. 13
4/V

(На конверте (059-060) штамп почты в Варшаве 9.V.1931 года — К.Т.)

Дорогой, родной папа!

Ужасно я вчера обрадовалась, получивши твое письмо, а то меня последнее время брало большое беспокойство, что нет от вас вестей, я ужасно боялась, что ты серьезно расхворался. Пожалуйста, пиши хоть коротенькие открытки, что ты здоров и все благополучно, или хоть кто-нибудь из вас напишет открытку, ведь вас там много, а открытку не трудно написать, а написанное я всегда пойму, только трудно мне ответить по-польски. Я знаю, что ты страшно загружен писанием писем и вообще писанием. В прошлом году я в этом воочию убедилась, но мне всегда так отпадно получать вести от вас. За посылки тебе тоже большое спасибо. Ты знаешь, они мне почему-то напоминают детство, когда ты в Иркутске возвращался откуда-нибудь поздно вечером и клал мне под подушку шоколадку или какую-нибудь вообще сладость. Если я утром ничего не находила, то огорчалась тем, что ты обо мне не вспомнил или тем, что нет сладости. По правде сказать, и сейчас я не могу разобрать, что в этом превышало, так как и сластена я была порядочная, и любила тебя очень. Помнишь, как я к тебе бегала в музей, где ты работал, чтобы ты мне показал интересные вещи, а ты сердился, что я тебе мешаю заниматься. Вообще, я тебе в детстве много забот и хлопот доставила, но и теперь видно это не оставила.

Ты пишешь о Кадрувке; завидую вам, что вы опять все там соберетесь, а моя мечта проводить с вами мои отпуска ежегодно, конечно, не осуществима, говорят, что в этом году мне не удалось бы повидаться. Как я рада, что это сделала в прошлом году, а в этом году только люблюсь фотографиями, которые вставила в одну большую рамку и поставила перед собой на столе.

Надеюсь, что, когда будете в Кадрунках, сниметесь и пришлете мне. Главное внучку, я с ней еще не знакома, как ее зовут?

Привет всем! У нас тоже хорошая весна. Посылку я еще не получила, когда получу сообщу. Летом, если можно будет, то пришли 1½ к. кофе в зернах, но жареных (сырые не позволяют), то, что я привезла, у меня кончается, а мне это иногда бывает прямо необходимо, когда бывает не хорошо с сердцем, а кроме того я вообще привыкла пить по утрам кофе; ½ к. какао, я его иногда пью, когда нет обеда или ужина и, если не испортит кофе и какао, какой-нибудь жирной, копченой колбасы немного. Вот как я стала бесцеремонно действовать, сама пишу, что прислать. Но только, если все это не затруднит тебя и будет возможно. Прости за беспокойство и хлопоты. Еще раз спасибо за все, и привет всем.

Обнимаю крепко, будь здоров и хорошенько отдохни, главное пораньше уезжай из Варшавы. Я буду иметь отпуск в начале августа и буду где-нибудь под Москвой у знакомых, для юга мало времени, имею только две недели.

Твоя М.С.

Открытка № 10

(053—054)

*Москва Б. Путинковский, [д.] 7, кв. 13
15/V
(1931 — К.Т.)*

Дорогой папа!

Посылку твою я получила в полном порядке, а главное, меня поразило, что не испортилось масло, так как посылка пришла 7-го, а мне ее смогли получить только 13-го, так как я сама была больна и не могла ехать. Вдруг мне через 27 лет [о себе] напонила кавказская малярия, было четыре припадков с интервалами через день, главное нехорошо с сердцем, и я ослабела. Сейчас я встала с постели, но еще не выхожу. Хорошо, что сейчас тут Надя, и она ухаживала за мной. Она тебе очень кланяется и вспоминает ваши путешествия в горы. Посылка твоя пришла кстати, чтобы восстанавливать мои силы. Большое спасибо, не знаю, получил ли ты мое последнее письмо. Напиши открытку. Привет всем. Еще раз благодарю.

Твоя М.С.

Письмо № 11

(069—070)

*Москва — 6, Бол. Путинковский переулок, д. №7, кв. 13
29/IX
(1931 — К.Т.)*

Дорогой папа!

Я была очень тронута, что вы все там меня вспомнили в последний день пребывания на Кадровке.

Сейчас ты в Варшаве, вероятно, опять закрутился в делах.

Ты себе не можешь представить, как я рада, что я вас всех повидала, и мне кажется, что я мало воспользовалась этим свиданием, мало было общения, конечно, мне мешал язык и то, что я давно со всеми не видалась, а мальчики выросли во взрослых людей, в общем они все мне понравились.

Вообще же, все это мне кажется сном, и только вещи убеждают, что это была действительность.

Не знаю, какая у вас погода?

А у нас стоят хорошие дни, но я как-то в свои свободные дни не могу выбраться за город, мешают домашние дела, только утешаюсь так, что зато я ведь полтора месяца ничего не делала. На службе у меня работать стало немного легче, так как замещение мое кончилось, а горячка заготовки не началась, и потому я там совсем не устаю. У нас тут была повальная эпидемия гриппа, но я только отделалась легко так, что даже службу не пропустила: провалялась один выходной день, а на другой день пошла на работу, а сейчас совсем здорова.

Не знаю получаешь ли ты все мои письма? Я тебе писала последнее письмо с расчетом, что ты его получишь перед отъездом, но в вашей открытке ни слова об этом не упоминается. Вообще же ты, пожалуйста, сообщай об этом или если будет писать мама. Я ей очень благодарна, что она мне пишет, вот только я ей не могу отвечать.

Переехал ли Стась в Варшаву?

Мама обещала написать мне подробное письмо обо всех.

Вероятно, она сейчас тоже очень занята у себя в школах.

От приятельниц своих я ничего со времени отъезда не получала и не знаю, что у них делается, собираюсь написать им ругательное письмо.

Ну, пока, до свидания, привет всем большой.

Обнимаю крепко

Твоя М.С.

Письмо № 12

(064—065)

*Москва — 6, Бол. Путинковский переул., д. №7, кв. 13
13/X
(1931 год — К.Р.)*

Дорогой папа!

Спасибо за письмо, а то меня начало беспокоить твое молчание. О посылке не беспокойся, проживу я и без нее. Жаль, что твои материальные дела понизились, я так рада была за тебя, что ты лучше живешь. Поздравь от меня Стася и Марыню с дочкой! Как бы я была рада опять всех вас увидеть, но увы это теперь не скоро возможно. Говорят, что хорошо, что мне это удалось в прошлом году, а в этом году ничего не вышло бы. Будьте только все живы и здоровы, а свидеться, когда-нибудь свидимся. Пожалуйста, только не хвори. Я сейчас здорова, да и погода стоит хорошая. Малярия моя меня не оставляет, но повторяется только раз в месяц. Как раз в день получения твоего письма был сильный приступ, но один. Главное трудно уловить, так как приступы нерегулярны, и я не знаю, когда ми?лину принимать, а зря ее глушить не хочется.*

Ну, до свидания, обнимаю крепко, прости, что я так кратко пишу, да как-то в письме свою жизнь не расскажешь; в общем, я думаю, все живут в большом труде и стеснении материальном. Ты же всегда кипел и кипишь, как в котле, только бы твое здоровье не сдавало.

Большой привет всем от меня.

Твоя М.С.

* Не читается.

Письмо № 13

(071—072 (повтор)—075)

Москва — 6. Бол. Путинковский пер.,
д. №7, кв. 13
5/XII
(1931. — К.Т.)

Дорогой папа!

Прости, что я не сразу отвечаю на твое письмо. Дело в том, что я думала, что и посылка скоро получится, и тогда хотела сразу написать, но она что-то запоздала. Хотела тогда с своей стороны узнать новые порядки. Когда получу посылку, я сейчас же напишу. Большое спасибо за все ваши заботы. Я всегда бываю очень тронута и сконфужена, что я причиняю вам столько забот. В этом году у нас открылись магазины по дорогим ценам, где можно достать масло, колбасу, сыр, конечно, не такой, как у вас. Но беда в том, что там никогда ничего не застанешь вечером, идя с работы. Да и [товары] зимой в выходные дни тоже не всегда можно достать, так как большие очереди, а на морозе стоять не хочется. Просила я одно время доставать мою приятельницу, когда она и себе покупает, но теперь ограничили в количестве покупаемого так, что она достает только себе. Сейчас в ожидании твоего масла сижу без масла. А почему запретили грудинку, не знаю, но, к сожалению, у нас ее совсем я не достаяю. А сыр можно? Если можно, то если будешь посылать, то пошли. Из посылки я всегда кое-что уделю Владе, так как она получает очень маленькую пенсию и живет очень (?скудно?), иногда посылает посылку ее племянник (?Владик?). Но ее вообще очень трудно бывает уговорить взять что-нибудь. Я стараюсь иногда дать ей свой паек крупы, так как она мясо не ест, и своего пайка ей не хватает. Летом я ей давала чай и кофе, но еле ее уломала, но она заставила меня взять стоимость пошлины. Она очень постарела и стала очень худая и дряблая, так что за нее страшно, когда она ходит по улицам, что попадет под трамвай или автобусы. К сожалению, она живет далеко от меня, я не могу часто навещать ее. Старики все уходят из нашей жизни. Л??но умерли Евгения Николаевна (?Олжина?) (? последняя строчка не прочитывается, возможно перечисление имен. — К.Т.)

Все знакомые спрашивают и шлют привет.

Не хорошо, что ты стал хворать. Бедный Казимир, видно ревматизм больше (?ил) к нему пристал, что он так часто им хворает. [В] прошлом году он брал ванны, а в этом году он не лечился! Кончил ли он свои занятия? И что собирается делать? Как здоровье мамы? Внучка теперь в самом интересном возрасте, когда ходит и скоро начнет болтать, а как растет дочь у Стася? Они тоже в Варшаве. Какая у вас зима? У нас уже сильные морозы, но я пока чувствую себя хорошо. Ношу с благодарностью твою вязанку, у нас на службе холод. Но и я дольше (?проходила?) бы.

Ну, до свидания, обнимаю крепко, привет всем.

Твоя М.С.

Открытка № 14

(021—022)

Москва 12/XII
(1931 — К.Т.)

Дорогой папа!

Сегодня я получила твою посылку. Сейчас я ей ужинаю. Большое тебе спасибо. Получил ли ты мое письмо, написанное в начале декабря? У меня к тебе просьба: напиши, пожалуйста, не-

сколько теплых строчек (в моем письме) к Владе. Она, я тебе рассказывала и писала, очень отряхлела, похудела, живет ей трудно, так как у ней очень маленькая пенсия: Я и Лена Б. (дочь Сары Андреевны) помогаем, как можем. Я главным образом придираюсь к твоим посылкам и стараюсь дать и то, что ты не посылаешь, под видом от тебя, но она не хочет брать, что лишает этим меня, хотя я говорю ей, что ты просил уделить ей. Я ее очень люблю, и мне тяжело видеть, как она живет. Не забудь! Обнимаю крепко, привет всем.

Твоя М.С.

Письмо № 15

(080—083)

Москва — 6, Бол. Путинковский пер., д. №7, кв. 13
21/XII
(1931. — К.Т.)

Дорогой папа!

Поздравляю всех вас с приближающимся Новым годом!

Желаю всего хорошего, а главное здоровья! Как дела ревматические у Кази, неужели он все хворает? Я себя чувствую относительно здоровья хорошо, вот только с приближением конца года много работы, и я очень устаю и нервничаю, значит не сплю, но скоро я думаю главную работу сплавим, и я успокоюсь и буду спать. Я тебе недавно писала ответ на твое письмо относительно посылки. Дело в том, что я обычно твои посылки получала на 9-й—12-й день. А тут время идет, а повестки нет, наконец, 12 декабря я иду на почту и делаю заявление. Что до сих пор я такую-то посылку не получила. 19 декабря я вдруг получаю из «Торгсина» извещение на перевод 7 р. 55 к. от Гиршельд. Представь себе мое недоумение, так как я никакого Г. не знаю. Иду к Вд. он мне объясняет, что в Варшаве есть такой магазин, который вместо посылки сделал перевод, что проще, а только удержал, вероятно, за комиссию, что было бы проще, если бы ты сам сделал такой перевод. Я еще летом узнала об таком Всесоюзном объединении и хотела было тебе послать газетную вырезку да как-то было совестно, так как я не знала, как тебе удобнее, и боялась создать тебе опять лишнее беспокойство.

(обр?? 3/I 1932)*

У нас есть теперь такие магазины, где отпускают только на валюту. Где можно достать такие вещи, которые иначе не купить. Так вот я сегодня пошла туда и предъявила повестку, можно было открыть там заборную книжку, но я забрала все сразу. У нас ваш злотый на бирже стоит — 21 коп. с какими-то десятичными, вот вероятно из этого расчета, я и получила право купить на 7 руб 55 коп.

Купила я вот что:

Сливочного масла — 1 кило, сыру голанд, (конечно, не такой, как ваш, но хороший) $\frac{1}{2}$ кило, грудинки 400 гр. Зубную щетку, плитку шоколада, мыло туал. 2 куса, мыло простое 2 больш. куса (эти вещи были мне крайне необходимы, и я из-за этого хотела тебе писать о переводе денег на Торгсин), 2 лимона и немного яблок. Там можно покупать и носильные вещи, но я в этом отношении вполне обеспечена тобой еще с поездки. Вообще, теперь у меня все есть, и ты не беспокойся. В общем же такой перевод удобнее тем, что я тут беру то, что мне необходимо в данный момент. Только в переводе не надо указывать название предметов, а решает это получающий. Благодарю еще раз тебя и маму за заботу обо мне. Будьте здоровы, и сообщи о получении этого письма, хоть открыткой, чтобы я опять не повторяла этих

* В оригинале неразборчиво.

подробностей, которые тебе может и не интересны, но я думаю, что тебе хочется знать, что я получила.

Твоя дочь М.С.

Письмо № 16

(045—048)

*Москва — 6, Бол. Путинковский пер., д. 7, кв. 13
24/III
(1932. — Т.К.)*

Дорогой папа!

Что-то очень давно нет от тебя вестей! Последнее твое письмо было на Новый год. Как-то там вы все поживаете? Здоровы ли? Хорошо ли растут внуки? Боюсь только, здоров ли ты, всегда беспокойно, когда долго нет вестей, ты хоть бы открытку время от времени посылал и писал два слова, что все здоровы. Я знаю: ты всегда очень занят и завален корреспонденциями, но мне-то тоже очень хочется знать, как вы поживаете. На скорое свидание нет никаких надежд, так как жизнь все усложняется и не видать никакого просвета. Где вы будете проводить лето, если Кадрувки сдадите? Скоро ведь надо думать об этом. Зима у меня проходит более или менее благополучно. Было не очень холодно, вот только в марте снега и заносы. Отпуск я свой проведу в одном из домов отдыха под Москвой. Дело в том, что 8-го Марта, в день женщин, у нас на службе был вечер и кой-кого премировали за хорошую работу, общественную и по службе. Неожиданно для меня и я оказалась премированная бесплатным местом в дом отдыха, но еще не знаю, в какой дом и в каком месяце. Сейчас и весной у меня очень много работы; вероятно, это будет летом или осенью. Я еще ни разу не жила в доме отдыха. Хорошо бы было, конечно, на юг, но и здесь ничего, если будет хорошая погода. [В] прошлом году все наши, кто попал, были очень довольны. Сейчас я очень устаю, так как сплошь и рядом сижу на службе сверх нормы, до 6 или 7 ч. вечера. Беда в том, что не хватает людей и приходится брать неквалифицированных работников, которых не только надо учить, но благодаря им не успеваешь справляться со своей работой. У меня, например, помощник, правда очень милый юноша, но которого надо учить с азов и следить за всей его работой, а это отнимает много времени, а кроме того я очень требовательная и потому заставляю очень часто многое переделывать. Сначала я очень волновалась, так как привыкла все сама делать, да и теперь меня утомляет все время помнить и думать за другого, но одной тоже невозможно справиться.

Недавно я встретила с врачом Яковенко, которого ты знаешь по Иркутску, я тоже его смутно помню. Он тебе очень кланяется и все меня спрашивал, как ты живешь. Неожиданно умер Леонович, которого я у тебя встретила в Париже, а сюда он вернулся после революции. Он хотел послать тебе какую-то книгу, но не успел мне ее принести. Умер от заражения крови. Так все убывает у нас публика. Привет всем нашим.

Обнимаю крепко. Твоя М.С.

Письмо № 17

(055—058)

Москва — 6, Бол. Путинковский пер.,
д. №7, кв. 13
18/IV
(1932. — Т.К.)

Дорогой папа!

Твою открытку я получила, но писем не получала. Как вы все поживаете? Вероятно, скоро все разъедутся на лето, ты ничего не пишешь, когда вы едете на курорт. У нас стоит жара, вероятно, и у вас тоже. Сегодня у меня хоть и выходной день, но я никуда не уехала, так как не могу себе представить, в такую жару толкаться в трамвае и поезде, так как сегодня почти у всех свободный день, а уезжать с вечера стало почти некуда из-за помещения и продовольствия, нечего с собой брать на дачу, кроме хлеба, да и мало кто живет на даче. Я не знаю, когда уеду в отпуск, так как я хоть имею право на бесплатное место, но меня не отпускают из-за отсутствия работников, некому заменить. Чувствую себя хорошо, так как, видно, я из-за малярии ослабла и очень уставала к концу дня так, что приходила домой и ложилась, я уж думала, что пришла уже старость, но в эту весну не было приступов, и я совсем себя чувствую по-другому, хоть часто сижу часов по 9 подряд, вот только сейчас немного от жизни раскисла, дает себя чувствовать сердце. Сегодня я наслаждаюсь тем, что мои соседи по квартире уехали на дачу со всем своим семейством, т.е. увезли грудного ребенка, попугая и двух собак, которые всю зиму жили в столовой, через которую я хожу, вообще у них всего две небольшие комнаты, заставленные старинной громоздкой мебелью, и еще такие любители животных. А кроме того есть радио — громкоговоритель, который тоже в столовой и значит мне хорошо слышен; словом все сто удовольствий!!!

Я терпеть не могу эти громкоговорители, по-моему это только порча музыкального вкуса и хороших вещей. В большинстве они сипят, хрипят... А сейчас у меня полная тишина и чистота. В комнате я всегда стараюсь в свои выходные дни навести порядок, а сегодня пришлось приложить руки и в столовой, ванной и кухне.

Так что я с своей соседкой из другой комнаты убрали и радовались, что лето отдохнем без них, в прошлом году они не уезжали. А сейчас сижу у открытого окна, у меня комната хорошая, размер такой же, какая была у меня комната у тебя в В. Только одно окно, но окно во двор, а перед окном не здание, а несколько тополей. А сейчас и цветы на столе, так как вчера я получила прибавку 25 руб (это одно кило масла) и решила кутнуть и вспоминаю твои цветы, а жаль все-таки, что вы не в Кадрувке. Ну, до свидания, я что-то много написала мелочи, хочу, чтобы ты имел представление о моей жизни. Привет всем. Попроси маму, когда она будет свободна, чтобы она подробно написала.

Мало пишешь.

Обнимаю крепко. Твоя М.С.

Письмо № 18

(013-014)

письмо с фотографией «Киев. Исторический музей»

Крым. Село Коренс. Дом отдыха союза [Рыбак]
«Хаста-Ага»
9/X 32 г.

Дорогой папа!

Ты, вероятно, потерял меня из виду. Так как я собиралась уехать в сентябре, а уехала в октябре. Прости, что пишу карандашом, потому что нет чернил, а на почте я не могу писать. Я с 9-го числа нахожусь в Крыму; я не знаю был ли ты когда-нибудь здесь. Мне страшно нравится здесь; хотя это не то что Кавказ. Я в первый раз в доме отдыха и в Крыму. Я хотела очень поехать около Сочи, 6-го сентября у меня был опять жесткий приступ малярии, и я решила, что надо быть благоразумней и отказаться от Кавказа. Здесь высоко над морем. Но мне все равно запретили купаться в море. Буду принимать через день теплые морские ванны. Хотя высоко, но я уже три раза спускалась к морю, хожу тихо с палкой. Доктор разрешил. Вообще, по-моему, здесь хорошие условия: вот я тебе опишу наш распорядок дня: $\frac{1}{2}$ 9 ч. утренний завтрак: чай, каша и еще что-нибудь. Закуска, хороший хлеб с порядочным куском масла. [В] 3 ч. обед из трех блюд, третье виноград или компот, потом мертвый час, т.е. лежать, в 4 ч. чай с хлебом и маслом, в 7 ч. ужин из трех блюд, словом такое питание, какое я не имею в М., главное все свежее и вкусное. В промежутке каждый делает, что хочет. Я гуляю и полеживаю, так как первым делом здесь являются к врачу, который устанавливает режим. Он мне не позволил купаться; но разрешил гулять с тем, чтобы я после каждой прогулки принимала горизонтальное положение для сердца. Хотя это не санатория, но мы все время под наблюдением врача. Это дом союза работников искусства, здесь отдыхают, начиная от курьеров и уборщиц и кончая художниками и артистами. В общем очень хорошо, а больше негде писать, скоро я напишу еще. А ты хоть напиши открытку, чтобы я знала, что ты получил, а то ты не ответил на мое письмо от августа.

Письмо № 19

(015-020)

Москва. 6,
Бол. Путинковский пер.,
д. №7, кв. 13
9/XI

*(На конверте штамп почты 1932 года. — К.Т.)**Дорогой папа!*

Как здоровье матери? Я твою открытку получила и сейчас же ответила, прося сообщить, как ее здоровье. Вернулась я 7-го ноября и надеялась найти от тебя открытку. Я отдохнула хорошо, все время стояла чудесная погода, и я много гуляла, сначала я ходила недалеко, а потом, видя, что сердце не реагирует, я стала делать большие прогулки. Окрестности очень красивые, но приходилось лазать с горы на гору. К сожалению, мне не пришлось принимать соленые ванны, так как, в водолечебнице испортился мотор и исправили его к концу моего отдыха, но я отдохнула и загорела очень. Жила целый месяц без забот. Кормили нас тоже очень хорошо. Сначала

поправилась на 2 кило, а когда стала много гулять, то спустила все это. Зато когда вернулась, то работы оказалось выше головы, так как моя заместительница не справлялась, да и многое запутала, не знаю, как я со всем этим справлюсь. Кроме того очень плохо стало с продовольствием, хорошо, что у нас пока есть обеды на службе, но, конечно, не такие хорошие, как в доме отдыха. Ну, ничего как-нибудь приспособимся. Не знаю, был ли ты в Крыму, тут все как-то минюатюрней, чем на Кавказе. Здесь весь полуостров можно в два, три дня пройти пешком. Море и горы под боком. Хотелось мне очень слазать на Ай-Петри, но врач не пустил. У нас была экскурсия, на которую брали только с разрешения врача. Но зато ближайшие окрестности я излазала сама. Виноград я тоже поела порядочно, а других фруктов не было, так как их в этом году не уродилось в Крыму. Во всех здешних дворцах дома отдыха или санатории, куда съезжаются из всех концов России. Там мы ходили в летних платьях и купались в море, а как стали подъезжать к Москве, то вытащили все теплое, и кажется мне ужасно темно в комнатах и на улице. Печально без солнца. Неужели и у вас уже пасмурно и не видать солнца или еще у вас хорошая погода? Мне это ужасно интересно; мне как-то сейчас больше всего чувствуется отсутствие солнца и тепла.

Как живут ребята, что же ты все обещал карточку их? Привет всем, напиши хоть открытку, как здоровье мамы и твое. Обнимаю крепко и жду весточки.

Твоя М.С.

Письмо № 20

(029—032)

*Москва — 6, Бол. Путинковский пер.,
д. №7, кв. 13
12/1
(1933. — К.Т.)*

Дорогой папа!

Я получила твое письмо, чему я всегда бываю рада; уж я начала было беспокоиться, что давно писал, не захворал ли опять?

Сегодня у меня выходной день, и я после всяких домашних дел села тебе писать. Чувствую я себя последнее время хорошо, так как малярия меня бросила и я окрепла. Погода у нас стоит чересчур даже теплая, все тает и много очень хворает народу гриппом, но я еще не хворала. Последнее время обедаю на службе, там сравнительно недорого и прилично для нас кормят. Вы, конечно, такого обеда и есть не стали, но я рада, что освобождена от готовки дома, да и последнее время ввиду окончания года очень много работы, и я почти ежедневно прихожу домой часов в 8—9 вечера, но это недели через две кончится. Насчет посылок я вполне согласна с тобой, и мне всегда приятнее было получать их чем деньги, потому, хоть мне вырезку передали еще летом, но я не спешила посылать ее тебе только после того, как вы послали через магазин, и он послал вместо посылки деньги, я решила послать вырезку, так как лучше уж самим посылать через Торгсин, чем давать наживаться магазину. Условия посылания посылок с прошлого года не изменились, и если вам и давали список, то относительно посылок через Торгсин. Деньги можно посылать сколько угодно и когда угодно, нет ограничений, а кроме того это не имеет отношения к посылке.

Но я опять повторяю тебе, что я ни в чем особой нужды не имею, и ты не беспокойся за меня. Мне, конечно, всегда бывает приятно получить от вас посылку, и это как-то напомина-

ет мне детство и Иркутск, когда ты и бабушка посылали мне что-нибудь, и я с нетерпением открывала посылку. Но мне всегда совестно за беспокойство и [за то], что я со своей стороны не могу ничем, кроме благодарности, отплатить за ваши заботы. Ты мне ничего не ответил на вопрос, что Казя кончил свое учение или еще нет? За карточки буду благодарна. Надя сейчас учительствует в Кубан. об. на Северном Кавказе около города, там учится ее младшая дочь, а второй сын вернулся на хутор, но я не знаю для того ли, чтобы получить возвращенное имущество или собираются там жить, так как он и его 2 маленьких ребят очень плохо переносили более холодный климат. Остальная семья разъехалась в разные стороны, хоть и недалеко друг от друга на Кавказе же. Тина живет у дочери врача. Последнее время, несмотря на избыток работы, я несколько раз была в театре; я в этом году купила себе абонемент на 10 спектаклей (по 2 спектакля в 5 лучших разных театрах), это очень удобная вещь. Видела некоторые хорошие вещи. Обнимаю крепко. Привет всем.

Твоя М.С.

Письмо № 21

(023—028)

*Москва. 6, Бол. Путинковский пер.,
д. №7, кв. 13
16/III*

(На конверте штамп почты 1933 года. — К.Т.)

Дорогой папа!

Давно нет от тебя вестей. Как-то вы там поживаете? Меня тут одно время обеспокоило известие в газетах о неладах ваших с Герм., но теперь как будто все затихло. Я тебе давно не писала, потому что была очень занята. Надо было сдать баланс за 1932 г., и мы сидели до 8-9 ч. вечера. Вот только недавно освободилась. Зима относительно здоровья прошла хорошо, несмотря на то, что я много работала, а одно время даже сильно мерзла, так как у нас в квартире голландское отопление и о дровах надо самим заботиться, выдают талоны и надо своевременно купить, а у нас прозевали, не могли достать дров, а потом аннулировали неиспользованные талоны, и пока не дали новых, мы три недели в морозы сидели без дров, и я обогревалась керосинкой и спасалась под одеялом и чувствовала себя здоровой, а сейчас есть дрова и на улице тепло, но очень сыро, и мне тяжело дышать, третий день нехорошо с сердцем, но не настолько, чтобы пропускать работу и иметь больнич. листок. Все-таки должно быть помогло, что я целый месяц отдыхала, а в этом году у меня только 2 недели, и никуда не могу поехать, хоть бы лето не было жарким. Как растут твои внуки? У меня в квартире появилась маленькая девочка, [с] которой я иногда возжусь; ведь я очень люблю малышей, и они тем же отвечают мне, так что у меня было всегда много маленьких друзей, которые теперь уже взрослые люди и со своей стороны имеют малышей. Мои сочинские друзья разъехали по всему Кавказу и в другие места и только ? ? переписываюсь. Теперь очень вздорожали жел. дор. билеты, да и нет времени развезжать. Начал ли ты писать роман на фоне Крыницы, как хотел? Говорят ничего от Крыницы не осталось? Ни людей (старики все умерли, а молодежь разбрелась), и идея? давно выдохлась.

Ну, до свидания, обнимаю крепко и жду хоть несколько строк. Привет всем!

Имеет ли работу Казимир? Что-то давно тоже нет известий от Ляндов? Леля была без работы.

Твоя М.С.

Письмо № 22

(037—040)

Москва 6, Б. Путинковский пер.,
д. №7, кв. 13
15/IV
(1933. — К.Т.)

Дорогой папа!

Большое спасибо за перевод, я его еще не получила, получу, вероятно, в конце месяца. Жду (стыдно признаться) с большим нетерпением, так как сижу без жиров. Масло сливочное я не видала с приезда из Крыма, топленое масло, которое ты прислал, давно кончилось, зимой я как-то покупала сало, а сейчас и его нет. Зима была тяжелая, но хорошо, что я не хворала, да и вообще я всегда говорю, что одна голова не бедна, вот когда есть дети, то трудно изворачиваться.

Я рада, что у меня такие хорошие племянницы, и очень жаль, что я их не вижу. Как бы было хорошо провести лето со всеми опять вместе, но эти мечты, видно, надо отложить в долгий ящик. А пока что я отвожу душу с девочкой моей соседки.

В общем, живу я ничего себе. Надеюсь [в] этот месяц получить премиальные за сменную работу и расплатиться с долгами, которые я сделала для поездки в Крым и зимой на покупку дров; тогда я совсем буду довольна, потому что я не терплю долгов и всегда стараюсь протягивать [ножки] по одежке. Это лето мне придется провести в городе, так как отпуск я имею 2 недели, да и некуда ехать. Желая тебе от всей души собрать всю семью в Кадрувке, но мне не нравятся, по газетным сведениям, ваши отношения с немцами, и я все боюсь, как бы опять у вас не было столкновения.

Вообще, что-то весь мир бурлит и страшно, чтобы опять не было войны, не дай Бог! Ты пишешь Казимир может поехать служить в Париж. Но кем? Вообще я не знаю, ... что он кончил? Жаль Вац. Ад. Но у него, кажется, нет никакой специальности, а без этого ему труднее устроиться.

Ну, до свидания, привет всем, когда получу перевод, сообщу тебе об этом. Спасибо еще раз. Главное будьте здоровы. Обнимаю крепко.

Твоя М.С.

Письмо № 23

(061—063)

Москва — 6, Бол. Путинковский пер.,
д. №7 кв. 13
12/VIII
(1933. — К.Т.)

Дорогой папа!

Большое спасибо за деньги. Первое твое письмо не получила, а второе получила дней 5 тому назад, но не ответила сразу, так как не получила денег, ходила справляться в Торгсин, и мне там сказали, что ничего нет, но вчера вечером получила извещение, но сегодня у всех выходной день, значит я завтра пойду получить заборную книжку, по которой я постепенно беру, что мне нужно. Конечно, твои деньги как всегда весьма кстати. У меня уж кончился запас мыла, сахару, чаю и прочей мелочи. Благодаря тебе я не нуждаюсь в этих вещах. У нас невозможная

жара и страшно трудно работать, одно спасение: я часто лазаю в ванну. В отпуск я еще не ездила, так как вообще у нас не хватает людей и задержали всем отпуска. Я думаю, что в сентябре я все-таки поеду на юг. Я рада, что вы таки подлечились, а сейчас, вероятно, в Варшаве тоже жара. Жаль, что вы так рано собрались в город, но у матери, вероятно, скоро начнутся занятия. Я очень жду ее письма, понимаю-то я по-польски хорошо, понимаю, а у неё почерк хороший, не то что у тети Полины, у которой я письма принималась читать по несколько раз и очень мало разбирала. Жду еще обещанных карточек.

По-моему ты насчет Криницы не смущайся. Дело в том, что все старики поумирали, да и молодежи почти никого не осталось из тех, кого ты знал. Сама Криница как таковая давно не существует, сначала еще до 14-го года она перешла в трудовую артель, а потом ее разбили на участки, а теперь там ничего нет напоминающего ее, да и старые жители разбрелись, т.е. дети тех лиц, которых ты знал. А с «Риштау» были неприятности не только у тебя, но это отразилось тогда и на мне, так как комнатенка Марии Арсен, которая вообразила, что ты изобразил ее, вымещала все на мне. Там ты, действительно, сам не зная, попал в болезненную точку. Так как она девочкой поступила в няньки к Мар. Ар. И она безумно любила Володю, т.е. Семена, и была драма, когда тот женился на Тине. Все находили сходство между Юрием и Костей между Еленой и Надей, только Семен не похож на Володю и вообще не симпатичен.

Ну, словом это было давно, не стоит вспоминать, но иногда художник, сам не зная того, правдиво описывает то, что вызывает целую бурю. А мне очень бы хотелось прочитать твою вещь о Кринице, это богатая и интересная тема. Обнимаю крепко, привет всем. Известие о получении письма, обидно, что твои письма пропадают.

Твоя М.С.

Письмо № 24

(066—068)

*Москва — 6, Бол. Путинковский переул., д. №7, кв. 13
6/XI
(1933. — К.Т.)*

Дорогой папа!

Не знаю получил ли ты мое письмо, посланное в конце сентября, так как я от вас кроме открытки из Гдыни ничего не получала. Как вы живете?

Хоть бы прислали открытку.

Я с 1 ноября безработная, так как наше учреждение ликвидировалось, а перед тем была чистка аппарата. Она для меня прошла вполне благополучно, да я ее и не боялась, так как относительно работы, и относительно всего остального у меня все благополучно. Без работы я тоже думаю долго не буду, так как по моей специальности нет людей сейчас, боюсь только, чтобы меня не направили в деревню, чего я ужасно не хочу. Но думаю, примут во внимание мой возраст, мои болезни, но тогда придется познакомиться с контрольной комиссией и вообще поволноваться, но я все надеюсь кончится благополучно и потому заранее не волнуюсь. Мне неприятна бурная вещь, по поводу чего я тебе и пишу. Недавно я получила письмо от Феликсы Никол., которая пишет, что Ив. Ив мой долг перевел на нее, а она сейчас нуждается в деньгах, дело в том, что Ванда была целый месяц больна, а Лёля почему-то долго не получает жалованье, и

*потому Ф.Н. спрашивает меня, как ты собирался платить деньги хотя я перед отъездом сказала, но была спокойна, что если ты и запоздаешь, то неважно, так как *Ив. Ив.* не нуждается, и мне ужасно неприятно, что долг переведен на Ф.Н. Прости, пожалуйста, что я так тебя в этом году рассорила, но если тебе трудно, то напиши мне, и я как начну работать, то смогу сама понемногу выплачивать и об этом сообщу им. Я сама совсем сейчас здорова и бодра, только меня огорчает, что вы не пишете мне. Переехал ли Стась в Варшаву? Вообще, как вы все поживаете? Большой от меня привет всем. Как только получу работу, то сообщу вам.*

Ну, до свидания, обнимаю крепко.

Ваша М.С.

Черкни хоть открытку.

Государственная библиотека (Польша, Варшава), отдел рукописей и микрофильмов.

Корреспонденция Вацлава Серошевого (от адресатов на буквы от *D* до *J*), том 2, Рукопись Государственной библиотеки (Польша, Варшава) 5193/II, Государственная библиотека (Польша, Варшава). Микрофильм 38262.

Обзор документов Санкт-Петербургского филиала архива РАН по Верхоянскому округу Якутской области

Л.Е. Винокурова

Людмила Егоровна
Винокурова,

к.и.н., с.н.с. ИГИИПМНС
СО РАН..

В 1728 г. в России был основан первый научный архив, который начал собирать документы Общего собрания (конференции) и Канцелярии конференции Академии наук. Через два столетия, а именно в 1922 г., он стал общеакадемическим и получил название — архив РАН. После переезда центрального аппарата АН СССР в Москву в 1936 г. было создано Московское отделение архива. В 1963 г. в связи с переводом дирекции архива РАН в Москву ленинградская часть архива была преобразована в Ленинградское отделение архива АН СССР, которое с 1991 г. получило статус филиала под названием «Санкт-Петербургский филиал архива РАН». В нем хранятся сотни

фондов, более сотен тысяч единиц хранения с XVIII в. по настоящее время. Имеются отдельные документы за XVI—XVII вв., 16 архивных коллекций-разрядов (более 93690 ед. хр.).

В апреле 1924 г. Максим Кирович Аммосов — председатель СНК ЯАССР обратился с просьбой в АН СССР. Это было необычное обращение. Он просил АН СССР оказать помощь в организации Якутской комплексной экспедиции по изучению региона. Необходимость такой экспедиции диктовалась тем, что, как он писал, часть исследований (предыдущих экспедиций. — Л.В.) потеряла свое значение к настоящему моменту и многие стороны социально-экономи-

© Л.Е. Винокурова

ческой жизни Якутии, ее земные и подземные богатства совершенно не исследованы¹.

Придавая огромное значение этому вопросу, АН СССР учредила специальную Комиссию по изучению Якутской республики (КЯР), или, как иначе ее называли «Академическую экспедицию». Отряды экспедиции строились комплексно: якутско-алданский отряд с участием геоботаника, геоморфолога, почвовед, зоолога и топографа (впоследствии был прикомандирован ученый-лесовод); якутско-вилюйский отряд в составе: этнографа, статистика-экономиста, животновода и ихтиолога с прикомандированием четырех врачей и одного лаборанта; гидрологический отряд, ему предстояло работать в верховьях р. Алдан и установить гидрологическую станцию в Усть-Мае (впоследствии по постановлению Госплана станция была устроена в устье р. Тимптон); метеорологический отряд. Ему следовало установить 3 аэростанции в Якутске, Усть-Мае и Верхоянске и восстановить довоенные метеостанции. Впоследствии выделился специально Ленский ихтиологический отряд. Экспедиция сыграла огромную роль в освоении природных

богатств и развитии производительных сил и культуры Якутии, труды которой остаются актуальными и в наше время².

Санкт-петербургский филиал архива РАН хранит огромный массив документов, относящихся к истории Якутии. В архиве находятся личные фонды: ф. 37 И.И. Редковского, ф. 16 Льва Григорьевича Левен-таля, ф. 21 Документы из портфелей Миллера, ф. 84 Всеволода Михайловича Ионова, ф. 202 Эдуарда Карловича Пекарского, ф. 250 Владимира Германовича Богораза-Тана, ф. 253 Ивана Ивановича Майнова, ф. 1056 И.Д. Черского.

В филиале архива РАН имеется фонд 47 «Якутская комплексная экспедиция АН СССР» в пяти описях. Первая опись имеет название «Материалы научно-производственного характера. Административно-организационные вопросы. Личный состав, штаты. Хозяйственные, финансовые вопросы, сметы. Научно-исследовательские вопросы и др.». В описи имеются 1175 дел. Есть данные по Верхоянскому округу: дело 341 «Дневники записей астрономических и магнитных наблюдений Янского гидрологического отряда в 1927–1929 гг. (в т.ч. имеются сводные табли-

цы)»; дело 472 «По организации Верхоянско-Булунского эк. отряда. Смета, записка, бланки обследований, инструкции и др.», 70 листов; дело 1017 «Об обработке материалов Верхоянского этнографического отряда. План обработки, предварительный отчет о работе, записки и др.», 42 листа.

Вторая опись имеет название «Рукопись и иллюстрации 1925–[19]29 гг.», всего 224 дела. Так в ней находятся (дела 92 и 93 «Г.Г. Колесов «Необходимые мероприятия для улучшения экономического положения (Верхоянского и Колымского округов и Эльгетского улуса)».

В третьей описи «Картографические и диаграммные материалы 1925–1933 гг.» имеется 72 дел. Среди них дело 67 «График “Колебания уровня воды в р. Яне (ок. г. Верхоянска), за 1926, 1927, 1928 гг.” На ватмане, в красках. Р[азмер] 70х95»; дело 71 «Чертеж “Эскиз лихтера для плавания между устьями р. Яны и Лены и по нижним течениям этих рек”, два экземпляра, один на кальке, другой на ватмане, размер 41х60».

Таким образом, в архиве оказался разнообразный массив документальных материалов по различным проблемам названий темы.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Аммосов М.К. С помощью русских рабочих и крестьян (Статьи, речи, воспоминания, письма). — Якутск, 1987, с. 93.

² Ермолаева Ю.Н. Якутская комплексная экспедиция 1925–1930 гг. Развитие науки в Якутии. — Новоси-

бирск, 2001. — 165 с.; Виттенбург Е.П. Комиссия Академии наук по изучению производительных сил Якутской АССР (1925–1930 гг.): организация и методика работы: ист. очерк. — Якутск: Бичик, 2008. — 200 с.

Размышления о прожитом

В.И. Федоров

Мною прожито не мало — 80 лет. Но они пролетели так быстро, что мне самому не верится.

Пользуясь случаем, решил поделиться некоторыми размышлениями, которые накапливаются у каждого из нас по мере нарастания прожитых лет. Они могут не совпадать с мнениями других, но я буду очень рад, если они подвигнут вас к размышлениям о прожитом, на основе этого задуматься о проживаемом и будущем нашего бытия.

Люди моего и среднего поколения большую часть жизни провели при советской власти, которая продолжалась более 70 лет, и уже более 20 лет жи-

вут в другой общественно-политической системе, но от этого Россия не перестала быть нашей Родиной — перед ней, как и прежде, мы в вечном долгу.

Советская власть трудящемуся народу дала многое: бесплатное образование, бесплатное здравоохранение, бесплатное жилье, почти бесплатную его эксплуатацию, почти бесплатный доступ к культуре и т.д. Какое государство могло выдержать все это бесплатное. Народ жил бедно и трудно. Из 74 лет советской власти только полтора десятка лет (70-е и первая половина 80-х гг.) людям жилось более менее благополучно.

Василий Игнатьевич
Федоров,

д.и.н., в.н.с. сектора истории
Якутии ИГИИПМНС.

© В.И. Федоров

Что касается лично меня, то, как и многим моим сверстникам, в годы войны досталась доля сиротства со всеми её последствиями. Отец, будучи призванным в 1941 г. в ряды Советской армии, отдал меня на воспитание своей сестре, так как у матери оставались еще четверо несовершеннолетних, но так случилось, что я больше не вернулся в родную семью, хотя отец в конце 1945 г. по демобилизации вернулся домой. Но главная тяжесть жизни для меня заключалась не в этом, а в том, что я, поступив в первый класс в 1941 г., в течение 6 лет вынужден был ежедневно отмеривать до школы туда и обратно 18 км, так как в нашей деревне не было школы. Такую невероятную нагрузку не все дети смогли выдержать. Многие теряли свое здоровье, ведь годы были голодные, бросали школу, оставаясь без образования.

В годы советской власти с помощью этой власти я достиг многого в образовательном и карьерном росте. Получил не только университетское образование, но еще окончил двухгодичную высшую партийную школу, Академию общественных наук при ЦК КПСС и работал в партийных и советских органах республики в течение 35 лет, в том числе два десятка лет находился на руководящих должностях. Все эти годы я был убежден в правоте марксистско-ленинского учения об обществе, служил ему верой и правдой. Я и сегодня не отка-

зываюсь ни от одного дня этой продолжительной работы.

Достижения советской власти во всех областях народного хозяйства, в том числе в образовании и науке, общеизвестны. Старшее и среднее поколение ныне живущих людей принимали активное участие в их созидании и также пользовались их благами.

Вместе с тем социально-экономические и политические противоречия в советском обществе всегда существовали и по мере продвижения его вперед то затухали, то вновь вспыхивали. В этом отношении характерны, особенно, первые десятилетия советской власти и вторая половина 80-х годов.

Дело в том, что однопартийная система, зародившаяся на заре советской власти, узурпировала всю власть и не допускала никакого инакомыслия в вопросах развития общества, дабы сохранить её, эту власть, на века. Иначе эта система в лице правящей партии должна была поделиться властью с кем-то или вовсе отойти от этой власти. Партия не хотела ни того, ни другого. Вот почему она отличалась бескомпромиссностью и жестокостью, ведя борьбу не на жизнь, а на смерть. Отсюда миллионные жертвы — ради удержания власти. Предотвратить их в стране с однопартийной системой управления было практически не возможно. Вот почему однопартийная система стала одной из главных причин порождения репрессивной политики в стране.

Самым тяжелым результатом системного кризиса страны был развал Советского Союза. Многонациональная империя, созданная в течение многих веков, практически в одночасье распалась, хотя к такому финалу она шла долго. Иллюзорно считалось, что национальный вопрос в СССР решен окончательно. Периодически возникавшие проблемы в этом окончательно решенном вопросе рассматривались неадекватно; в них видели только националистические происки местной национальной интеллигенции.

В начале 90-х гг. произошла смена общественно-политической системы. Возникает вопрос, были ли альтернативные пути решения введения рыночных отношений в России. На этот вопрос, на мой взгляд, нет однозначного ответа. Но одно ясно, что осуществить его было без потерь невозможно. Вопрос правомерен в том плане, насколько глубоко будет идти падение экономики, и как долго оно продолжится.

Первым президентом республики был избран М.Е. Николаев, работавший до этого председателем Президиума Верховного Совета республики. Он много сделал для духовного и культурного возрождения коренных народов Якутии на основе их национальных традиций. Бюджетных средств на это не было. Михаил Ефимович сумел добиться у президента Российской Федерации выделения республике 10% алмазов, добытых в СССР и хранящихся

в алмазном фонде страны, и выкупа до 25% ежегодно добываемых алмазов для нужд республики. В денежном выражении эти дополнительные доходы превышали в разы суммы годовых бюджетов, формируемых за счет традиционных источников. Они, эти средства, шли на субсидирование строительства социальных объектов и кредитование инфраструктуры экономики, оказавшейся в тяжелых условиях рыночных отношений.

С 1990 по 1999 гг. в республике введено в действие общеобразовательных школ на 36257 ученических мест, дошкольных учреждений — 8059 мест, больниц — 2265 коек, амбулаторно-поликлинических учреждений — 4415 посещений в смену, клубов — на 7130 мест. В 1993 г. введен Национальный медико-диагностический центр, 1998 г. — Центр охраны материнства и детства. За эти годы только в Якутске введено 12 крупных социальных объектов, кардинально изменивших облик города*.

В аграрном секторе переход к рыночным отношениям у нас в республике начали с роспуска совхозов, распределения их основных средств между рабочими и служащими совхозов. Этот процесс сопровождался резким падением поголовья скота и его продуктивности. Совхозы в качестве коллективного, крупного производства вряд ли удалось бы сохранить.

Ведь они все находились на дотационном финансировании от центра. Как только прекратилось последнее, совхозы разваливались бы сами. Речь могла идти изначально о создании мелких кооперативных хозяйств в рамках поселений, самое большое — на уровне наслегов. К сожалению, таких попыток у нас не делалось. Резкое крушение производственных отношений, сложившихся десятилетиями в сфере аграрного сектора, вызвало развал отрасли, связанной с жизнью, в основном, коренного населения республики. К 2010 г. поголовье скота было отброшено на уровень показателей середины XIX в., лошадей — середины тридцатых годов XX в. Производство мяса в 2010 г. по сравнению с 1990 г. сократилось на 1/3, молока и яйца на такую же величину. Кризис села продолжается по сей день. Возрождение некоторых форм сельскохозяйственного производства (в основном в форме кооперации), к которому вынуждала сама жизнь, идет туго. Попытка заинтересовать в повышении производства сельскохозяйственной продукции адресной поддержкой пока желаемых результатов не дает. Недавно президент Е.А. Борисов заявил, что вливание средств из бюджета республики в сельское хозяйство ежегодно растет, запущено аж 64 экономических механизма, а отдачи нет. Вот почему пре-

зидент Е.А. Борисов решил изменить общий подход к решению проблем аграрно-промышленного сектора, рассматривая их в комплексе с перспективами развития села в целом. 2013 г. объявлен годом села. Идея президента нашла широкую поддержку, но требуется немало средств, сил и времени. Конечно, здесь одним годом не обойтись.

Не могу не сказать о коррупционной составляющей нашего общего кризиса. Казалось бы, за последнее время усилилась борьба против неё. Вселяла надежду активная и последовательная позиция в этом вопросе президента страны. В тоже время эта последовательность ставится под сомнение, когда она касается конкретных лиц. Например, дело Сердюкова и ему подобных. Утверждается, что виновность человека определяется судом. Правильно. Но если дело не дойдет до суда, то, кто определит эту вину, ведь способов затормозить его в пути до суда найдется много.

Президент РС(Я) Борисов Егор Афанасьевич правильно поступил в отношении молодого министра по другому поводу — именно преступившего морально-этическую норму, освободив от должности, хотя до этого он характеризовал его как инициативного, хорошего организатора.

Теперь о науке. В начале 90-х гг. под влиянием эйфории

* Якутия: XX век в зеркале статистики. — Якутск: Сахаполиграфиздат. 2001. — С. 159.

суверенизации национальных субъектов была создана в республике национальная академия наук на базе ряда институтов, отпочкованных от ЯНЦ СО РАН, в основном гуманитарного профиля. При этом в то время экономическая служба правительства РС(Я) исходила из того, что развитие горно-добывающей отрасли будет стабильным, золота будет добываться не менее 30 т в год, падение добычи алмазов, угля не произойдет, вновь будет создана обрабатывающая промышленность, что обеспечит республике безбедную жизнь. Как мне кажется, просчитались. Резкий переход к рыночным отношениям, связанный с ним обрыв экономических связей, неприспособленность хозяйственного механизма к новым рыночным отношениям привели к катастрофическому падению промышленного производства. Добыча золота с 36 т в год съехала на 11 т, угля с 17 млн. т до 11,100 тыс. т.; шло падение добычи алмазов, оловодобыча, слюдяная промышленность как отрасли вовсе исчезли и т.д.

Центральная власть России только в первые годы терпела суверенизацию её субъектов, хотя она сама начала этот процесс. С конца 90-х годов началась централизация власти.

Федерализация собственности, которая значительно сократила поступление средств в республиканский бюджет, особенно от алмазодобывающей промышленности, принудила

правительство освободиться от ряда учреждений, финансируемых из республиканского бюджета, и передать их в федеральную собственность.

Споров и дискуссий было не мало. Работники науки передаваемых институтов поддерживали идею правительства республики о передаче научных институтов в СО РАН. Тем более пилотным постановлением правительства в 2006 г. в разы выиграли в зарплате, а, главное, вернулись в большую науку.

Вместе с тем, постановление правительства России оказалось половинчатым, одним повышением заработной платы, не решались другие проблемы науки, особенно улучшение её материально-технической базы, без которого невозможно поднять науку на уровень мировых стандартов. Тем более, наши внутренние организационные вопросы, споры по ним, например, в чьем составе и подчинении должна находиться наука, не способствуют консолидации сил науки и высшего образования. Правильнее было бы решить этот вопрос с учетом особенностей развития науки и образования в России, а не в ущерб какого-то из них. Хочется верить, что вновь проводимая реформа академической науки не приведет к её окончательному развалу, а внесет существенные структурные изменения, способные реагировать на вызов времени в развитии науки и выведут её на уровень позиций,

которые занимала отечественная наука ранее.

Что касается нашего института, то он, переживал адаптационный период, связанный с переходом в Сибирское отделение, встраивался в его порядки. По итогам научных отчетов за три года по условиям и требованиям СО РАН наш институт выдержал нормативы института первой категории. Это, несомненно, первый его успех. На мой взгляд, администрация института в этом направлении провела большую, целенаправленную работу, последовательно добиваясь её эффективности. До этого по такой программе работали только сектора северной филологии.

Хотелось бы отметить, что за последнее время стали обращать внимание на историю, историческую науку. Видимо, она становится востребованной. Прошлый год был объявлен Годом истории. Президент В.В. Путин потребовал разработать стандарты по принципиальным вопросам истории Отечества и учесть их в учебниках истории для школ и учебных заведений. Это, безусловно, связано с усилением в последнее время фальсификации мировой истории, в первую очередь, истории России и её народов. Разнобой в этом вопросе внутри страны льет воду на её мельницу.

Пользуясь случаем, хочу несколько слов сказать о разработке и написании истории Республики Саха (Якутия). Мы довольны поддержкой этого

вопроса президентом РС(Я) Е.А. Борисовым, который издал специальное распоряжение, создал редакционный совет. Поручения, данные им ИГИиПМНС по составлению концепции истории Якутии, подбору кадров исполнителей, составлению сметы расходов и другим вопросам, выполнены и представлены правительству. Но, как мне кажется, как-то дело затормозилось. Главное — тревожит то, что до сего времени не заключены договора с исполнителями с определением объема работ, сроков исполнения, оплаты труда и т.д. Это, видимо, связано с выделением финансовых средств. Без этого вопрос не решится. Хотелось бы избежать повторения участи «Атласа Якутии».

С 1993 г., ровно 20 лет, я на научной работе — провожу исследования по истории общественно-политических движений, взаимодействия власти и общества, а также по проблемам национальной интеллигенции, являюсь автором 4 монографий, 80 научных и научно-популярных статей. Итог

моей многолетней научной работы — это монография «Якутия в эпоху войн и революций» в двух книгах, объемом 35,5 п.л., где я с новых методологических позиций попытался разработать основные моменты истории Якутии в самый сложный период жизни её народов (1900–1919), выразил свое отношение к отдельным аспектам революций 1917 г., Первой мировой войны, возникновению, функционированию и борьбе политических партий и общественных движений в эти годы. Разработал ранее не изученную тему «Якутия в годы земского самоуправления». Над этими и другими проблемами продолжаю работать.

Пользуясь случаем, выражаю сердечную признательность директору ИГИиПМНС, профессору А.Н. Алексееву за финансирование переиздания моей монографии «Якутия в эпоху войн и революций».

Свое 80-летие любой человек встречает с двойственным чувством. Я, с одной стороны, рад, что встречаю его не только на ногах, но и вполне в рабо-

чем состоянии среди коллег, друзей, близких и родных. С другой — пониманием того, что прожита большая часть жизни, качество которой с каждым годом снижается, дают знать прожитые годы. Зная об этом, я сегодня не могу просить большого аванса по работе. Но, признаюсь, тяга к работе еще есть. Пока выполняю план научной работы, что считаю главным, определяющим, я продолжу работу как аттестованный на очередной срок.

Хотел бы поговорить еще о многом, но объем журнальной статьи не позволяет распространяться.

В заключение выражаю искреннюю признательность за организацию мероприятия по случаю 80-летия на правительственном уровне президенту РС(Я) Егору Афанасьевичу Борисову, правительству республики, директору ИГИиПМНС, профессору Анатолию Николаевичу Алексееву и всем тем, кто принимал активное участие в подготовке и проведении этого торжественного мероприятия.

От первых метеорологических наблюдений — к научным исследованиям

(Метеостанции в Якутске — 125 лет)

Ю.К. Антонов

Первые наблюдения за погодой в Якутске с помощью приборов были проведены в далеком 1736 г. С перерывами они продолжились в 1768–1769, 1829–1854, 1854–1855, 1862–1867, 1870–1873, 1882–1885 гг. Кому довелось прокладывать путь к изучению климата? К этому причастны:

- молодой ученый-физик — участник экспедиции,
- опытный геодезист — руководитель экспедиции,
- купец, передавший торговлю одному из сыновей и переключившийся на изучение природных явлений,
- первый ветеринар Якутии — выпускник Дерптского университета, оставшийся здесь на многие годы,

© Ю.К. Антонов

— два периода — местный казак. Его показания были столь надежны, что вошли в первый «Справочник по климату СССР» 1933 года,

— в последнем случае два школьных учителя.

Энтузиаст — краевед

Андрей Попов

В связи с началом создания в России государственных метеостанций, в Якутске также предприняли меры по организации подобной.

Учреждение с невзрачным названием «Якутский областной статистический комитет» (далее — статкомитет), созданное «для собрания и приведения в надлежащий вид и ясность статистических сведений о губернии», со временем заня-

Юрий Константинович
Антонов,

отличник гидрометеослужбы
СССР..

ло видное место в администрации Якутской области. В его первоначальный состав вошли 7 человек. Возглавлял комитет сам губернатор. А основным организатором дел статкомитета был также невзрачный по названию чиновник — секретарь. И мы убедимся дальше, что не место и должность красят человека, а его дела. Ведь именно статкомитет озаботился созданием метеостанции.

История ее открытия в Якутске весьма поучительна. О развитии событий рассказывается в статье А.И. Попова, посвященной 40-летию станции в 1928 г.¹ (текст ее с сокращениями приводится курсивом).

Статкомитет, признавая научное значение метеорологическим наблюдениям, протоколом своим от 12 декабря 1874 г. учителю якутской мужской прогимназии В.А. Шастину поручил производить в городе Якутске метеорологические наблюдения с 1 января 1875 года согласно изъавленному им на то желанию.

Статкомитет обратился 8 марта 1875 г. в Главную физическую обсерваторию с просьбой выслать «безденежно» следующие инструменты: психрометр, термограф, экваториальные часы, спиртовой термометр, барометр и волосной гигрометр.

В ответ на это обсерватория сделала распоряжение в Иркутск о высылке в Якутск полного набора инструментов (12 приборов), хранящихся в ящике в Иркутске. Из Иркутска выслали лишь 7 приборов, четыре из

которых оказались попорченными. Целыми были получены 2 термометра (с сухим и мокрым шариками) и барометр-анероид.

20 января 1877 г. Якутский статистический комитет ассигновал 284 рубля на выпуск в 2 экземплярах набора инструментов для Якутской метеорологической станции на случай их порчи.. Выписанные в июле инструменты обсерватория отправила в Иркутск, «так как ни одно общество не взялось доставить инструменты в Якутск.. По почте же инструменты высылать не стоит, так как они наверное разобьются». (Из отношения ГФО). Из Иркутска Якутский статистический комитет должен был выручить их сам. Эти инструменты в летнюю навигацию 1878 г. не были доставлены вследствие небрежности купца Силина, а в 1879 г. во время пожара они сгорели.

Так несчастье за несчастьем преследовали Якутский статистический комитет. Но хуже всего было то, что выбор наблюдателя Шастина был не удачен. Ко времени возложения на него наблюдательских функций он уже был пожилым человеком, часто выпивал, вести наблюдения поручал учащимся и, по видимому, никаких наблюдений в обсерваторию не представил.

В 1879 г. на скромную должность секретаря статкомитета назначили молодого, 21-летнего, казака Андрея Иннокентьевича Попова, ставшего фактическим его руководителем. Энтузиаст-краевед, незаурядный организатор. На этом поприще

он начинал, а дальше вошел в историю Якутской области второй половины XIX и начала XX в., как видный деятель области и организатор изучения края.

Стараниями А.И. Попова были изданы «Памятные книжки Якутской области» за 1863 и 1867 г. (первый и второй выпуски). Он стал инициатором создания Якутского областного музея в 1891 г. Участвовал в организации газеты «Якутские областные ведомости», а с первого по десятый номера редактировал газету. Был статским советником областного управления, затем советником губернатора. Под председательством Андрея Иннокентьевича в январе 1895 г. состоялось первое рабочее совещание участников Сибиряковской экспедиции, организованной с целью изучения антропологии, экономики, материальной и духовной культуры народностей Якутской области. Сам участвовал в ней. В 1896 г. был в числе организаторов Якутского отдела на выставке в Нижнем Новгороде. В 1902 г. под его председательством как окружного исправника и подъесаула состоялся съезд представителей сельского общества Якутского округа. А.И. Попова выбрали председателем Совета общества. В книге Г.А. Попова «История города Якутска. 1632—1917 годы, том 3» записано: «Активным краеведческим работником и меценатом лиц, занимающихся этим, особенно из ссыльных политических,

был советник якутского областного управления Андрей Иннокентьевич Попов, благодаря которому получили возможность научной работы в Якутске многие политические ссыльные». В качестве исполняющего обязанности Якутского окружного исправника выезжал в Вилюйск в 1907 г. для ревизии судебного делопроизводства в округе. В 1911 г. на собрании учредителей Якутского отдела Императорского Русского географического общества его избрали председателем общества. В 1912 г. — и.о. вице-губернатора Якутской области.

Автора заинтересовал Андрей Иннокентьевич, будущий вице-губернатор, тем, что он не только продвигал создание метеостанции, а добровольно стал ее первым заведующим.

В конце июня 1882 г. во дворе духовного училища была установлена психрометрическая будка, снабженная всеми приборами. Часть приборов выделил руководитель Русской полярной экспедиции Н.Д. Юргенс перед отправкой в устье р. Лены для организации метеорологической станции Сагастырь. Юргенс одновременно организовал «метеорологические наблюдения в деревне Марха, в 7 верстах от Якутска И.В. Павловым и в урочище Маган, тоже вблизи Якутска, Леонтьевым Петром. На метеостанциях Якутск и Мархинское нулевые точки термометров были проверены в тающем снегу начальником

полярной экспедиции Юргенсом»².

Действительно, метеорологическая будка несколько лет находилась во дворе духовного училища. Смотритель И.П. Бабин и позже преподаватель семинарии М.А. Гербановский производили наблюдения. Но и эти наблюдения где-то бесследно исчезли.

Эта информация неточна. Возможно, до Главной физической обсерватории в Петербурге они не дошли. Но Андрей Иннокентьевич обнаружил и опубликовал в 1891 г. сведения за три года: «Средняя температура воздуха в городе Якутске за три года с 1883 по 1885 гг. была следующая: январь — минус 43,2, февраль — минус 29,7, март — минус 15,0, апрель — минус 3,8, май — плюс 8,6, июнь — плюс 18,3, июль — плюс 18,9, август — плюс 11,3, сентябрь — плюс 2,0, октябрь — минус 17,3, ноябрь — минус 38,3, декабрь — минус 41,8»³.

28 января 1886 года Якутский статистический комитет вновь принимает решение об открытии в Якутске метеостанции и с соответствующим ходатайством обращается в ГФО. Последнее извещает, что за полную серию инструментов необходимо прислать 358 рублей 50 копеек. Только 9 августа Статкомитет получает возможность выслать требуемую сумму денег. Первого октября 1886 г. Главная физическая обсерватория высылает требуемые приборы в Иркутскую магнитно-метеорологическую обсерваторию «вви-

ду невозможности переслать непосредственно в Якутск.

Из Иркутска инструменты доставил Ф.В. Астраханцев (купец. — Ю.А.). Доставка из Петербурга обоилась в 96 рублей 95 копеек. Инструменты получены 18 октября 1887 г. Тогда же была построена метеорологическая будка (во дворе против Саха-Омук), за которую уплачено 59 рублей.

Итак, начав хлопотать об организации в Якутске метеорологической станции в 1874 г., Статкомитет имел возможность открыть ее лишь в 1888 г. Так трудно было работать в Якутске.

С 1 января 1888 г. секретарь Якутского статистического комитета Андрей Иннокентьевич Попов начал бесплатно вести систематические метеорологические наблюдения на станции Якутск.

Статья закончилась. А от редакции было добавлено: «40-летие в Якутске метеостанции Якутский отдел Российского географического общества отпраздновал чествованием 15 января 1928 г. Андрея Иннокентьевича Попова, как основателя, первого наблюдателя и постоянного охранителя этой станции».

Добрую память оставил он потомкам ранее и с подробностями воспроизвел события через 40 лет.

Описание станции приведено в упомянутом выше климатическом справочнике 1933 г:

«В январе 1888 г. была организована постоянная станция

при статистическом комитете, расположенная в северо-восточной части города. Психрометрическая клетка с термометрами помещалась в слишком узкой будке (глубина и ширина 1,1 м, высота 1,4 м); воздух не имел свободного доступа внутрь будки, так как северная и нижняя стороны были закрыты густыми деревянными решетками. Кроме того, будка стояла на плоской крыше сарая, вследствие чего не только был затруднен свободный проток воздуха снизу, но еще этот воздух, нагретый крышей, мог иметь влияние на показания термометров.

С июля 1888 г. наблюдения производились в новой будке Вильда, несколько меньших размеров (глубина и ширина 109 см, высота северной стенки 143 и южной 122 см), установленной в юго-западной части двора. На юго-восток от нее совсем близко стоит неотапливаемый амбар, а на юг непосредственно у будки возвышается дощатый забор, умеряющий интенсивность освещения и нагревания солнцем голой земли под будкой; другие строения удалены от будки и не могут иметь заметного влияния на показания приборов. Термометры были установлены на высоте 3.3 м над поверхностью земли»⁴.

Замечательный энтузиаст-краевед А.И. Попов, работая в статкомитете, в течение 4 лет (до марта 1892 г.), регулярно записывал сведения о погоде и внес заметный вклад в изуче-

ние климата Якутска. **И именно им 5 февраля 1891 г. в 7 часов утра зафиксирована самая низкая температура в городе Якутске, равная 64,4 градуса мороза, не превзойденная до сих пор.**

Андреем Иннокентьевичем Поповым с 1888 г. до февраля 1892 г. проводились наблюдения за погодой. Без перерывов. Он передал станцию также казак, отставному пятидесятнику **Ивану Яковлевичу Братчикову**, который на 16 лет (с марта 1892 по декабрь 1908 г.) включился в эту работу.

После И.Я. Братчикова наступила частая сменяемость наблюдателей. Ими становились политические заключенные, на короткое время оставшиеся в Якутске.

Якутск — в числе опорных станций

До 1915 г. метеоплощадку на станциях нередко переносили. Обычно ее обносили высоким забором около близлежащих зданий. Также было и в Якутске. То она ютилась около дома наблюдателя, то возле духовного училища, то около реального училища, то на усадьбе приютского училища. С октября 1911 года её разместили в северо-восточной части города во дворе нового здания краевого музея.

И вот наступило новое время для метеостанции Якутск:

— с 1 июля 1915 года станция обрела собственное здание за городом на открытом месте обширного участка земли;

— **станцию перевели в вы-
сший для метеостанций — I раз-**

ряд, и она вошла в опорную сеть России и мира.

«В июне 1915 года станционные приборы были установлены на новом участке опорной метеорологической станции. Участок этот, занимающий почти целый квартал площадью около 0,7 га, расположен на западной, мало застроенной окраине города. Приборы установлены вполне открыто в северной более возвышенной части участка. Высота термометров над землею 2,0 м»⁵.

Эстафету наблюдений у большевика Ярославского принял социалист-революционер **Диодор Федорович Клингоф** (Июль 1915 — декабрь 1918), прошедший подготовку в Иркутской магнитно-метеорологической обсерватории.

Новый заведующий вскоре опубликовал статью «Метеорологические станции Якутской области»⁶. Приведем выдержки.

«С преобразованием Якутской метеостанции в опорную, последняя с 1 июля 1915 г. переведена в собственное здание, расположенное за городом на открытом месте обширного участка земли. Для заведывания станцией командировано специальное лицо Иркутской обсерваторией.

Один из существенных недостатков — расположение станции в центре города Якутска, среди зданий и стен — устранён, и наблюдениям обеспечивается безусловная правильность.

Равным образом и в самих наблюдениях произошло су-

щественное изменение. От срочных отсчетов станция перешла к ежечасным, к данным самопишущих приборов. Изменение это произошло пока отчасти. Определяются давление, температура воздуха и почвы, ветер, осадки, облачность и солнечное сияние. Опорными точками для всех записей служат данные непосредственных отсчетов, производящихся три раза в сутки (07, 13 и 21 час).

Кроме того, проводятся наблюдения: фенологические, за вскрытием и замерзанием Лены и близлежащих озёр и притоков, за отмечающимися метеорологическими явлениями.

Все другие станции Якутской области относятся ко 2[-му] разряду:

В бассейне Лены — Булун и Олёкминск; Вилюя — Вилюйск и Эльгый; Алдана — Усть-Мая; Индигирки — Абый; Колымы — Среднеколымск; Яны — Верхоянск».

Далее в статье приведено, с помощью каких приборов определяется давление, температура воздуха и почвы, ветер, осадки, облачность и солнечное сияние. Кроме того, введены наблюдения фенологические, за вскрытием и замерзанием Лены и близлежащих озёр и притоков, об отличающихся метеорологических явлениях.

Новый заведующий в сентябре выпустил первый в Якутске «Метеорологический бюллетень» с обзором погоды в Якутске за летние месяцы с 4 приложениями в виде таблиц.

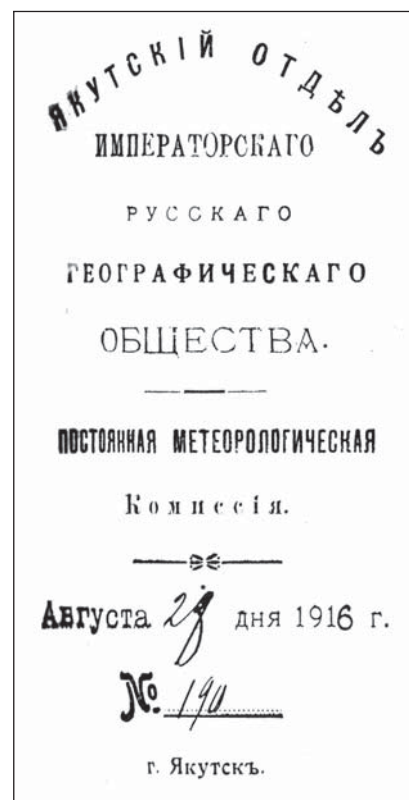
Метеорологическая комиссия

Общественная жизнь в до-революционном Якутске развивалась активно. В 1913 г. образовано Якутское отделение Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Отделение (вскоре его переименовали в отдел) было общественной организацией, но оно оказалось важным в изучении краеведения. Заседания нередко проводились под эгидой вице-губернатора, а иногда губернатора. В них активно участвовали видные деятели области и города. Да и вопросы, которые выносились на обсуждение, представляли не только научный, но и практический интерес для Якутии.

Председателем общества бесценно был Андрей Иннокентьевич Попов (Напомню: он открыл в 1888 году метеостанцию в Якутске и 4 года бесплатно вел наблюдения. — Ю.А.) секретарь статистического комитета, позднее ставший вице-губернатором. В обществе состояли уважаемые граждане Якутии, нередко на заседаниях присутствовал и выступал сам губернатор.

А энтузиасты изучения климата, состоявшие в Обществе, организовали сначала особую метеорологическую комиссию, а с 14 января 1916 г. — Постоянную метеорологическую комиссию (ПМК). И комиссия с завидной регулярностью собиралась для обсуждений и принятия решений на благо разви-

тия метеорологии. Председателем ПМК избрали Ивана Ивановича Павлова, инспектора народных училищ Якутска, секретарём Д.Ф. Клингофа, заведующего метеостанцией. Комиссия самостоятельно вела активную переписку с ГФО, с Иркутской ММО.

Штамп ПМК

С первых заседаний ПМК и на каждом последующем ставился вопрос организации новых метеостанций. Так, в первых трех протоколах зафиксировано намерение обратиться в ГФО или ИММО об открытии станций. Согласились стать наблюдателями: в Среднеколымске — учитель Иванов (с окладом 240 рублей в год), Верхнеколымске — священник

Нехорошев (без оплаты), Нижнеколымске — учитель ЦПШ Н.К. Булкин, Маче — Куренев (бесплатно), Нелькане — земский заседатель С.Г. Леушин (120 р. в год), Витиме — учительница Бархатова. Требовалось не только денежное содержание, но и обеспечение приборами, бланками, инструкциями. Иркутская ММО согласилась и обратилась в ГФО по этим пунктам. Она выдвигала еще предложение открыть в Жиганске метеостанцию, но в 1916 г. там жило только трое грамотных (священник, псаломщик и торговец), не изъявивших своего желания заниматься наукой.

В августе 1915 г. должен был состояться 3-й Метеорологический съезд России. Приглашение поступило поздно, и комиссия обратилась к Эдуарду Пекарскому, ранее отбывавшему ссылку в Якутии и жившему в Петербурге, с предложением быть представителем Якутского отделения ИРГО на съезде. Пекарский с благодарностью принял предложение. Правда, съезд не состоялся из-за Первой мировой войны.

Во время командировок члены комиссии И.С. Брегель и В.А. Панкратьев согласились осмотреть и провести проверку метеостанций Олекминск и Булун. Поездки состоялись, были представлены подробные доклады о состоянии станций.

О решении Академии наук России (1912 г.) приступить к устройству аэрологических на-

блюдений в Якутске и Верхоянске, было известно в Якутии. Речь шла о выяснении наличия инверсии температуры воздуха с высотой, особенно зимой при сильных морозах у земли. Но началась Первая мировая война. А в августе 1916 г. пошла новая волна разговоров. Большой интерес в якутском обществе вызвало письмо из Петербурга от директора ГФО Рыкачева от 19.08.16 председателю ЯО ИРГО А.И. Попову относительно возможной организации экспедиции для проведения в Якутске и Верхоянске аэрологических наблюдений

Первым откликнулся купец И.И. Громов. Он выделил 25 рублей на текущие расходы ПМК и 350 рублей на устройство в Якутске аэрологических наблюдений. ПМК в своих документах зафиксировала: «Для исследования верхних слоёв атмосферы охотно отзывались помочь ряд лиц и учреждений. Комиссия располагает суммой в 875 рублей, из которых от купцов И.И. Громова 450 рублей, Г.В. Никифорова — 200, И.Н. Эверстова — 25, от общества врачей Якутской области — 200, от клуба общества приказчиков — 25 рублей.

Комиссия постановила: 1). Все средства поместить в Городской общественный банк на имя председателя ПМК И.И. Павлова, 2). Предоставить Павлову и Клингофу право производить расходы на подготовительные работы и приобретение материала в размере 100 рублей»⁸.

Последовавшие вскоре ре-

волюции в России не позволили претворить задуманное в жизнь. И воплотилось это при новом государственном режиме.

ГФО запросила о возможности изучения вечной мерзлоты и открытия горных станций. Тогда Комиссия обратилась к промышленнику Алексею Алексеевичу Семенову, разрабатывающему свинцово-серебряные рудники на Верхоянском хребте, с просьбой открыть метеостанцию на «Семеновском руднике». И меценат, член ЯО ИРГО А.А. Семенов решил этот вопрос самостоятельно. Об этом говорится ниже.

Из ГФО поступила «Инструкция для наблюдений над грозами и зарницами», но в малом количестве. Метеорологическая комиссия типографским способом переиздала её в марте 1916 г. и разослала заведующим метеостанциями.

Для улучшения работы сельского хозяйству требовались сведения о погоде, а сельскохозяйственных метеостанций (в царской России сельское хозяйство содержало собственную небольшую сеть. — Ю.А.) в Якутии почти не было. Областной агроном на заседании 5.10.16 обратился за содействием в измерении температуры почвы на метеостанциях, члены комиссии отнеслись к просьбе положительно.

10 февраля 1917г. комиссия приняла решение самой опубликовать полученные с мест фенологические наблюдения,

над замерзанием и вскрытием рек, над толщиной снежного покрова по установленной международной форме. Клиногоф взялся отредактировать и подготовить к печати. ПМК попросила владелицу типографии Семенову предоставить льготы по печатанию. За предыдущий 1915 год обзор составляла Иркутская обсерватория и рассылала корреспондентам.

А кем был Диодор Федорович Клиногоф? Несомненно, он был высокообразованным и инициативным человеком. Большинство членов партии эсеров состояло из таких активистов. Он подбирал новый участок для станции, производил перенос и установку приборов. Вступив в члены ЯО ИРГО, он активно продвигал вопрос организации Метеорологической комиссии. Руководителем ее поставили областного инспектора училищ И.И. Павлова, а его правой рукой — политического ссыльного Клиногофа.

Революционные события 1917 года в России захлестнули его, и он ушел в политику. Не сразу он отошел от метеорологии и дел Метеорологической комиссии. Сначала редактировал газету, а «3 июля 1917 года сдал Павлову И.И. дела, рукописи, книги ПМК, расчетную и чековую книжки»⁹.

К сожалению, пока узнать о нём по литературным источникам удалось немного. Читаем в журнале: «Д.Ф. Клиногоф — один из руководителей эсеровской организации в Якутске. С апре-

ля 1917 г. он короткое время являлся редактором газеты эсеров «Голос труда», затем — начальником милиции города Якутска. Будучи неизлечимо болен, покончил в 1921 г. с собой»¹⁰.

А в архивных документах ЯО ИРГО удалось прочесть, что Клиногоф до ссылки работал в метеорологической обсерватории Юрьевского университета под руководством профессора В.И. Срезневского, видного теоретика синоптической метеорологии. Клиногоф в университете занимался также исследованием верхних слоев атмосферы с помощью змеев. Автор полагает, что руководство Иркутской обсерватории, узнав о предыдущей работе его в Юрьевце, решило доверить ему организацию опорной станции в Якутске и с его согласия добилось перевода из Иркутска в Якутск. И здесь он добился результатов не столько как заведующий метеостанцией, а как общественный деятель и организатор развития науки. С согласия губернатора и Иркутской ММО ему разрешили в марте 1917 г. выехать для проверки наблюдений на станции Семеновский рудник, а в июне в Иркутск для организации аэрологических наблюдений в Якутске. Произошли ли эти события? — обнаружить подтверждений в документах не удалось.

Автору довелось просматривать таблицы метеорологических наблюдений тех лет. В некоторых из них встречаются под-

писи наблюдателя Н.С. Клиногоф (возможно, его жена). После ухода Диодора Федоровича она ещё продолжила наблюдения до подбора другого наблюдателя.

Пожалуй, одним из самых важных мероприятий комиссии, чего так страстно добивался Клиногоф, стало проведение курсов подготовки метеонаблюдателей для станций. О них пойдёт речь дальше.

Первые курсы метеонаблюдателей

В 60-х годах XX в. по инициативе директора гидрометеорологической обсерватории А.К. Мозолевской, начальника отдела климата С.А. Изюменко (в то время мощного отдела по количеству сотрудников и выпуску продукции) и руководителя группы актинометрии Е.И. Воробьёвой в стенах УГМС шли оживлённые разговоры об особенностях климата Якутии и истории его изучения. Тогда немало сотрудников (Н.Я. Филиппович, Н.В. Орлов, Н.Н. Лиханов, П.А. Даниловцев и другие) заканчивало заочную учёбу в ВУЗах, и дипломные проекты они посвящали нашей теме. Были подготовлены книги «Климат Якутска» (С.А. Изюменко) и «Полюс холода» (Н.Я. Филиппович). К тому же готовились активно отметить 40-летие Якутской ГМО.

Тогда А.К. Мозолевская и Е.И. Воробьёва рассказывали о первых курсах подготовки метеонаблюдателей в 1930–1932 гг. Ведь они общались с выпускниками, а Евдокия Ивановна

преподавала на курсах. Говорилось, что еще и до революции 1917 г. проходили курсы в Якутске. Но в это не верилось, да и подтверждающих документов никто не видел.

Я в то время историей не увлекался, только слушал и использовал исторические сведения в радиопередачах по республиканскому радио. Однажды, когда я всё еще не занимался историей, где-то прочел, что в 1916 г. в Якутске действительно проводились курсы подготовки заведующих метеостанциями, т.е. метеонаблюдателей. Где прочел? — не помню. Занимаясь историей, я решил найти источники информации. В гидрометфонде ЯУГМС такой информации не нашлось. В библиотеке им. Пушкина среди книг, газет и журналов ничего не оказалось. Решил вернуться в Якутский национальный архив, где уже провёл немало времени. Но не находил нужных документов. И вот удалось найти замечательный первоисточник — архив Якутского отделения Императорского Русского географического общества.

Что же обнаружилось в архиве? На своем первом заседании 30.09.1915 в протоколе комиссия записала: «основным культурным элементом в отдаленных местах являются почти исключительно народные учителя... Комиссия полагает, что введение метеорологии в число обязательных предметов в Якутской учительской семинарии является в высшей степени же-

лательным в целях расширения сети метеостанций и для изучения климата¹¹». Претворить в жизнь задумку оказалось возможным летом 1916 г. для приехавших на совещание учителей. Требовалось для организации курсов: «испросить у губернатора разрешение на устройство курсов, подыскать помещение для курсов, приглашать лиц к участию в качестве преподавателей»¹².

Перед курсами ПМК обратилась в ИММО и ГФО с просьбой прислать программу, наглядные пособия и разрешение использовать запасные приборы Якутской метеостанции.

Кто мог читать лекции? Не приглашать же из Петербурга или Иркутска. Занятия проводили Павлов, Клингоф, учитель физики Брегель и областной инженер Аристов. По метеорологии читались лекции о погоде, о синоптике, об организации станции и проведении наблюдений, о частной и общей климатологии. С 21 июля по 5 августа 1916 г. в Якутске состоялись краткосрочные метеорологические курсы. Ответственным за их проведение был И.И. Павлов, за организацию отвечал Д.Ф. Клингоф. По окончании курсов «председатель ПМК Павлов предложил список лиц, которым полагается выдать удостоверения наблюдателей»¹³. К сожалению, в протоколе не названо количество подготовленных метеорологов на прошедших курсах, неизвестно, и кто из них рабо-

тал на метеостанциях. Лишь упоминаются Черемхин, выезжающий в Мегино-Алданский наслег, учительница Л.И. Попова из Усть-Янска, Л.Н. Безносова и С. Нехорошев.

Велик ли был прок от курсов? Полагаю, что достаточно большой для того времени. А после курсов прошли индивидуальную подготовку другие лица. В том числе священник А.И. Ковинин, назначенный в Верхнеколымск. После революции он работал на метеостанции Якутск, был заведующим станцией Хатанга, возглавлял отдел метеорологии Якутской обсерватории.

В архиве обнаружено два объемных тома с записями, полученными с мест. Вместе с другими выпускники курсов вели наблюдения фенологические, а также над снежным покровом и метелями, над замерзанием и вскрытием рек, над уровнем рек, и при наличии приборов над температурой воздуха, количеством осадков.

Проведение курсов вызвало живейший интерес среди жителей Якутска, так как не всем желающим довелось их посещать. «ПМК постановила устроить такие лекции с платой за вход от 15 до 30 копеек и поручила организацию этого дела Павлову, Клингофу и Титову»¹⁴.

С помощью мецената

Научным кругам России было важно узнать о том, есть ли в Якутии, как и в других районах России, равномерное понижение температуры при

поднятии на высоту, особенно при низком ее значении у земли. Раз уж не получалось провести аэрологические наблюдения, то косвенным способом.

Активный член Якутского отдела Императорского Русского географического общества промышленник Алексей Алексеевич Семёнов откликнулся на призыв ПМК и уже через неделю лично присутствовал на заседании Комиссии. Сначала устно он согласился с предложением, а затем 14 сентября 1916 г. прислал свое письменное заявление. Автор восхищен содержанием письма (полнотой представления всех стоявших проблем и решительностью непременно содействовать исполнению задуманного), решил привести в статье большой фрагмент (курсив) деловой части заявления.

1. Приобретение метеорологических приборов может быть произведено за мой счет, если Комиссии не удастся получить их бесплатно из метеорологических учреждений. В распоряжение комиссии могу предоставить 300 рублей.

2. В целях обеспечения возможно лучших условий как для размещения приборов, так и равно наблюдателя, — выражаю свою готовность сделать пристрой к общему помещению служащих рудника в виде одной комнаты.

3. Доставку из Якутска на место багажа станции, а также и расходы по установке приборов станции я беру на себя.

Предлагая Комиссии для заведывания станцией пригласить¹⁵ специальное лицо, я со своей стороны нахожу возможным оплачивать труд наблюдателя в размере 480 рублей в год с предоставлением ему, помимо помещения, также отопления, освещения и готового содержания (стола) в том виде, в каком это имеется для других служащих рудника. Вместе с этим я беру на себя проезд наблюдателя на место, а при смещении его и обратный.

Способ уплаты жалованья наблюдателю предоставляю по усмотрению Комиссии, причем жалованье ему могу уплачивать с момента приглашения его Комиссией для подготовки к обязанностям наблюдателя.

Все изложенные мною условия в отношении наблюдателя я буду соблюдать в течение 2 лет, не предрешая о дальнейшем, причем, в случае, если эта станция закроется, приборы я буду считать собственностью Комиссии.

Принося настоящий дар Постоянной метеорологической комиссии ЯО Императорского Русского географического общества, я не сомневаюсь, что, помимо забот о правильности установки станции и производства наблюдений на ней, Комиссия примет на себя труд по своевременной обработке и печатанию добытых данных о состоянии метеорологических элементов, а также будет вести и годовую отчетность о деятельности и мощности станции, имеющей, надеюсь, возможность войти в

отечественную сеть метеостанций.

Не менее для меня важно и крайне желательно, чтобы я всегда был в известности относительно состояния организуемой мною станции и продуктивности работ на ней. 14 сентября 1916 г.¹⁶

Метеорологическая комиссия выразила глубокую признательность Семенову. Она в полной мере приняла предложение и озаботилась выполнением обязательств со своей стороны. В качестве наблюдателя был подготовлен Михаил Емельянович Морозов, политический ссыльный. Пока он находился в Якутске, то получал, как и было заявлено, по 40 рублей в месяц, а с началом наблюдений — по 55 рублей.

В комиссии развернулась дискуссия, где производить наблюдения. На ближайшей вершине горы от рудника или в котловине, рядом с домом. Семенов был согласен на оба варианта. Даже выделил бы упряжку оленей для подъема на гору. Спор разрешила Иркутская ММО: можно ограничиться сведениями в котловине.

А.А. Семенов честно выполнил взятые на себя обязательства. В 1917 г. на свои средства он организовал высокогорную метеорологическую станцию. Станция расположилась на высоте 1020 м над уровнем моря на Верхоянском хребте, где находились свинцово-серебряные рудники. Наблюдения на

станции Семеновский рудник велись в 1917 и 1918 гг., и данные наблюдателя М.Е. Морозова позволили получить сведения о наличии инверсии температуры, особенно хорошо выраженной зимой. Предпо-

жения ученых подтвердились. Полученные результаты были опубликованы Главной физической обсерваторией. После этого встали новые вопросы. А до какой высоты инверсия? Велики ли ее значения и от-

клонения температуры от обычного хода? В России уже имелись способы измерений, но до Якутии они дошли гораздо позднее — в тридцатых годах.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Известия Якутского отделения Российского географического общества. 1928. — Т. 2. — Якутск. — С. 111–113.
- ² Приклонский В.Л. Летопись Якутского края. — Красноярск, 1896.
- ³ Записки ИРГО. 1891. — Т. 17, вып. 2. — С. 3.
- ⁴ Климат СССР. Ч. 1, вып. 4. — Л.; Гидрометеиздат. 1933. — С.131
- ⁵ Там же. — С. 132.
- ⁶ Известия ЯО РГО.— 1915. — Т. 1. — Якутск. — С. 41.
- ⁷ Там же. — С. 22–23.
- ⁸ Там же. — С. 50.
- ⁹ НА РС(Я). Ф. 490. Оп. 1. Д. 45. Л.138
- ¹⁰ Якутский архив. — 2006. — №4 (23). — С. 89.
- ¹¹ НА РС(Я). Ф. 490-и. Оп. 1. Д. 46. — С. 84.
- ¹² Там же. Л. 13.
- ¹³ Там же. Л. 20.
- ¹⁴ Там же. Л. 51.
- ¹⁵ НА РС(Я). Ф. 490. Оп. 1. Д. 46. Л. 26.
- ¹⁶ Там же. Л. 26.

Иван Ефимович Негенбля

(К 75-летию со дня рождения)

Д.А. Ширина

«Основная подъемная сила
Не мотор, а сам человек»
В. Шеметов

Рядом с нами живет и трудится замечательный удивительный человек — Иван Ефимович Негенбля. Окончив среднюю школу с серебряной медалью, он стал студентом механического факультета Киевского института гражданского воздушного флота. Получив специальность инженера-механика по техническому обслуживанию воздушных судов, он по распределению в 1961 г. приехал в Якутию. Здесь И.Е. Негенбля работал на предприятиях Якутского управления гражданской авиации инженером, начальником отдела, начальником Маганской авиатехнической базы, старшим преподавателем 17-го учебно-тренировоч-

ного авиаотряда, корреспондентом газеты «Северная трасса».

Как известно, самое трудное преодоление — преодоление самого себя. Будучи прикованным болезнью к инвалидной коляске, Иван Ефимович стал известным писателем, журналистом, ученым. Ныне он — кандидат исторических наук, член Союза журналистов России и Международного сообщества писательских союзов, лауреат премии В.И. Кузьмина и конкурса Союза журналистов РС(Я), посвященного 50-летию Победы. И.Е. Негенбле присвоено почетное звание «Заслуженного деятеля культуры Республики Саха (Якутия)»; его работы неоднократно отмеча-

Данара Антоновна
Ширина,

д.и.н., г.н.с. сектора
арктические исследования
ИГИИПМНС

© Д.А. Ширина

лись дипломами Союза журналистов республики.

Перу Ивана Ефимовича принадлежат десятки монографий. Кроме того, он является составителем различных сборников, автором сотен очерков, статей и заметок. Основная тема его исследований — история отечественной авиации, особенно авиации Якутии; главные герои его книг пилоты, инженеры, техники, их умение, мужество, мастерство.

История авиации республики, начиная 1925 г., когда над Якутском поднялся в небо первый самолет, занимает в сочинениях Ивана Ефимовича особое место. В своих работах он показал появление и развитие нового для региона воздушного транспорта; значение Якутска в годы Великой Отечественной войны, когда город стал административным центром перегоночной трассы Аляска — Сибирь; становление авиации Якутии как одной из ведущих отраслей хозяйства Северо-Востока.

Впервые в отечественной науке автор воссоздал историю одной из ведущих служб в авиации Якутии, опубликовав исследование, посвященное изучению инженерно-авиационной службы. Обзор самолетов, использовавшихся в авиации Якутии в течение 70 лет, особенности их конструкций И.Е. Негенбля представил в издании «От Сопвича до Ил-76. Самолеты Республики Саха (Якутия)». К 60-летию Маганского авиапредприятия он издал по-

пулярный очерк «Отряд специального применения».

Огромное место в творчестве ученого занимают кропотливо собранные материалы о якутских авиаторах, мастерах авиационного дела Якутии, которые активно участвовали в обеспечении нужд населения и хозяйства, в обеспечении воздушным транспортом дрейфующих станций, осуществляли проводку караванов морских судов в восточном секторе арктических вод.

Большую исследовательскую работу Иван Ефимович провел по изучению жизни и деятельности одного из первых летчиков-якутов В.И. Кузьмина — заслуженного пилота СССР, Героя Социалистического Труда. И.Е. Негенбля посвятил отдельную книгу, очерки и статьи новаторской деятельности заслуженного пилота СССР Е.Ф. Алькова; способствовал внедрению оригинальных методических разработок этого авиатора в практику летной работы.

Издавна притягивала к себе внимание исследователей Арктика и как кладовая ресурсов, и как интереснейший объект научного изучения. В настоящее время человечество осознало экологическое значение высоких широт Земли. Важным представляется все увеличивающийся интерес к коренным арктическим народам.

Иван Ефимович Негенбля посвятил две монографии вопросам изучения арктического ареала с воздуха. Историей по-

лярной авиации он занимается фактически 20 лет. В первой книге описаны события с 1897 г. по 1941 г.; во второй — до 1991 г. Объединенные названием «Над безграничной Арктикой», посвященные истории освоения ареала почти за 100 лет авиаторами разных стран, начиная с первого полета С. Андре, исследования И.Е. Негенбля отличают, с одной стороны, высокая степень обобщения, с другой — особая тщательность при описании тех или иных событий и ситуаций. В целом же, автор показал значительную роль авиации в освоении арктических просторов.

Одной из тем, которая заняла значительное место в исследованиях И.Е. Негенбля, стала история перегоночной трассы Аляска — Сибирь, используя которую в годы второй мировой войны американские и советские авиаторы доставили по ленд-лизу из США в СССР около 8000 самолетов. Составленный им сборник «Трасса мужества и дружбы», изданный в Якутске в 1992 г. и содержащий воспоминания, очерки, документальные рассказы о воздушной трассе Фэрбенкс — Якутск — Красноярск, положил начало работе автора в этом направлении. В том же году на Аляске была опубликована, затем переиздана в 2001 г. история перегоночной трассы в фотодокументах («Кобры над тундрой» — “Cobras over the Tundra”). В 2000 г. увидели свет очерки И.Е. Негенбля, озаглавленные «Аляска — Си-

бирь. Трасса мужества». Фотоальбом, включающий около 200 фотографий, тексты на русском и английском языках был издан в 2005 г. («Аляска — Сибирь: Над тундрой и тайгой» — «Alaska — Siberia: Over the Tundra and Taiga»). Автор вышеназванных работ организовал и открыл в центре Аляски, в Фэрбенксе, к 65-ю Победы фотовыставку «Трасса мужества». Тогда же на международном форуме, который состоялся под эгидой американского Института Севера и Северного Форума, в рамках

Международной конференции экспертов авиации Арктики И.Е. Негенбля выступил по вопросу восстановления воздушных связей между Якутском и Фэрбенксом, городами-побратимами.

Поражает разнообразие источниковой базы исследований Ивана Ефимовича: документы архивов, мемуары, материалы встреч с авиаторами, интервью, переписка, телефонные разговоры. Все работы автора пронизаны глубоким профессиональным знанием летного дела, восхищением людьми, за-

нятыми в отечественной авиации; отличаются значительно-стью изучаемых тем, фундаментальностью и добротностью их исследования, использованием интереснейшего фактического материала.

Верным надежным помощником, личным врачом, другом, который всегда рядом, всегда готов помочь, стала жена И.Е. Негенбли — Ольга Александровна. Этим прекрасным замечательным людям желаю здоровья, успехов во всех начинаниях.

Наш адрес: 677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1.
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
каб. 412 (тел. 35-43-40).

Электронный адрес редакции: igi@ysn.ru

Свидетельство о регистрации от 11 января 2007 г. ПИ ФС 15-0437.

Подписано в печать 11.07.2013 г.
Формат 60х84 1/8. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Печ. л. 14,18. Тираж 600 экз.

Отпечатано с готового макета в ООО ИПД «Норд-Пресс»
677001, г. Якутск, ул. Б.Чижика, 33/4, тел. 21-19-84.
